

Открывая "Переломы", знайте, что бессонная ночь
вам обеспечена. Виртуозно манипулируя вашим
вниманием, Тилье искусно плетет свою паутину,
и рано или поздно вы сами становитесь его жертвой...

Le Point

Франк Тилье
Переломы

серия "Лекарство от скуки"

Лучшие детективы мира

Annotation

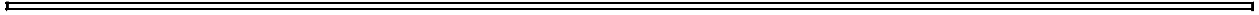
По дороге на работу Жюли Рокваль, социальная сотрудница психиатрического отделения, находит на автобусной остановке совершенно неподвижного голого человека, прикрытого одним лишь одеялом. Кровь очень редкой группы, обнаруженная на одеяле незнакомца, принадлежит Алисе Дехане, пациентке психиатра Люка Грэхема. Что объединяет этих людей? И какая жестокая тайна кроется за «черными дырами» в памяти загадочной Алисы?

- [Франк Тилье](#)
  - [Пролог 1](#)
  - [Пролог 2](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)

- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [Эпилог](#)
- [Благодарности](#)
- [Об авторе](#)

- [О романе](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)

Франк Тилье

Переломы

Яну

Пролог 1

Сентябрь 1982 г. Шатила, Ливан

Нищета никогда не мешает бурлению жизни. Еще вчера повсюду бегали палестинские ребятишки. Иногда мальчишки усаживались на мусорной куче напротив кувейтского посольства и, потрясая воображаемыми «калашами» и М-16, представляли себя героями.

Сегодня на улицах опасно.

Клод Дехане стремительно вбегает в подъезд семиэтажного дома. Он задыхается, в сумке у него бултыхаются фотоаппараты «лейка» и «кэнон».

Школы Сабры и Шатилы пусты, небо над Западным Бейрутом заполнено низко летящими истребителями-бомбардировщиками. В охваченном восстанием городе слышны крики, рушатся дома.

Оказавшись в безопасности, в захлавленной квартире, Клод ласково ерошит густые волосы Наджат. Маленькая палестинка, стоящая рядом со старшими братьями, не улыбается. Ее мать, Малака Аббас, растирает изуродованные артритом ноги старика отца, устроившегося на сиденье, выломанном из автомобиля. Сплошь и рядом палестинские жертвы остаются безымянными. Но на этот раз у людей есть лица.

Труженица мать немного говорит по-французски — язык преподают в школах БАПОР.^[1]

— Они ищут фedaинов. Войска Катамба и израильтяне перегородили дороги танками. Они придут сюда. Тебе надо спрятаться. Быстрее!

Она встает и указывает на встроенный шкаф: если открыть дверцу, за ней обнаруживается дыра в стене, достаточно большая, чтобы в ней, скорчившись, поместились два человека.

— Забирай туда с собой все вещи, — добавляет она, обернувшись. — И сиди там. Наджат принесет тебе воду и рис.

Клод поглаживает короткую черную бородку. Кудрявые волосы, серые мягкие башмаки, светло-голубая льняная рубаша делают его очень похожим на местного жителя.

— Нет-нет. Вам самим надо спрятаться. Хотя бы детям.

— Мы-то ничего не боимся. У нас нет оружия. Им нужны фedaины. Все фedaины. Ты журналист, к тому же европеец. Если тебя найдут — будут пытаться, а потом прикончат.

От грохота выстрелов у Клода сводит живот. Французские десантники,

американские морпехи и итальянские пехотинцы ушли из страны неделю назад. Все ограничения, все правила отступили перед наводящими ужас израильскими стопятидесятипятимиллиметровыми пушками.

Дверца шкафа захлопывается. Свернувшись клубком под одеялом в дыре, замаскированной пластиковой скатертью, Клод в свои тридцать два года чувствует, что умирает от страха, как ребенок. В конце концов, измученный, он забывается сном.

Ощущение, как будто в голове взрывается лампа. Клод внезапно просыпается от криков и металлического грохота. Кругом темнота.

Они там, в доме.

Топот сапог по полу, дверца шкафа распаивается. Клод, затаившись под скатертью, перестает дышать, все его тело словно окоченело. Если его найдут, ему не жить.

До него доносится запах спиртного, он слышит злобное пыхтение. Через крохотную дырочку он видит кедр, вытатуированный на чьем-то плече. Это фалангисты — боевики ливанцев-христиан. Лишенные совести дикие звери. Их главаря только что убили.

Дверца шкафа снова закрывается, но не до конца.

Журналист видит все.

Он видит, как человек превращается в животное, теряет остатки разума. И это — после стольких веков эволюции...

Клод забивается поглубже в свою нору, по его измученному лицу текут слезы, он неслышно кричит, царапает землю, пока не обдирает ногти до крови. Он знает. Знает, что происходит там, за дверью, Наджат взывает к нему.

Там гуляют, смеются, болтают, поют по-арабски с ливанским акцентом, арак так и льется в пересохшие глотки. Почему не вмешиваются израильские солдаты? Из госпиталя в Акко они не могут не видеть, что здесь творится! Они не могут не слышать!

Клод не знает, сколько времени длилась кровавая истерия. Он видел, как рассвело, а потом опять стемнело. Ноги в носках заledenели, содержимое мочевого пузыря не раз и не два обожгло ляжки.

А потом хаос внезапно закончился, ураган унесся прочь. Когда бог знает через сколько часов после резни умирающий от жажды и голода Клод снова открывает глаза, солдат в доме нет. Терял ли он сознание? Был ли он в аду? Он не помнит.

Он чувствует боль в паху, в лопатках. Темная прядь прилипла ко лбу,

он пытается ее смахнуть, а она хрустит под пальцами — на волосах запеклась кровь. Он не понимает, откуда взялись эти синяки и раны, в мозгу все перепуталось.

Он выбирается из своей норы. В доме все замерло.

Клод не понимает, что означает эта тишина. Он не плачет, он не может заплакать. В шахтерском поселке отец порол его ремнем, когда он хныкал. Тело горело от ударов.

И все же, выйдя на улицу, где солнце обжигает лицо, он разражается рыданиями. И вдруг он видит Наджат. Наджат стоит там, среди мертвых тел. Она колышется под жаркими лучами, она тянется к Клоду, зовет его. Он бежит к ней — но руки сжимают лишь рваную тряпку, развевающуюся под порывами пахнущего гнилью утреннего ветра.

Он бродит по улицам среди завалов, присоединяется к группе журналистов, приехавших из Иерусалима, военных корреспондентов, горстке выживших. На порогах домов, на ступенях мечетей, в школьных дворах лежат горы трупов. Над ними кружат рои мух, стаи птиц. Уцелевшие женщины ищут мужей и сыновей. Он видит разрушенные семьи, оборванные жизни, сметенные чьей-то злобой.

Все в нем рухнуло. Все убеждения, все ориентиры. Каждый труп напоминает ему о Наджат. Можно закрыть глаза, заткнуть уши, но это не помогает. Малышка так и стоит неподалеку, стоит только руку протянуть. И она так громко кричит! Он всегда будет чувствовать на себе ее взгляд, это ощущение — словно инородное тело в голове, от которого невозможно избавиться.

Он видел, как они умирали, и не вышел из своей норы.

Когда самолет Красного Креста взлетает из аэропорта Дамаска, Клод прижимается лбом к иллюминатору. Он знает, что зло существует.

Он видел его в лицо. Без грима, без прикрас.

Спустя какое-то время Клод Дехане выходит из самолета в аэропорту Орли. Он не улыбается, но и не плачет. Он не рассказывает о драме, пережитой в Ливане. Никому. Воспоминания постепенно рассеиваются, как пыль, поднятая колесами армейского броневика. Но какие-то сцены по-прежнему сжигают его изнутри.

По словам властей, во время бойни в Сабре и Шатиле на территории лагерей не находилось ни одного европейца, ни одного американца, вообще никого из иностранцев. По данным различных источников, число убитых гражданских лиц составляет от пятисот до пяти тысяч человек. Основные орудия убийства? Ножи и кинжалы.

Но зато Клод и смеется, и плачет, когда 29 сентября 1982 года, в Михайлов день, его жена разрешается от бремени. Выложенные кафелем стены, в которых он провел несколько минут, кажутся ему самым прекрасным в мире зрелищем.

В детской палате его внимание привлекает только одна девочка. Он прижимает ее к сердцу, совершенно не обращая внимания на плач другого младенца, который точно так же нуждается в ласке.

Клод сделал выбор. Он держит на руках вернувшуюся Наджат. Он уже знает, что будет любить этого ребенка так, как не любил никого на свете.

У него хранится прядь темных волос маленькой палестинки. Он уже и не помнит, как она у него оказалась, и предпочел бы от нее избавиться, но почему-то никак не получается.

Он так и не достал со дна сумки свой репортаж о конфликте в Ливане и ушел с работы.

В голове у него по-прежнему звучат автомобильные гудки, шум толпы, скрежет колес по рельсам, сливаясь в грохот танков, идущих прямо в ад. Он видит себя летящим над горами трупов, рукой он дотрагивается до замученных людей, возвращая их к жизни. Как бы ему хотелось...

Ему больше не хочется задыхаться в Париже, не хочется видеть вокруг себя тени, не хочется жить в условиях, над которыми он не властен. Все вокруг стало опасным.

Он ищет покоя, того покоя, который окружал его в детстве, ему нужен свежий ветер, под порывами которого стелются травы и гудят ветки деревьев, он хочет вспомнить, как свободно дышал отец до того, как его сразил силикоз.

Продав квартиру в Девятом округе, он покупает маленькую фламандскую ферму на севере страны, откуда он родом, и перебирается туда. Благодаря прошлым работам его банковские счета в полном порядке.

Свои репортажи и прядь волос он прячет в сарае на ферме. Выбросить их выше его сил.

Его жена Бландина без труда находит место медсестры в больнице в Аррасе. Вообще-то ей не очень нравится на севере, где нечем заняться, кроме работы. К тому же ферма находится в двухстах метрах от немецкого кладбища, где похоронено больше тридцати шести тысяч солдат, убитых во время Первой мировой. Окно одной из спален выходит на роскошный вяз, посаженный в 1918 году, а за ним тянутся бесконечные ряды темных крестов. Мрачное зрелище...

Вот так Клод изменил свою жизнь с той же легкостью, с какой журналист меняет тему своих статей. Просто перевернул страницу.

На этой спокойной и безмятежной земле кошмары постепенно рассеиваются. Клод, прежде никогда не считавший себя верующим, начинает читать Библию, молиться. Ему хорошо в кругу семьи, он чувствует себя счастливым.

И все же он знает, что после Ливана что-то в нем сломалось, его преследуют какие-то травмы. Исчезло сексуальное влечение, он было обратился к врачу, но потом резко прервал лечение. Бландина принимает это с трудом, но все же принимает. Она любит своего мужа.

Внешне все выглядит очень просто.

На самом деле все очень сложно.

Пролог 2

Прошли годы.

Сад. Уютный семейный домик. За высокими деревьями, окаймляющими квадратную лужайку, простирается кукурузное поле.

Кто-то наблюдает в бинокль за ребенком, играющим среди высокой травы в мяч. Красный мяч.

Мальчуган видит, что приехал отец, и бежит к нему:

— Папа, поиграем в футбол?

Александр запирает машину и нежно целует сына.

— Завтра. Сегодня папа много работал.

— Ты всегда говоришь «завтра»!

— На этот раз я тебе обещаю. Завтра, ладно?

Он гладит ребенка по голове и входит в дом, не закрыв за собой застекленную дверь.

Мальчик продолжает кидать свой красный мяч об стенку. Наблюдатель не сходит с места. Он ждет.

Позже в тот же вечер. Со вкусом обставленная комната на втором этаже. Окно в торцевой стене выходит на кукурузное поле.

На первом этаже в темноте притаился человек с биноклем. В одной руке он держит дубинку-электрошокер, в другой — шприц со снотворным. За его спиной — закрытая застекленная дверь.

Александр в спальне натягивает пижаму. На его правой щиколотке видна татуировка в виде головы волка.

Он забирается под одеяло, его жена Карина выходит из ванной, ложится и прижимается к нему. Она начинает ласкать его, он целует ее в губы и нежно отстраняет ее руку.

— Завтра, милая, сегодня мне надо отдохнуть. Подыхаю от усталости.

— Завтра, вечно завтра! А если бы никакого завтра не было?

— Мы бы этого не узнали.

— Чего — этого?

— Если бы завтра не было, мы бы этого не узнали.

Лампа гаснет.

На следующее утро.

Какой-то толчок, словно земля содрогнулась.

Карина с трудом открывает глаза. В горле пересохло, у нее такое ощущение, словно она проглотила мешок цемента. Голова кружится. Она вспоминает. Страшная боль в спине, невозможность пошевелиться. Потом — черная дыра.

Она начинает различать какие-то звуки.

— Ой! Мама! А как же мой футбол?

Карина встает, она чувствует, что нервы на пределе. Какой футбол?

Ее сын Тео смотрит на нее с упреком:

— Папа обещал пойти со мной. Его машина на улице. А где он сам, ты не знаешь?

Понедельник, 8 октября 2007 года. Через двадцать пять лет после резни в Сабре и Шатиле.

Лаборатория экспериментальной психологии, Национальный центр научных исследований, объединенная исследовательская группа 8768, Булонь-Бийянкур

— Тест закончен.

Алиса Дехане собирается выйти вместе с остальными, но психиатр преграждает ей путь:

— Нет, не туда. Они закончили, а вы нет. Остался последний тест, самый важный для нас.

Алиса чувствует себя неуверенно. Эта лаборатория, эти странные аппараты, люди в халатах...

— Хорошо, доктор. Вы останетесь со мной?

— Конечно.

Теперь ее окружают какие-то странные электронные приборы. Доктор Люк Грэхем предлагает ей сесть перед компьютером с огромным дисплеем. Алиса подчиняется, ее голубые глаза задерживаются на проводах, идущих от многочисленных датчиков. Она сжимает кожаные подлокотники. Блузка промокла от пота. Психиатр наносит гель на белую ленту с тремя датчиками — синим, черным и желтым. Он подносит ленту к ее левой щеке.

— Это устройство позволит мне измерить частоту напряжения ваших мышц. Его надо наклеить на грудь, и я смогу оценить работу сердца. Просуньте его между пуговицами блузки. Вот так... Спокойно...

Алиса подсовывает клейкую ленту под блузку и прижимает ее между грудями.

— Все.

— Отлично. Еще несколько штук. Вот эти — самые забавные... Дайте-ка мне левую руку.

Люк Грэхем надевает ей на руку перчатку, своего рода усовершенствованную митенку, и объясняет, что электроника позволит ему измерить проводимость кожи, температуру тела и объем артериальной крови. Пояс, который она надевает на живот, даст возможность контролировать ритм дыхания.

Алиса вытягивает руку и шевелит пальцами, она взволнована, но ей интересно.

— А для чего все эти... приборы, доктор? Ведь это происходит у меня в голове, а не снаружи.

— Подсознательное создает ваши эмоции, а они проявляются в совокупности биологических сигналов. Пересохшие или влажные губы, изменение ритма сердца, напряжение и расслабление мышц. Вот это я и собираюсь записать. Надеюсь, непосредственно перед тем, как наступит ваша черная дыра. Понятно?

— Понятно. А в этот раз вы мне покажете записи?

— Подождите, Алиса, подождите. Не будем торопить события, мы уже так близки к решению.

Он сжимает ее запястья:

— Вы ведь тоже в это верите, и поэтому все сработает. У нас все получится.

Она улыбается:

— Я верю вам, доктор.

Он объясняет ей, как будет проходить эксперимент. На экране будут чередоваться изображения — нейтрального содержания, приятные и неприятные. Алисе предстоит реагировать, нажимая кнопки, соответствующие ее ощущениям. Кнопки «+», «—» или «?». В любом случае главное — отвечать не задумываясь.

Люк осторожно прислоняет голову пациентки к спинке кресла, потом надевает на нее подбородник. Мышцы на шее молодой женщины напрягаются, пальцы стискивают подлокотники. Люк Грэхем дает четкие инструкции:

— Во время эксперимента важно не двигаться. Картинки, только картинки. Больше ни о чем не думайте. Все будет хорошо.

Он в последний раз регулирует приборы.

— Некоторые изображения будут душераздирающими, они могут вызвать тошноту или недомогание. Дело в том, что организм компенсирует резкие изменения физиологического состояния снижением давления. Это называется «барорецепторный» рефлекс. В таком случае резко напрягите все мышцы. Через час мы уедем из Парижа, и вы вернетесь домой. Я выйду из комнаты, но буду позади вас, хорошо?

Алиса кивает головой и поправляет маленькие очки в коричневой оправе.

Из микрофона слышен голос. Это доктор. Алиса пытается повернуть голову, чтобы увидеть, где он, но для этого ей пришлось бы вырвать все

провода.

— Начнем с нескольких пробных картинок, чтобы убедиться, что вы все поняли. Не двигайтесь.

Психиатр, не оставляя своего наблюдательного поста, поворачивается к сидящему слева коллеге:

— Ты бы оставил меня с ней.

— Она из твоей клиники?

— Нет. Из частной практики.

Благодаря мини-камере, скрытой в корпусе компьютера, один из директоров лаборатории экспериментальной психологии, Марк Броссар, видит лицо Алисы. На других экранах мелькают ряды цифр и кривые: это биометрические параметры пациентки.

— А она миленькая. Хороший выбор.

Люк Грэхем улыбается.

— Прекрати...

Он нажимает кнопку, система выдает серию изображений. На дисплее в случайной последовательности возникают символы, совпадающие с кнопками «+», «—», «?». Алиса все поняла, она правильно реагирует и отвечает. Люк Грэхем поворачивается к Марку Броссару. В его серо-голубых глазах читается полная уверенность.

— Ну все, теперь оставь нас. Эту работу мы с ней должны проделать с глазу на глаз, она мне доверяет.

Марк Броссар не противится, узнать что-то еще ему все равно не удастся. Он выходит через дверь, расположенную за контрольным пультом, и закрывает ее за собой. Психиатр встает и запирает дверь. Зажигается табло: «Идет воспроизведение».

Люк Грэхем вводит в компьютер тысячи изображений из базы данных МАСИ^[2] и с помощью специальной программы убирает семьдесят процентов картинок нейтрального и позитивного содержания, оставляя только самые страшные.

Он собирается ввести в Алисин мозг максимум негативной информации и делает это вполне сознательно. Он хочет запугать ее в интересах лечения, а не просто так.

Не отрываясь он смотрит на глаза Алисы на мониторе, на эти глаза невероятного фарфорово-голубого цвета, который он так хорошо изучил. Дойти до конца, но ради нее...

Он вводит программу в память компьютера.

Белый дисплей. Алиса не теряет терпения, это упражнение монотонное, но не сложное. Надо просто выбрать нужную кнопку,

доверившись своим ощущениям.

На смену «+», «—», «?» приходят настоящие изображения. Тест начался.

Вначале появляется пустой стул в центре синей комнаты. Алиса нажимает «?». Следующая картинка. Ребенок ведет на поводке спаниеля. Алиса улыбается. Ей кажется, что она действительно видит рядом с собой эту собаку, что та прижимается своим черным носом к ее лицу.

Звучит сигнал. Алиса спохватывается. Конечно, теперь она нажимает «+». В детстве у нее был спаниель Дон Диего...

Операция на открытом сердце, тройное шунтирование. Алиса вздрагивает, но подбородник удерживает ее на месте. Через две секунды она нажимает «—». Очень неприятно. Психиатр отмечает внезапное ускорение сердечных сокращений.

Готовый к нападению медведь с выставленными вперед когтями. Зубной врач за работой. Искалеченный на войне человек. Алиса дышит с трудом, на шее быстро бьется пульс, на коже выступили капельки пота, ощущения путаются.

Следующая обойма. Раны, катастрофы, болезни. Удары ножом. Алиса дрожит, сердце толчками выбрасывает горячую густую кровь. Она продолжает бороться. Тест, пройти тест, ради доктора, ради лечения. Все плохо, плохо, плохо, плохо, плохо. Она напрягает все мышцы, еще немного, и у нее начнутся судороги. Вокруг нее больше ничего нет. Она где-то плывет. Фотографии мелькают все чаще. Плохо, плохо.

И вот новая картинка. Что-то чудовищное.

Алиса обоими кулаками давит на кнопку «—».

Она срывает подбородник, все датчики и бросается к двери.

Со всех сторон раздается писк аппаратов. Прибегает Люк Грэхем:

— Алиса, как вы?

Молодая женщина с бешеной силой отталкивает его и бежит к выходу.

Персонал, не веря своим глазам, смотрит ей вслед. Никто не реагирует.

Когда психиатр выбегает на парковку, он видит машину Алисы, удаляющуюся со скоростью двести пятьдесят километров в час.

Сидя на крыльце своей фермы, Клод Дехане под звуки маленького радиоприемника наслаждается последними лучами солнца. Он целый день трудился на огороде и очень устал. Теперь он с гримасой растирает поясницу. Стоит хорошенько выспаться ночью — и все пройдет, а завтра все начнется сначала. Боже, он стареет. Об этом свидетельствуют потрескавшаяся кожа рук и позвоночник, все хуже переносящий нагрузку. Земля севера не прощает слабости.

Вдруг он поднимает голову и смотрит на дорогу, тянущуюся от фермы до самого горизонта. Шум мотора, потом темноту разрывает свет фар. Гости, в такое время? Наверное, Доротея, Мирабель... Или даже Алиса.

Выражение усталости на его лице сменяется удовлетворением. Он аккуратно откладывает в сторону нож, которым выкорчевывал сорняки. Рукавом вытирает рот, выключает радио, встает, берет в кухне бутылку воды и делает несколько глотков.

Потом снова садится на крыльце, ступенькой выше, поставив бутылку рядом с собой. Машина мчится по дороге с непривычной скоростью. Клод прищуривается. Темно, и он никак не может разглядеть, кто едет. Скрип шин, гравий из-под колес долетает до его ног.

Из автомобиля выходит красивая молодая женщина. Клод слегка наклоняет голову. Алиса? Доротея? Он действительно не может разглядеть, кто это.

Все происходит с молниеносной быстротой. Никто не произнес ни слова.

Женщина хватается нож со ступенек и наносит Клоду Дехане два удара в левую сторону груди, а потом бросает оружие и исчезает.

Люк Грэхем смотрит на потрескивающие в камине дрова. Сидя потурецки на восточном ковре, психиатр открывает коробку с материалами, собранными за год работы. Он достает оттуда магнитофонные кассеты, фотографии, ежедневники и собственный отчет, занимающий около двадцати страниц. Во всех документах речь идет об одной и той же пациентке: Алисе Дехане, двадцати пяти лет.

Где скрывается Алиса? Почему после бегства из Центра исследований она не отвечает на его звонки?

Может быть, надо было принять больше мер предосторожности. Отнестись к этому случаю как-то иначе.

Он перебирает свои записи. Все эти слова, строчки, наброски, полученные от нее великолепные рисунки и другие, куда более мрачные... Он разглядывает под лампой фотографию из базы данных МАСИ, с которой все началось. Море крови. Похоже на место преступления.

Люк кладет фотографию к остальным. Портреты, на оборотной стороне которых написаны имена и даты съемки. Он всегда фотографирует пациентов для своего архива.

С улицы доносится резкий хлопок калитки. Люк, погруженный в свои размышления, подскакивает. Это наверняка ветер.

Он кладет фотографии на низкий столик и берет DVD-диск, на котором записан тест с использованием пугающих стимулов, проведенный в лаборатории Национального центра научных исследований. Глядя на поверхность диска, он вспоминает глаза, в которых серый цвет преобладает над голубым, пухлые щеки, тонкие, безупречно розовые губы. Ему уже сорок пять, но он хорошо выглядит, несмотря на то что курит и слегка задыхается.

Он в который раз вставляет диск в проигрыватель и в который раз заходит в тупик. Откуда берется эта мощь, эта сложность человеческого разума? Как действуют все эти защитные механизмы, в каких структурах мозга спрятаны ключи, которые позволили бы вскрыть их?

Спокойствие и сила пламени завораживают его. Ему хорошо возле огня. Субботними вечерами они с Анной и детьми всегда сидели у камина.

Снова стучит калитка в аллее. Люк застегивает последнюю пуговицу пиджака и выходит.

На улице свирепый ветер сдувает песок с дюн и гонит его на пустую

дорогу. Люк опускает щеколду на калитке, у него возникает странное ощущение, что он уже делал это, когда вернулся, совсем недавно. Он перегибается через забор и осматривает улицу. Никого...

Стоя в одиночестве посередине сада, Люк поворачивается в сторону пляжа. На песке выстроились разноцветные кабинки. Северное море мирно спит в своей серебряной постели. Слева — Дюнкерк, справа — бельгийские курорты. Ему так нравилась эта картина, когда Артур и Ева тянули его за руки и звали играть на берегу. Где-то там, среди дюн, еще живут отголоски их смеха.

Он возвращается в дом, опускает жалюзи и теперь идет, ориентируясь только на дрожащий огонь. Алиса... Бездонная голубизна ее глаз, ее белая кожа, ее взгляд, беспокойный, словно кипящая вода. Алиса... Единственная, кто занимает его мысли долгими ночами.

Через десять секунд он поднимается на второй этаж и заходит в кабинет. Он поворачивает ручку двери, но не выпускает ее. Потом с грустным вздохом он распахивает дверь так, что она ударяется о стену. Скверная привычка.

Зажав зубами сигарету, он включает компьютер, щелкает по папке с данными, относящимися к Алисе:

Доктор Люк Грэхем. Обобщение данных.
В процессе работы.
Пациентка Алиса Дехане.

Таблицы, графики, анализы: эти двадцать страниц содержат почти готовое решение. Еще несколько дней, несколько недель, и Алиса могла бы выздороветь. Люк начинает формулировать выводы на основании опыта Национального центра научных исследований.

Снизу доносится треск. Люк бросается на первый этаж.

Сердце колотится все быстрее.

Застекленная входная дверь открыта. Какая-то тень бежит в сторону дюн.

Он поворачивается к низкому столику, потом к DVD-плееру. Аппарат открыт.

Кто-то украл фотографии и диск с записью теста.

И он считает, что ему известно, кто это сделал.

Доротея Дехане...

Жюли Рокваль крутит ручку автомагнитолы и в конце концов останавливается на песне «Boys don't cry»^[3] группы «The Cure». «The Cure» в семь утра... Лучшее средство, чтобы побыстрее преодолеть пятьдесят километров от Лилля до Бетюна. В памяти всплывают вылазки в ночные клубы двадцать с лишним лет назад. Боже мой, двадцать лет...

Дороги, ведущие в другую сторону, в направлении столицы Фландрии, постепенно заполняются машинами, рабочий люд просыпается. Жюли зевает, трет глаза. Она выбилась из сил, но не жалеет о беспокойной ночи. Последние двенадцать часов, проведенные вместе с ночной сменой экстренной медицинской помощи, были очень тяжелыми, но они еще больше сблизили ее с теми, кто, как и она, пытается решать проблемы улицы. Служба скорой помощи, пожарные, полиция... Получив должность социального сотрудника психиатрического отделения больницы Фрейра при Клиническом центре в Лилле, Жюли каждую неделю, накануне выходных, выезжает на вызовы со специалистами, с которыми сталкивается на работе. Достаточно ночью поболтать с парнями о футболе, девушках и тачках, и потом будет гораздо легче, когда тебе придется просить их о какой-то услуге или узнавать номер телефона.

Под томные рулады Роберта Смита Жюли проезжает круговой перекресток, сворачивает с трассы и едет в направлении Ильеса. В Ильесе есть футбольный стадион, церковь и несколько домов. Жюли срезает путь, пользуясь местными дорогами, это позволяет не проезжать через город с его бесконечными светофорами. Когда она просила о переводе во взрослую психиатрию, она еще не знала, что ежедневная дорога будет отнимать столько сил. Кстати, вот уже несколько недель она всерьез подумывает о переезде. Поменять свой большой дом на квартирку под Лиллем. К тому же в Бетюне за последние месяцы стало так пусто.

Прямо перед собой, посередине дороги, Жюли видит женщину, которая машет ей рукой. Она притормаживает, останавливается у обочины, выходит из темно-синего «рено-клио» и поднимает воротник бежевой куртки, чтобы укрыться от холода. Сильный северный ветер треплет ее светлые волосы, подстриженные под каре.

Женщина бежит к ней. С резиновых сапог слетает налипшая земля.

— Пойдемте туда, на автобусную остановку. Там мужчина, совершенно голый. Я его увидела со своего поля. Наверное, надо бы... не

знаю... отвезти его в больницу?

Жюли бросается к бетонному навесу. На земле, скорчившись, лежит мужчина, действительно совершенной раздетый. Ноги накрыты одеялом песочного цвета с голубыми полосками. Жюли садится перед ним на корточки.

— Месье?

Никакого ответа, никакой реакции. Ярко-голубые глаза мужчины устремлены в никуда. У него длинные грязные волосы и взлохмаченная борода. Он похож на жертву кораблекрушения.

— Я уже пыталась поговорить с ним. Он не отвечает, не двигается. Можно подумать, он умер...

Но он все же дышит. Его грудь поднимается, хотя и почти незаметно. Жюли быстро осматривает его в поисках ран и синяков. На правой щиколотке она замечает татуировку в виде головы волка. Она берет мужчину за руку, и он сразу же сжимает ее пальцы. Этот жест кажется Жюли самой отчаянной мольбой о помощи.

— Мы поможем вам, хорошо?

Он не смотрит на нее. Жюли с трудом отнимает у него руку. Она встает. Изможденная рука мужчины так и остается протянутой вверх. Сотрудница социальной службы поворачивается к женщине в резиновых сапогах:

— Вы его знаете? Видели его здесь раньше?

— Никогда. Может быть, если его побрить, я бы и узнала. Потому что...

Жюли не раздумывает ни секунды:

— Помогите мне перенести его в машину. Я отвезу его в Клинический центр.

Она поворачивает мужчину на бок и приподнимает, подхватив под мышки. Женщина в сапогах берется за ноги.

— Господи, да он и пятидесяти килограммов не весит.

Жюли замечает на одеяле темные, почти черные пятна. Кровь? Они укладывают несчастного на заднее сиденье. Жюли вынимает из багажника дополнительные одеяла и бережно укрывает его.

Менее чем через минуту машина разворачивается и вливается в длинную вереницу автомобилей, едущих в сторону Лилля.

Где он? В постели, рядом с женой, а в соседней комнате спит сын?

Вокруг холод. И мрак.

Александр поднимается, чувствуя себя разбитым и усталым. Не в силах стряхнуть оцепенение, он на какую-то долю секунды готов поверить, что все это ему снится. Но обычно его сны похожи на бессвязное нагромождение образов, в них нет места таким ощущениям, как ветер, дующий в затылок, пощипывание в глазах, мурашки на коже. И главное, эти отчаянные позывы к рвоте.

Александр окончательно приходит в себя, когда с первого прикосновения понимает, что ему обрили голову. Рука, прикоснувшаяся к макушке, начинает дрожать.

Он делает несколько неверных шагов вперед, натывается на холодную каменную стену, потом на другую.

Решетки. Застенок. Похищение. Где-то в подкорке возникают буквы, они никак не складываются, потому что само слово кажется ему невероятным. П-о-х-и-щ-е-н-и-е.

Он упирается в металл, плечо соскальзывает, решетка не поддается. Александр скорчился в темноте, у подножия толстых стальных прутьев. Каждый стержень заглублен в пол и уходит вверх, на недостижимую высоту. Наверное, Александр находится под землей. Ему кажется, что откуда-то издали, слева, пробивается луч света. Его держат не в погребе. В каком-то более просторном помещении, с длинным коридором по центру.

Передвигаясь на ощупь, он устремляется вправо. Стена, скорее всего, кирпичная, если судить по неровным стыкам. Потом камень, потом снова кирпич. Он возвращается к решетке. Довольно большое помещение, метров восемь в длину и три в ширину. Двадцать четыре квадратных метра.

Затем Александр садится и ощупывает себя. На нем одежда, которая ему не принадлежит. Комбинезон с застежкой «молния» до самой шеи.

Он ощупывает пол. В темноте его пальцы натываются на кольцо с выпуклым рисунком. На расстоянии около полутора метров влево — другое кольцо. Он продолжает искать. В общей сложности четыре кольца, очень прочные, расположенные по углам прямоугольника, вделанные в камень. Он ложится раскинув руки, будто распятый. Это

соответствует, о, черт побери... Его запястья, его щиколотки.

Кандалы.

Александр проходит еще немного вперед, нащупывает желобок в глубине, метра три длиной, он проходит через камеру и исчезает под поперечной стеной. Он вроде бы идет слегка под уклон. И потом, этот запах... Не дрогнув, он дотрагивается до углубления пальцами, а потом подносит руку к носу. Моча. Еще не высохшая.

Он быстро подается назад, натывается спиной и затылком на решетку.

Он обрит наголо. Его волосы, его одежда, его свобода — все испарилось. Холод, мрак, страх.

Все его мысли обращены к жене и сыну. Он вспоминает звук их поцелуев, он видит и слышит, как отскакивает от стены красный мячик, он любит солнце над кукурузным полем, а потом вспоминает, как нырнул в кровать. Чтобы проснуться здесь.

«Завтра поиграем в футбол. Обещаю...»

Александр пытается определить размер коридора, потом, прижавшись лбом к решетке, несколько раз восклицает: «Ох!» Его голос эхом отдается где-то вдали. Подземный лабиринт. Он может кричать сколько угодно, тут, наверное, полная звукоизоляция. Он имеет дело не с новичком, а с кем-то весьма опытным.

Чего же от него ждут?

Отделение скорой помощи клиники Роже Салангро в самом центре огромного больничного комплекса, раскинувшегося на несколько гектаров... Усталые лица, раздраженные люди, не понимающие, почему им приходится ждать. За неимением места больные на каталках лежат прямо в коридорах. Среди них и неизвестный с автобусной остановки, он так и не изменил позу, в которой его оставили санитары. Жюли гладит его по голове, разговаривает с ним — она знает, что он ее слышит. Она пытается ободрить его, объяснить, что врачи вот-вот займутся им, что она придет проведать его завтра.

Жюли заходит в маленький кабинет за приемным отделением, забитый папками с документацией. Заведующая отделением Мартина Канвас, измученная ночным дежурством, приветствует ее усталой улыбкой. Они с Жюли почти ровесницы, обеим около сорока, и они прекрасно ладят друг с другом.

Жюли рассказывает о случившемся, и привезенного ею человека быстро передают в руки травматолога. Она просит также, чтобы его осмотрел психиатр и чтобы ее держали в курсе происходящего.

Прежде чем уйти, она на минутку заходит в соседнюю комнату, своего рода пристанище для службы экстренной психиатрической помощи: складная кровать, простой сосновый стол и стулья, окно, выходящее на парковку. Пятнадцать квадратных метров, предназначенных для дежурного психиатра. Сегодня там дежурил Жером Каплан, интерн второго года в клинике Фрейра. Он как раз повесил халат и натягивает вылинявшую джинсовую куртку. Он улыбается, увидев Жюли, они пожимают друг другу руки. Каплан высокий, худой, у него красивые темные волосы, а главное — он на десять лет моложе ее. Ему всего двадцать семь. Она, в свою очередь, вежливо улыбается.

— Ну, как прошло дежурство?

— Сегодня спокойно... Один шизик и одна попытка самоубийства. Кстати, хорошо, что вы здесь.

Жюли машет рукой в сторону парковки за его спиной:

— У меня выходной, я просто заехала. Завтра, ладно? Хочу поехать поспать.

— Я тоже. Но это ненадолго.

Жюли вздыхает:

— Ну, ладно...

Она показывает на фиолетовую кружку, стоящую среди других кружек с инициалами:

— Люк Грэхем на месте?

— Нет, сегодня он не дежурил.

Люк Грэхем, как и остальные психиатры Регионального клинического центра, работает в клинике Фрейра, в трехстах-четырёхстах метрах отсюда. Однако он регулярно берет ночные дежурства в отделении скорой помощи Салангро, где занимается больными, поступающими по поводу скорее психиатрических расстройств (срывов, буйного или антиобщественного поведения), чем травм.

— Вы хотите повидаться с ним по какому-то конкретному поводу?

Жюли сует руки в карманы куртки.

— Нет, нет... Я просто... увидела эту фиолетовую кружку.

Каплан, судя по всему, понимает.

— Ах да, история с этим больным... Вы знаете, что вся скорая помощь уже в курсе?

Конечно. Буйнопомешанный, размахивая фиолетовой кружкой, запер сотрудницу социальной службы и психиатра, застав их за разговором в этой самой комнате, — такое не может пройти незамеченным.

— Я бы предпочла, чтобы об этом не говорили.

— Здесь стены такие же тонкие, как в больнице Фрейра.

Каплан открывает историю болезни:

— Ну так вот, больного зовут Клод Дехане, ему пятьдесят семь. Доставлен сюда бригадой скорой помощи прямо из Арраса. Два удара ножом в грудь.

— А что, в Аррасе нет больницы?

— Есть, но эти ножевые ранения... он сам себя порезал. Они сразу же подумали о Фрейра, решили, что у больного расстройство или нестабильность психики. Проблема в том, что Клод Дехане хочет уйти. Он психиатров на дух не выносит. И удержать его невозможно. Поведение совершенно неагрессивное, он в полном сознании, мыслит логично...

Жюли берет историю болезни, надевает очки и читает по диагонали:

— «До восемьдесят второго года — известный репортер... Живет на ферме под Аррасом... В конце восемьдесят второго консультировался у психиатра в больнице Святой Анны... Добровольный курс лечения, прерванный через пять недель... Лечение у психиатра по поводу... — Она прищуривается. — ...Торможения полового влечения, а также психической травмы, полученной во время резни в Сабре и Шатиле, в Ливане».

— Судя по всему, он был там в качестве репортера... Наверное, все видел.

— Хм-м... А известно, почему он прервал лечение?

— Нет.

— Дети? Жена?

— Это не указано. А он не очень-то разговорчив.

Она отдает ему историю болезни и снимает очки.

— А вы сами думаете, что ему следует провести несколько дней во Фрейра?

— Попытка самоубийства в его возрасте — неважный симптом. Велик риск, что, как только он выйдет, повторит попытку.

Жюли показывает на кофеварку:

— Сделаете мне покрепче, и сходим к нему?

— Отличная штука эта ваша кофеварка. Повезло вам.

Жюли одобрительно улыбается:

— Стоит всего ничего, а служит вечно.

Каплан наполняет фиолетовую кружку и протягивает ее Жюли. Выпив кофе, они идут к лифту. Жюли поправляет волосы перед зеркалом.

— Завтра мне все-таки придется зайти в отделение Люка Грэхема. Я привезла в «скорую» больного, вполне вероятно, его переведут в Фрейра. Люк, надеюсь, не в отпуске?

— С тех пор как вы тут работаете, вы хоть раз видели, чтобы у Люка был отпуск?

— За последние полгода — нет.

— Он будет на месте. Но, кроме него, в Фрейра есть и другие психиатры, вы в курсе?

Дверь лифта открывается, и это позволяет Жюли выпутаться из неловкой ситуации. Она останавливается перед палатой Клода Дехане.

— Если ему не нравятся люди в халатах, вам лучше подождать меня здесь... — говорит она и входит в палату одна.

Клод Дехане, лежа на кровати, медленно поднимает правую руку и трогает толстую повязку у себя на груди.

Жюли, держа перед собой сумку, подходит поближе.

— Вам не надо бы столько двигаться.

— Кто вы? — спрашивает отец Алисы, поворачиваясь к ней.

— Жюли Рокваль. Я работаю в связке с больницей. Как бы это сказать... в общем, играю роль моста между больницей и внешним миром.

Клод поворачивается к окну. Долгое молчание.

— Когда я смогу выписаться? У меня две коровы, они сдохнут от

голода.

— Если все будет хорошо, вас выпишут дня через два-три. Не волнуйтесь за коров. Вы всегда можете позвонить, кому сочтете нужным. Как вы себя чувствуете?

— Как человек, которого ударили ножом.

Клод садится на кровати, его лицо напряжено, под черными глазами явственно проступают морщинки. Жюли тоже присаживается на край кровати и ставит сумку на пол.

— Вы припоминаете что-то конкретное?

— Ничего.

— Жалко.

Жюли встает, придвигает стул, устраивается в углу палаты. Потом достает из сумки ноутбук. Клод заинтересованно наблюдает:

— Что вы делаете?

— Простите, я занимаю вашу палату.

Больше не обращая на него внимания, она поворачивается к нему спиной и начинает изучать документы в компьютере.

Клод не сводит с нее глаз. Ему невыносимо слышать стук клавиш. Проходит несколько минут, и он спрашивает:

— Если я вам расскажу, вы уйдете?

Она не отвечает. Клод размышляет несколько секунд.

— Я ударил себя ножом вчера вечером, если вам интересно. Я сидел на крыльце, лицом к коровнику, и ударил себя прямо в грудь. Два раза, очень сильно.

Жюли опускает крышку ноутбука и поворачивается к нему.

Он повторяет ее движение и стискивает зубы. Боль просто ужасная.

— Я не знаю, что на меня нашло... Но, уверяю вас, я страшно пожалел об этом. Мне было очень больно. Я попытался привести себя в порядок в ванной. Смочил водой полотенце, чтобы смыть кровь и все рассмотреть, потом приложил его к ранам. Вроде это помогло, кровь текла не сильно, ничего страшного. А потом я спокойно вызвал «скорую».

Жюли кладет ногу на ногу. Бежевые брюки приоткрывают тонкие щиколотки.

— Почему вы совершили этот бессмысленный поступок?

Клод вжимается затылком в подушку и смотрит в потолок.

— Потому что... Потому что мне все надоело, я вдруг увидел все в черном свете. Какие-то мухи роились перед глазами. И... Ну что еще сказать? Нож валялся рядом со мной. Я взял его, направил себе в грудь, и вот... Объяснения нет.

— У попыток самоубийства всегда есть какое-то объяснение.

Клод поворачивает к Жюли голову, слегка улыбается, и при этом на его щеках появляются новые морщинки. Похоже на шрамы, оставшиеся от порезов при бритье.

— Какое объяснение? Призыв о помощи? Моя жена проводит большую часть времени в центре для тяжелых инвалидов. Скоро я не смогу ходить из-за болей в спине и умру в одиночестве среди холмов. Все в порядке, вы же видите?

Он сжимает губы, снова смотрит куда-то в окно, потом поворачивается к собеседнице:

— Послушайте, вы можете мне говорить что угодно... Нет, я не стану лечиться. Я не собираюсь ложиться к вам в клинику с какими-то психами. Я знаю психиатров, знаю врачей. Я всегда плыл в одиночку, с божьей помощью.

Он указывает на телефон:

— Теперь, когда вы получили чего хотели, не могли бы вы придвинуть его ко мне и перебраться в другую комнату?

Жюли берет сумку и протягивает ему трубку:

— Мы здесь не для того, чтобы докучать вам. Вовсе нет...

Она выходит и идет к Каплану:

— До завтра, увидимся в Фрейра. Я еду спать.

— Вам не удалось его убедить?

— Он — психоригидный тип, а я всего лишь сотрудница социальной службы, а не волшебница.

Алиса вздрагивает от резкого звука. Это гудок машины на улице. Она поворачивается. Где доктор Грэхем? Комната? Компьютер? Вокруг нее — проходы между рядами, неоновый свет, большие витрины. Шум машин.

Она в каком-то магазине, перед ней — бензоколонки. Автозаправка. Озадаченная, она стоит у двери. Смотрит на свои ладони, руки, ноги. Синий костюм и блузка куда-то исчезли, она с удивлением видит, что на ней — матерчатая куртка, толстый черный мохеровый свитер и джинсы, которые она не носит уже бог знает сколько времени. Подходит какой-то мужчина. Она его не знает. Ей кажется, что она грезит наяву.

— У вас все в порядке, мадам?

Она смотрит на свои часы, они явно сломаны, она стучит по ним, но стрелки так и остаются на цифрах 10 и 12. Десять часов. Утра или вечера? Она ищет глазами хоть что-нибудь, настенные часы, дорожный указатель, потом снова вздрагивает. Звенит колокольчик. За ее спиной кто-то входит в магазин и направляется к прилавку. Продавец безразлично отходит.

Алиса роется во внутреннем кармане куртки, вытаскивает оттуда свои документы, права, немного денег. Все совершенно настоящее.

Значит, снова то же самое.

Сколько же времени продолжалась *черная дыра* на сей раз? Час? Два? Пять? Она пытается разглядеть на парковке свою машину, находит ее — припаркована она неудачно, возле колонки. Темнеет. А может быть, наоборот, светает?

Ей хочется пить. Она берет бутылочку воды, потом подходит к кассе. Она не размыкает губ. Если она спросит, где находится, заправщик решит, что она ненормальная.

— С полной заправкой с вас пятьдесят два евро и пятнадцать центов.

— Полная заправка? Почему? Я же залила полный бак утром, когда ехала в Булонь-Бийянкур, и...

Алиса замолкает и заглядывает в кошелек. Там лежит банкнота в пятьдесят евро и несколько монет. Она протягивает деньги, забирает сдачу, чек и выходит. Внизу на чеке проставлена дата. Она останавливается. Среда, 10 октября 2007 года, 18.02.

Прошло два дня после эксперимента в лаборатории.

Поднимается ветер, темнеет. Алиса застегивает молнию на куртке и

идет к своему «фиату-крома».

Она быстро оглядывает салон. Все на месте. Медалька со святым Христофором, упаковка бумажных носовых платков, чеки возле пепельницы. Она проглядывает их, но не находит ничего интересного.

Теперь надо быстро тронуться с места. К счастью, местность ей знакома. Она узнает Сен-Мартен-Булонь, городок на Опаловом побережье, недалеко от ее дома. Значит, она вернулась в Па-де-Кале, за двести пятьдесят километров от Булонь-Бийянкур. Она зеваёт, ее одолевает усталость. Выпивает до дна свою воду. Одной рукой она держит руль, второй шарит в бардачке. Ничего, никаких бумаг, никаких указаний на то, что могло произойти после тестирования в Исследовательском центре.

Наконец Алиса приезжает в нужное место. Булонь-сюр-Мер. Она едет по улочкам, круто спускающимся к порту, ей не терпится оказаться в безопасности, в своих четырех стенах, в маленькой квартирке на четвертом этаже.

Уже поднявшись, она замечает, что не заперла дверь на ключ. Вечно она забывает. Сосед по площадке выглядывает из двери. Молодой парень, лет девятнадцати-двадцати, курит целыми днями.

— Все в порядке, Алиса?

Она застенчиво кивает, собирается войти в квартиру, но на мгновение задерживается.

— Почему ты спрашиваешь?

Сосед выходит, он обнажен по пояс.

— Ну... Позавчера, когда ты вернулась... Ты была вся в крови. Я уж хотел звонить в полицию.

— В крови?

— Ты, как я посмотрю, ничего не помнишь?

Алиса, не в силах поверить, трясёт головой. Что это значит? Молодой человек нахально улыбается.

— Я тебя раньше без очков не видел. Да ты красotka, когда захочешь.

Алиса, не поднимая глаз, входит и захлопывает дверь. Она ничего не понимает. Наверняка этот придурок опять накурился какой-то дряни.

На кухонном столе стоят баночки из-под йогурта и пустые упаковки от печенья. В спальне — застеленная кровать, шкаф закрыт. Все вроде бы в порядке, все нормально. Тем лучше.

Она возвращается в гостиную. Мигает лампочка автоответчика. Алиса бросается к телефону.

Два сообщения от Люка Грэхема, ее психиатра, который тщетно пытается связаться с ней. Последнее сообщение поступило вчера.

«Здравствуйте, Алиса, это снова доктор Грэхем. Почти сутки ничего не знаю о вас. Номер моего мобильного: ноль шесть-двадцать три-пятьдесят четыре-шестьдесят восемь-сорок восемь. Позвоните мне, хорошо? Надеюсь, мы увидимся в ближайший понедельник. Я готов все обсудить и начать кое-что новое. Мы приближаемся к финалу».

Алиса хмурит брови, впервые за год доктор дает ей номер своего мобильного. Она записывает его на клочке бумаги, потом нажимает кнопку на автоответчике. Другие сообщения. Три — от Леонара, хозяина ресторана, где она работает... Он явно нервничает, грозит уволить ее, если она не объявится. Алиса размышляет, эти сообщения означают, что ее здесь не было и что на работу она не ходила. Или же она была здесь, но закрылась и не отвечала.

Она нажимает кнопку «Следующее сообщение». Незнакомый мужской голос: «Говорит Фред Дюкорне из Кале. Послушай... Ты как-то быстро уехала, оставив на кровати номер своего телефона, и я хотел узнать, все ли в порядке. Постарайся мне звякнуть, хорошо? Просто чтобы я был спокоен...»

А это кто такой? Почему он обращается к ней на «ты»? Она оставила номер *на кровати*? На какой кровати?

Алиса пытается перезвонить, но номер не определился, а Дюкорне его не оставил. Она быстро записывает «Фред Дюкорне, Кале» под номером доктора Грэхема. С чего бы это она отправилась за сорок километров, в город, где никогда не бывала?

Потом она пытается связаться с доктором Грэхемом. Он не отвечает. Она в свою очередь оставляет ему сообщение: «Доктор Грэхем? Это Алиса Дехане. Все в порядке, я дома. В этот раз черная дыра длилась два дня. Я хочу знать, что случилось в Центре. Позвоните мне, пожалуйста...»

Автоответчик по-прежнему мигает. Алиса нажимает на кнопку. Последнее сообщение, тоже вчерашнее: «Алиса? Это папа. Я в Лилле, в больнице Салангро. Позвони мне, как только получишь это сообщение».

Алиса сразу же набирает номер справочной, потом звонит в больницу.

Ей приходится ждать, в трубке звучит музыка. Зажав телефон между плечом и щекой, она идет в тесную ванную комнату. Кран подтекает, полотенца разбросаны, значит, она сюда заходила. Она включает громкую связь и раздевается. В трубке по-прежнему звучит музыка.

Она поворачивает кран очень осторожно, чтобы теплая, восхитительно теплая вода не слишком шумела.

Алиса погружает кончики пальцев в воду. Старается выпрямиться перед зеркалом, потом проводит влажной рукавицей по плечу. Потом

медленно омывает свое тело с головы до пят. Она не носит никаких украшений, кроме цепочки с медальоном, оставшейся от бабушки. Пальцы натываются на шрам от аппендицита, прямо над пахом. Ровная белесая линия, совсем тонкая, Алиса ее ненавидит.

Наконец в трубке слышится голос. Молодая женщина хватается телефон.

— Папа!

— Алиса? Как дела?

— Что случилось?

Он отвечает сухо, в его голосе слышится упрек:

— Теперь тебе интересно, что со мной?

— Папа, пожалуйста.

— Я сглупил, поранился садовым инструментом. Я пытался связаться с тобой, но не мог дозвониться. Куда ты запропастилась?

Алиса, прижав трубку к уху, смотрит в зеркало. Нежное лицо, обрамленное темными волосами до плеч, глубокие голубые глаза. Аккуратный тонкий нос, как у матери. Конечно, бедра широковаты, но гармонично сложенное тело с белой кожей напоминает греческие статуи из алебастра.

— Я не знаю. У меня с позавчерашнего дня был провал.

Вздых.

— И ты ничего не помнишь?

— Нет. Ты первый, кому я звоню, я только что вернулась домой и...

— Что еще учудил этот твой психиатр?

Она хватается полотенце и прижимает его к щекам. Потом замечает, что занавеска для душа задвинута до конца. Она хмурится. Она никогда не задвигает занавеску.

— Он просто лечит меня, папа. И не забывай, ты сам мне посоветовал.

— Ты не оставила мне выбора. Ты думала, что тебе будет лучше вдали от дома, а стало хуже. Всем стало хуже. Возвращайся, Алиса!

Алиса страдает каждый раз, когда он просит ее вернуться домой. Она знает, что Клод говорит искренне, что он зовет ее от чистого сердца, что его голос не обманывает. Но она поклялась себе, что выстоит. Ей двадцать пять лет, и ей нужно строить свою жизнь не в богом забытой деревне.

— Это не так просто.

— Для меня просто. Я готов к тому, о чем говорю.

Алиса, задышавшись, резко отдергивает занавеску.

Блузка, в которой она была в Исследовательском центре, лежит в красной воде.

Ей становится плохо. При виде крови у нее кружится голова. Она

слышит, что отец волнуется, но быстро отключает связь. Едва успевает
дойти до кровати и падает без чувств.

Ночь. В квартире Алисы все спокойно. Доротея Дехане в темноте тихо крадется к ванной и забирает блузку. Ее сестра наверняка спит в спальне глубоким сном.

Она осторожно проводит по эмали губкой, чтобы стереть все следы крови. Ну вот, как новенькая...

Она выходит из квартиры на четвертом этаже и, сжав зубы, прикрывает за собой дверь.

— Алиса?

Доротея оборачивается. Она совсем забыла про этого дебильного соседа.

— Да... Не ори так, мать твою...

— Что ты тут делаешь в такое время?

— А ты? Шел бы лучше к себе, чем людей караулить.

— Угу... Точно, без очков ты милашка. Если хочешь, моя дверь открыта.

— После дождичка в четверг!

На первом этаже Доротея надевает туфли на каблуках и обматывает шею сиреневым шарфом, а потом уходит в темноту, держа в руке пластиковый пакет с блузкой и грязным полотенцем. Спустился густой туман. Очень сыро. Доротея садится в машину и трогается с места. Она не сразу зажигает фары, выезжает на шоссе A16 и сворачивает на Вимрё, километрах в десяти к северу от Булонь-сюр-Мер. Ей совсем не нравится водить, особенно ночью. По петляющему шоссе она добирается до узкой песчаной дороги, ведущей к прибрежным дюнам в Слаке. Богом забытое место, конец света, именно то, что ей надо.

Молодая женщина выключает мотор, выходит и берет из багажника канистру с бензином. Она чувствует, как стынют пальцы. Холод пощипывает щеки.

По мокрому песку она уходит в темноту, в сторону дюны. Под подошвами хрустят раздавленные ракушки. Она забирается на дюну, спускается к берегу. Чуть дальше море выводит свою странную мелодию. Доротея останавливается, сгибается, упершись руками в колени, немного приходит в себя. Последнее время она почти не выходила из дому... малейшее усилие дается ей с трудом. Наконец она бросает пакет на землю.

Выливает на него полканистры бензина, щелкает зажигалкой и

поджигает. Тихий треск нарушает тишину. Ясно проступают очертания берега. Глаза молодой женщины блестят, как две перламутровые жемчужинки. Ткань очень быстро сгорает, скоро от нее остаются только хлопья пепла, кружащиеся на ветру.

Она закрывает глаза и с облегчением переводит дух, изо рта вырывается облачко пара. Закуривает, и нервы тут же отпускает. Больше нет никакой блузки, никаких следов крови в ванной. Алиса, как обычно, проснется с ощущением, что видела страшный сон.

Не сводя глаз с черных волн, еле различимых в тумане, Доротея докуривает сигарету. Ее сестра всегда любила море, его простор. Конечно, она видела в нем самое живое воплощение свободы. Свобода... Прекрасная иллюзия.

Затушив сигарету, Доротея возвращается к машине, поливает водой из бутылочки подошвы, чтобы смыть песок. Потом кладет зажигалку в кармашек под сиденьем, сует в рот мятную жевательную резинку и трогается с места... как будто ничего не произошло.

Утром в четверг доктор Люк Грэхем встает, натягивает халат, спускается по лестнице, выходит на террасу, на которую намело песок с дюн, и берет сигарету. Он получает удовольствие только от первой сигареты. Люк кашляет и трет губы. Он похож на прирожденного курильщика, тогда как на самом деле он *всего* четыре года как начал курить.

Он бессознательно обводит пальцами края доходящей ему до колена овальной пепельницы на ножке. Потом, опомнившись, запахивает халат и поднимает глаза к морю. В глаза ему бросается белый парус яхты, идущей вдоль берега. Не отводя от него взгляда, в оцепенении, он толкает стеклянную дверь. Ее больше нельзя запереть на ключ, он так и не исправил замок. А надо бы, с учетом того, что случилось позавчера.

В доме мало мебели, убранство самое что ни на есть простое. Люк никогда не отличался богатым воображением. Без сомнения, это семейная черта, унаследованная от отца-психиатра и матери-врача. Он включает радио, там как раз передают новости. Потом он берет с низкого столика мобильный телефон. Пришло какое-то сообщение...

Алиса... Наконец-то Алиса ему позвонила. Он внимательно слушает сообщение.

Черная дыра... Два дня после эксперимента со стимуляцией, и ни малейших воспоминаний. Это радует Люка. Тест, проведенный в Исследовательском центре, сработал. Ему наконец удалось найти пусковой механизм, одну из последних деталей головоломки под названием «Алиса Дехане».

Люк бежит одеваться — темно-синяя рубашка, черные фланелевые брюки, мокасины, — а потом бросается к машине.

Ему предстоит выехать на шоссе и, как обычно, влиться в поток спешащих на работу людей, проехать мимо фламандских ферм с красными крышами, мимо иммигрантов, идущих пешком вдоль лесопосадок в направлении Дюнкерка, потом Кале... Эта дорога, больные, долгие дни на работе изматывают его морально, но ему нравится естественный снотворный эффект усталости.

Люк вздыхает: снова пробка. Он открывает бардачок, где в хронологическом порядке размещены шестьдесят две маленькие кассеты. Весь курс психотерапии Алисы Дехане. Он берет запись, сделанную в

октябре 2006 года, во время одного из первых сеансов, и вставляет ее в свою «особую автомагнитоу»: диктофон, встроенный в пластиковую панель под кнопками обогрева. Доморощенное устройство, вполне пригодное для того, чтобы не прерывать работу даже за рулем.

Кассета номер шесть. В салоне звучит спокойный голос Алисы:

— Мне шесть лет... Мы с Доротеей играем под кроватью... Моя сестра переставляет человечков из пластилина. Она слышит шум на лестнице. Мы знаем, что это поднимается папа, потому что мама никогда не наступает на десятую ступеньку, где сдвинулась доска, — папа должен ее починить, но никак не починит. Услышав шаги, Доротея оставляет игрушку, выползает из-под кровати и убегает.

— Вы сердитесь, что она оставила вас одну?

— Да. Она вечно оставляет меня одну по вечерам. Ей повезло, у нее своя комната. Я кладу ее пластилин в жестяную коробку и вылезаю на середину комнаты.

— Это спальня ваших родителей?

— Да. Там нет игрушек, но много зеркал, фарфоровых кукол с грустными лицами и всяких взрослых вещей: щетки для волос, книжки без картинок, брюки, красивые мамины платья, распятие над кроватью, газеты, папины научные журналы...

— А потом?

— Я забираюсь под толстую пуховую перину на папиной и маминой кровати. И изо всех сил тру обеими руками папину сторону.

— Зачем?

— Потому что папе это очень нравится. Ему часто бывает холодно, надо согреть кровать. Когда он приходит, он напевает песенку, которую я люблю, про кокосовые орехи. Мы поем вместе. Потом папа ложится и просит, чтобы я помассировала ему ноги и при этом молилась Боженьке...

— А вам это нравится? Делать массаж, молиться?

— Нет... Мне ужасно не нравится, но он повышает голос, и я слушаюсь. К счастью, потом папа целует меня в лоб, и я могу ложиться спать. Моя кровать там, рядом.

— Где это, рядом?

— Не знаю. В метре, в двух. У стены.

— Вы всегда спали в комнате с родителями?

— Я не помню, чтобы спала где-то еще до несчастного случая с мамой. После этого у меня появилась своя комната, как у Доротее. Мне было десять лет...

— Продолжайте... Вам шесть лет, вы ложитесь в свою кроватку...

— Мама укутывает меня одеялом. Мама как пантера, я никогда не слышу, как она приходит. Мне бы так хотелось, чтобы она мне рассказала какую-нибудь историю, но она устала. Она вечно устает. Ну а потом... потом звук выключателя, а потом...

— Потом?

— Я больше не помню. Все всегда кончалось выключателем...

— Это было похоже на черную дыру?

— Да. Черная дыра. Чернильный пузырь... Думаю, что все началось именно в это время.

Щелчок диктофона. Люк, еще под впечатлением от последних слов Алисы, подъезжает к больнице. Дорога до Клинического центра в Лилле заняла у него почти час. Напротив Центра, на небольшой площадке, расположены здание морга, институт судебной медицины и тюремная больница. Чуть далее — клиника Салангро, где он регулярно дежурит по ночам. Люк ставит машину перед клиникой Фрейра — массивным трехэтажным зданием из бетона. Больница — это совершенно особый мир. Там на тебя смотрят застывшие глаза шизофреников, там ты погружаешься в бред параноиков и людей с искаленной психикой, успокаиваешь и натягиваешь на них смиренные рубашки. Там ты каждый день и каждый час осознаешь, насколько сложен человеческий мозг.

Неделя за неделей — всегда одно и то же. Повесить пальто на вешалку, надеть халат, просмотреть график посещений на день, спуститься в кафе, а потом, если будет время, привести в порядок бумаги. Кабинет Люка очень функционален, там чисто, нет никаких фотографий, стоит компьютер, аккуратно сложены истории болезни, ручки на столе. Кроме того, имеется телевизор с DVD-плеером и закрытый книжный шкаф, приспособленный для хранения кое-какой одежды и туалетных принадлежностей.

Но на сей раз времени нет ни на бумаги, ни на почту, ни на звонок Алисе Дехане. Не успел Люк сорвать листок с календаря — четверг, 11 октября 2007 года, — как к нему заглядывает Жером Каплан, интерн второго года.

— Тебе придется спуститься. К нам поступил больной из Салангро. Позавчера его привезла Жюли Рокваль.

— Жюли?

— Да. Рисуем с ней сегодня повидаться.

Люк благодарит его улыбкой. Они выходят из кабинета и проходят перед комнатой, где уже ожидает пациентка двадцати трех лет. Пришла

заранее... Она, как и Алиса, страдает фобией, относящейся к подтипу «кровь-укол-несчастный случай». Совершенно не переносит вида игл и крови. Падает в обморок по пять-десять раз в неделю и не может учиться. Люк подходит к ней, просит немного подождать, потом догоняет интерна. Он пытается не отставать от него, но из-за курения легкие уже не те. Спустившись на первый этаж, он толкает дверь палаты и на несколько секунд замирает.

На стуле сидит человек — он совершенно неподвижен, ноги широко расставлены, ступни приподняты сантиметров на пятьдесят над полом. Немигающие глаза. Густая борода и длинные выющиеся темные волосы делают его похожим на распятого, словно снятого с креста две тысячи лет назад. Сколько он весит? Он так худ, что его тело теряется в складках одежды, и первое, о чем думает врач, — сколько же он весит?

Вернувшийся с дежурства в отделении скорой помощи Гримбер пожимает руку Люка Грэхема. Каплан стоит сзади.

— Ну и как ночка? — спрашивает Люк.

— Жарковато было. Я занял последние койки в кризисном центре. Две попытки самоубийства, один тип с ломкой, еще один так накачан нейролептиками, что слова выговорить не может. Судя по всему, сбежал из центра лечения. Его привезли на «скорой» совершенно голым, но в меховой шубе. Этаким сурок-экзгибиционист.

— А этот?

Гримбер протягивает формуляр.

— Доставлен позавчера утром в отделение скорой помощи сотрудницей социальной службы.

— Жюли.

— Да, Рокваль... Найден на остановке школьного автобуса километрах в двадцати отсюда, в какой-то деревушке. Тоже совершенно голый, под толстым шерстяным одеялом. И неподвижен. Когда я говорю «неподвижен»...

Гримбер подходит к мужчине и меняет положение его руки, словно имеет дело с куклой.

— ...это значит неподвижен.

— А соматические показатели?

— Имеются признаки пародонтоза. Деформация пальцев конечностей по типу барабанных палочек, явное истощение, его помыли и сделали внутривенные вливания. Отмечены также проблемы с кровообращением в ногах. Большие отеки, много воды, щиколотки в ужасном состоянии, кровеносные сосуды раздуты, как будто он целыми днями стоял.

Результаты сканирования и МРТ в норме. Никаких абсцессов, опухолей, ран. Однако мне сказали, что на спине у него нашли кое-что любопытное.

Там и сям Люк видит кружки, лишенные волос. Он поворачивается к коллеге:

— Что ты думаешь?

— Похоже на ожоги, а?

— Не обязательно, кожный покров не нарушен. Локальная и полная потеря волос может происходить по разным причинам. Например, при сильном стрессе.

— Я имел в виду электрические ожоги. Сильные и неоднократные...

Люк трет подбородок. Его взгляд падает на татуировку в виде волчьей головы на икре больного.

— Это ты усадил его в такой позе?

— Нет. Он сам ее принимает, когда пытаешься его пошевелить. Но при этом он с воплем схватил меня за руку, у него еще достаточно сил, и он может реагировать, как дикий зверь, так что будь осторожен.

— Сохранение спонтанно принятой позы. Кататонический синдром с каталепсией?

— Я тоже так думаю. Как я уже сказал, он иногда двигает головой и кричит. Как будто хочет нам что-то сказать. Но взгляд и тело остаются неподвижными.

— Известно, кто он такой?

— Нет, ничего не известно.

Гримбер уходит. Люк прощается с ним и поворачивается к интерну:

— Сбегай ко мне в кабинет и принеси таблицу со шкалой Буша-Фрэнсиса, пройдемся по двадцати двум пунктам оценки, а потом покажем его Деникеру на втором этаже. Понаблюдаем его еще сутки, а потом попробуем тест с ривотрилом. Позови медсестру, заодно побреем и пострижем его, тогда будет проще.

Теперь Люк спешит в приемное отделение. Он ускоряет шаг. Пробежать по коридорам, подняться, спуститься, пересечь, встретить, поставить диагноз, подбодрить... Выложиться до конца, ощутить свою значимость в этом замкнутом мире, который безразличен большинству людей с улицы, о котором они даже не подозревают.

Приемный покой, место, где соприкасаются внешний и внутренний миры. Два, может быть, три типа с синеватыми мешками под глазами, в футболках, торчащих из-под коротких курток, болтаются там без определенной цели, но Люк даже не замечает их. Они — просто деталь интерьера.

Он входит в кабинет справа от входной двери. Жюли Рокваль только что пришла. Как всегда при встрече с ней, Люк чувствует, как у него сжимается сердце. Уж очень она похожа на его жену и внешностью, и манерой двигаться. А иногда и интонациями. Видеть ее — счастье и мука. Однако это необходимо. Рокваль — это проблеск надежды для больных, которые часто растеряны и не способны защитить себя.

— Здравствуйте, Жюли.

— Люк...

Она отвечает ему с неизменной улыбкой. Живые глаза, обостренная чувствительность — она, как и Анна, словно постоянно изучает окружающих. После смерти жены почти все женщины на свете кажутся ему похожими на нее.

Люк предлагает ей выпить кофе. Сегодня она предпочитает без кофеина. Люк выбирает самый крепкий вариант — ристретто.

— Мы посмотрели вашего человечка.

— Я знаю, потому и пришла. Ну и что? Какой диагноз?

— Подозреваем кататонию. А у вас есть какие-то новости? Что-то удалось узнать?

— Личность не установлена. Я поискала через административные учреждения — почту, мэрию, налоговую. Судя по всему, он не из Ильеса да и вообще не из этих мест. Никто не видел, как он очутился на автобусной остановке. Просто загадка... Что будем делать? Свяжемся со службой криминалистического учета на предмет отпечатков пальцев?

Люк соглашается:

— Я этим займусь... Вы все сделали правильно.

Жюли благодарна за похвалу.

— Ну, я просто стараюсь работать как следует. А иногда немного выходить за рамки.

— Это правильно — выходить за рамки.

Люк выкидывает пустой пластиковый стаканчик и кладет руки в карманы халата.

— Завтра проведем тест с ривотрилом — этот препарат может временно снимать кататонические состояния. В норме он должен обрести способность говорить, мы сможем задавать ему вопросы. Разумеется, в том случае, если нам не помешает психическое заболевание, которое за всем этим скрывается. Либо мы имеем дело с расстройством психики, которое сравнимо с сильной простудой и быстро лечится, либо... мы упрямся в стену.

Жюли тоже выбрасывает пластиковый стаканчик. Люк не может не

наблюдать за ней. Он изучает каждый изгиб, каждую деталь ее фигуры. Повернувшись, она замечает его взгляд. В смущении начинает рыться в своей матерчатой сумке, нервно вынимает оттуда лимонную жевательную резинку и предлагает ее Люку. Тот отказывается.

— С нашей работой не так-то легко бросить курить, — доверительно говорит она, явно желая разрядить обстановку. — Мне кажется, что здесь, во Фрейра, курят все. Больные, интерны и, главное, психиатры.

— Мы все от чего-то *зависимы*. Зависимость — это, в каком-то роде, способ избавиться от своих призраков.

Они идут к приемному покою. Люк берет у секретарши бланк госпитализации и вынимает из нагрудного кармана шариковую ручку. Сосредоточившись на бланке, начинает его заполнять. Жюли подходит и дает ему фотографию больного.

— Я сфотографировала его в «скорой». Если хотите, можете приколоть сверху. Ведь у месье Икс должно быть лицо. Мы так делали в Бетюне, в детском отделении. Конечно, надо будет снять еще раз, когда вы его пострижете и побреете, но пока...

Люк берет фотографию.

— Я тоже фотографирую своих больных, из частной практики... Конечно, если они дают согласие. А вы работали с детьми?

— Мне всегда нравилось общаться с ними. И потом, все дети изначально невинны, они не могут влиять на то, что с ними случается.

— А почему переключились на взрослых?

Жюли стискивает сумочку:

— После беременности... неудачной...

— Простите.

— Это все в прошлом.

Молчание. Жюли, не находя новой темы для разговора, бросает взгляд на свои коротко подстриженные, покрытые лаком ногти. Или ей нечего сказать, или она просто боится того, что могла бы произнести. Вдохновение так и не приходит, и она снова возвращается к больному:

— Скажите, а вы у него не заметили никаких особенных ран?

— На первый взгляд нет. А что?

— Есть кое-что странное. Пойдемте к моей машине, это займет пару минут.

Она идет к автоматической двери развернув плечи, чуть прогнув спину. Люк кладет бланк госпитализации на стойку и следует за ней. Господи, эта ее походка, эта манера ставить одну ногу перед другой, она словно разрезает воздух. Люк сжимает зубы, вот почему он не любит

встречаться с ней, он не хочет того, что в такой ситуации может почувствовать только мужчина. Влечение...

Прохладный воздух ударяет в лицо, его тело нуждается в кислороде, а мозг требует сигарету. Пока Жюли открывает багажник, он пользуется моментом, чтобы закурить «Кэмел».

— Не стоит курить при мне, доктор. Я пытаюсь бросить.

Люк резким движением вынимает изо рта сигарету, гасит ее между пальцами и сует в карман.

— Ох, прошу прощения.

Она милостиво улыбается:

— Я это сказала смеха ради. Все равно чувствую, что вот-вот сдамся. По-другому не получится.

Она нагибается и вынимает из багажника одеяло, упакованное в большой пластиковый пакет.

— Я это забрала из Салангро, на автобусной остановке он был им прикрыт.

Люк спокойно смотрит на собеседницу. Он трет предплечья, борясь с утренней прохладой.

— И что?

Сотрудница социальной службы аккуратно разворачивает песочного цвета одеяло с тонкими голубыми полосками. Заметив на шерсти многочисленные темные пятна, психиатр хмурит брови.

— Земля?

— По-моему, кровь. Земля бы так не въелась.

Она поворачивает одеяло, чтобы показать ему другие пятна. Люк рассматривает их вблизи.

— Но цвет не похож на кровь. Слишком темный.

— Может быть, на свежем воздухе произошла какая-то реакция. Кровь свернулась, или что-то в этом роде.

— Но даже в этом случае кровь не становится такой черной.

Жюли тоже растирает руки, чтобы согреться, этим утром воздух очень сухой, колючий. У Люка была привычка: когда Анна дрожала от холода, он подсовывал руку ей под затылок и нежно массировал позвоночник.

Жюли аккуратно сворачивает одеяло и закрывает багажник.

— Отнесу в лабораторию и попрошу провести анализ на группу крови.

— Пустая трата времени. Это не...

— Не кровь, понимаю. Но мы хотя бы убедимся в этом. У вашего кататоника нулевая группа, резус положительный.

— Да, самая распространенная. Ну хорошо... Предположим, чтобы

доставить вам удовольствие, что это именно кровь. И если окажется, что она той же группы, что тогда?

— Не знаю. Анализ на ДНК?

Люк пожимает плечами:

— И что он вам даст, если не считать траты сил и преодоления всяческих административных сложностей? А если кровь другой группы, что это вам даст?

— Это позволит начать судебное расследование.

Люк качает головой. В этой женщине столько ума, столько пылкости, но она слишком спешит.

— Не надо замахиваться на что-то грандиозное, не так сразу, все эти новые методы хороши, только чтобы деньги тратить.

— А, так вы приверженец старой школы?

— Прежде всего надо снять отпечатки пальцев. Я вам уже сказал, меньше чем через сутки мы проведем тест с ривотрилом. Может быть, больной сможет рассказать нам, что случилось с ним за последние часы. А также объяснит происхождение пятен, которые так вас волнуют.

Жюли снова улыбается, на ее щеках появляются ямочки, она невероятно привлекательна.

— А это что, какой-то волшебный препарат?

— Он произвел настоящую революцию.

Она опирается на багажник и размышляет.

— Хорошо, я подожду. Но эта история занимает меня все больше и больше. Потому что, помимо того что этот больной неподвижен, у него в глазах страх. Как будто, ну, не знаю... он увидел что-то ужасное, такое страшное, что застыл. Такое возможно?

— В кино — да, а в психиатрии — нет.

— Он сжал мою руку, как будто... просил о помощи...

— Или, скорее, это был кататонический рефлекс.

— Как, по-вашему, он мог добраться в таком состоянии до автобусной остановки?

— Кататония редко поражает человека внезапно, ее можно сравнить с оболочкой из бетона: представьте, что он на вас льется и постепенно застывает, пока не затвердеет полностью. Прошло несколько недель, и больной уже не владел своим телом, не понимал, как выглядит. Может быть, он вышел из дома со своим одеялом, не имея никакой определенной цели, присел на автобусной остановке, а потом наступила неподвижность. Чаще всего за кататонией скрывается шизофрения или психическая травма. Нам предстоит это выяснить.

Она согласно кивает, потом идет к передней дверце машины. Люк смотрит на ее затылок, на мягкие волны волос, спадающие на плечи. Анна недалеко, она парит где-то в воздухе, как легкий дух. Доктору так хотелось бы оказаться сейчас где-нибудь в другом месте и думать лишь о работе, изнемогая под тяжестью проблем психических патологий.

Жюли садится за руль и опускает стекло:

— До скорого, доктор. И держите меня в курсе, если до завтра что-то узнаете, хорошо?

— Да, конечно.

Поколебавшись, она говорит:

— Послушайте, сегодня мне повезло, и в полдень я успею пообедать в медицинском общежитии в Салангро. Спагетти болоньезе, знаете, с таким рыжим соусом... лучшее блюдо за неделю. Если вас это привлекает...

Люк чувствует, как что-то сжимается у него в груди. Он умирает от желания.

— Увы. У меня страшно много работы. Меня недавно назначили судебным экспертом по психиатрии в Лилле, там произошло убийство. И потом... суд через три недели, а мне надо просмотреть столько статистики, столько видеоматериалов, все протоколы, и еще...

— Да ладно. Я все понимаю, вы просто не любите рыжий соус.

Жюли поднимает стекло, и машина медленно выезжает с парковки. Люк смотрит вслед, пока она не скрывается из виду.

Анна...

Углубившись в воспоминания, психиатр идет к мрачному зданию, основному месту своей работы. Открывается раздвижная дверь, и мимо него быстро проходит какой-то человек в низко надвинутой на глаза красной кепке и куртке с поднятым воротником.

Сбитый с толку Люк останавливается перед входом. Он видит, как человек удаляется быстрыми шагами, а миновав въезд на парковку, бросается бежать. Психиатр вбегает в приемное отделение. Сотрудницы болтают в углу. Люк ударяет кулаком по деревянной стойке:

— Эй!

Одна из сотрудниц с улыбкой подходит к нему:

— Да, доктор?

— Только что отсюда выбежал человек в верхней одежде. Вы ничего не видели?

— Нет. Ничего.

Короткая пауза. Девушка с недоумением смотрит на собеседника:

— Что-то еще?

— Нет, спасибо.

Психиатр стоит неподвижно, еще не понимая, почему он вдруг так разволновался. Он вынимает из кармана сигарету, нюхает ее и решает снова выйти на улицу, чтобы наконец закурить. Черт побери, если от работы в психушке сам становишься параноиком, куда же катится мир? Он успевает сделать только три затяжки, а потом сигарета падает на землю, а сам он снова входит в приемное.

Люк общаривает глазами стойку. Кровь мгновенно приливает к щекам.

— Лоранс! Простите...

Регистраторша, не скрывая легкого раздражения, отставляет чашку с кофе.

— Да?

— Бланк госпитализации? Я только что заполнял его, куда он делся?

Она пожимает плечами, отходит, чтобы спросить у подружек, возвращается:

— Никто его не трогал.

— Вы уверены?

— На сто процентов.

Вконец заинтригованный Люк идет в палату к своему больному. Прислонившись к стене, засунув руки в карманы, он несколько мгновений смотрит на него.

— Кому могло понадобиться украсть бланк твоей госпитализации? Что про тебя хотят узнать? Кто же ты такой?

Александр ожесточенно испытывает на прочность решетки своей темницы. Раз за разом он упирается ногами в металлическое основание, сжимает прутья руками и изо всех сил тянет назад. Почти девяносто килограммов, преобразившиеся в сгусток энергии, не приносят результата. Впервые после того, как он пришел в себя, в голову приходит невыносимая мысль: он больше не хозяин своей судьбы.

Он думает о семье, вспоминает забавные моменты.

А что, если... Что, если с ними случилась беда? А что...

Не думать об этом, только не сейчас. Не сейчас? А когда? Можно подумать, что здесь, в этой яме, он может изменить свои мысли. Он проводит рукой по голове, облизывает губы. Появляются новые ощущения, голод и жажда, и он все сильнее чувствует холод.

Хватит, с него довольно этого бреда, сколько можно сидеть в клетке для кроликов! Он решает воспользоваться единственным средством, с помощью которого можно преодолеть эти решетки: своим голосом. Главное, чтобы он звучал уверенно.

— Слушайте, может, хватит уже? Выпустите меня немедленно!

«Немедленно... медленно... енно... енно...»

— Чертово эхо!

«Во эхо... эхо... эхо...»

— Тихо...

Александр резко замирает, все его чувства обостряются еще больше.

— Кто? Кто это сказал? Кто вы?

Ни звука. Александр понимает, что на этот раз ни о какой галлюцинации не может быть и речи.

— Ради всего святого, ответьте, чего вы хотите?

До его слуха доносится шепот, невнятный, словно журчание далекого ручейка:

— Тихо... Замолчите... Иначе... придет чудовище и унесет вас... И вас больше никто никогда не увидит... Тихо, поняли?

Александр бросается влево, прижимается лицом к решетке. Голос, голос шел оттуда, он совсем рядом!

— Кто вы?

Ответа нет.

— Сколько времени вы здесь?

Шорох.

— Долго...

— Долго? Как долго?

— Я... Я уже не знаю. День, неделю, месяц... Или больше... Это уже неважно.

Мир рушится. Александр вспоминает: «Когда ты вернешься, папа? Когда мы поиграем в футбол? Завтра...»

Он закрывает глаза.

— Что здесь происходит?

Тишина, а потом:

— Нас наказывают. Мы здесь во искупление.

— Во... во искупление? Но... Что это значит?

Ответа нет. Александр просит, требует... Ничего.

Он отходит к задней стене, прижимает руки ко лбу.

Искупление...

В мыслях царит полный хаос, но он понимает, что он здесь не единственный пленник.

Здесь находится еще один человек, вероятно, женщина, если судить по интонациям. Запуганная, словно забитая собака.

Алиса просыпается в своей кровати, закутанная в халат, с мокрым от пота затылком. Ей больно глотать. Проходит несколько секунд, прежде чем она осознает, что находится в безопасности, у себя дома.

Она перекачивается на бок, встает, у нее болит все тело. Очки? Куда она их дела? Перед глазами все расплывается, она ничего не видит. Она пытается найти очки на ощупь и, не найдя, садится на кровать, обхватив голову руками. Ей бывает плохо при пробуждении, потому что кошмар не отступает. Кошмар все время возвращается, она видит одно и то же: она в темноте, привязанная. Вокруг кровь, а она не может закричать. И еще... Доротея.

Ей так не хватает Доротеи.

Доротея умерла десять лет назад.

Алиса идет в душевую кабину, берет очки, лежащие у поддона, надевает их и накидывает на шею шнурок. Потом резко поворачивается к занавеске для душа. Сдвигает ее в сторону, как привыкла.

У нее перехватывает дыхание, когда она вспоминает, что вчера сделала точно то же самое.

Никакой окровавленной блузки в поддоне нет. Где же она? Алиса начинает искать, обшаривает все. Ничего нет...

Это был сон? Разум опять сыграл с ней дурную шутку? Это случается так часто...

Она смотрит в зеркало. Следуя незыблемому ритуалу, пускает несильной струей теплую воду — очень теплую, приятной температуры, — снимает очки и медленно умывается. Теперь стало лучше.

Открыв шкаф, она выбирает полотняные бежевые брюки, подходящую по цвету блузку и туфли на каблуках. Быстро приводит себя в порядок, чистит зубы, причесывается. Она почти не красится. Чуть-чуть тонального крема, светлая, почти бесцветная помада. Ей нравится быть похожей на женщину. Покупать косметику, прихорашиваться — этим она стала заниматься сразу после того, как уехала с фермы.

Она идет в гостиную. Почему-то там пахнет табачным дымом... Окно открыто... Кто заходил сюда? Сосед?

Алиса смотрит на часы. Почти одиннадцать! Леонар, начальник, ее убьет!

Она выбегает на улицу без шарфа, в тонкой куртке, так и не поев. Где

же она поставила машину? Она ищет две, три минуты, начинает нервничать, потом наконец находит свой «фиат-крома» на соседней улице. Так, что там, на небе? Солнце, дождя не будет. Она едет в сторону дамбы Карно. Рыбаки уже расставляют прилавки с уловом.

В ресторане Леонар встречает ее так, как умеют только на севере:

— Вали отсюда.

Алиса в растерянности застывает на месте:

— Почему? У меня были проблемы со здоровьем, простите.

Другие официантки смотрят на нее из глубины зала, им понятна реакция хозяина, но в то же время они сочувствуют подруге. Всем им нравится Алиса, она настоящая трудяга, никогда никого не подводит.

Леонар, усмехаясь, перекидывает через плечо полотенце.

— И из-за этого ты не могла дать о себе знать? Нельзя являться на работу в двенадцать часов, как будто ничего не случилось! Хватит с меня и этого, и твоих бесконечных отлучек без всякой причины. Вали отсюда и больше не возвращайся. Найди себе другую работу. Ты хорошенькая, у тебя проблем не будет.

Алиса пытается возразить, но не чувствует в себе никакой злости.

— Мне нравилось работать у вас. Правда...

Хозяина, кажется, смутила эта искренняя реакция, он отворачивается. Алиса сжимает губы и уходит, даже не думая бороться. Она виновата и знает об этом. Может быть, все эти временные работы, это отсутствие поддержки со стороны коллег свидетельствуют о том, что ее настоящее место не здесь, не за пределами *внутреннего мирка Алисы*. Но ведь она уже год старается, с помощью доктора Грэхема. И главное, она так хочет...

А что теперь? Опять бюро по трудоустройству?

Она едет вдоль пляжа, домой возвращаться не хочется. Не сразу. Ей надо чем-то заняться. Может быть, навестить отца в больнице? Нет, туда ее не тянет. После того как она уехала с фермы, их отношения испортились. Он сердится за то, что она оставила его, а она знает, как он злопамятен. Может быть, со временем Клод Дехане придет к тому, чтобы понять, что дочка уже достаточно взрослая и может обойтись без него.

Она проезжает мимо магазина с товарами «Все для сада». Вот о чем она всегда мечтала — работать среди растений, деревьев, давать советы людям. Ей нравится помогать, нравится видеть, как лица озаряются улыбками. После несчастного случая мама никогда не улыбалась. А отец и давно.

Пошарив в кармане в поисках жевательной резинки, Алиса вынимает клочок бумаги с номером мобильного телефона врача и загадочным

именем: «Фред Дюкорне, Кале».

Она заходит в почтовое отделение, листает справочник. Да, такой человек действительно существует. Вернувшись в машину, она открывает дорожный атлас с подробным планом Кале. Если в чем-то она и преуспела, так это в умении ориентироваться на местности. Она прекрасно находила дорогу в лесу, чтобы вернуться на ферму, когда убегала из школы, не терялась, когда папа брал ее с собой на охоту, она отлично находит дорогу и в лабиринте своего теперешнего существования.

Через двадцать минут она добирается до цели. Дом по указанному адресу, на улице Дамбрин, выглядит непрезентабельно. Типичное строение сороковых годов, серое, унылое, с плотно задернутыми двойными шторами, не позволяющими разыгаться воображению прохожих. В таких домах живут старики или дети стариков, их не ремонтируют не из-за нехватки вкуса, а из-за нехватки денег.

Алиса ищет звонок, не находит и в конце концов стучит в дверь. Вначале — никакой реакции, но потом с левой стороны занавеска внезапно отодвигается. Затем она слышит щелчок замка, и из-за двери появляется длинное худое лицо мужчины лет тридцати, на голове у него пестрая бандана, как у хиппи. Из-под нее выбиваются тонкие светлые прядки, одна из них падает на совершенно гладкий лоб.

— А, ты получила мое сообщение. Заходи скорее...

Алиса замирает в недоумении. Она никогда здесь не бывала, она никогда не видела этого мужчину, обращающегося к ней на «ты». Она колеблется, делает шаг назад. Раздается гудок — ее чуть не сбивает проезжающий мимо фургончик. Молодой человек тянет ее за руку.

— Ох! Осторожнее! Ну, ты идешь или как?

В конце улицы появляются двое детишек на велосипедах. Увидев их, Алиса сжимает в руке ключи от машины и быстро входит в дом. Фред сразу же захлопывает за ней дверь, закрывает ее на все замки и смотрит ей в глаза.

— Ты голодна? Хочешь пить?

Алиса смотрит на закрытую дверь, на стены, на окна. Она представляет себе двух велосипедистов, едущих мимо дома. Шины, спицы, звяканье цепи. На теле выступает испарина, горло стискивает как тисками.

— Э-э... Нет-нет, ничего не хочу. Послушайте, честно говоря, я не помню, чтобы когда-нибудь бывала в этом доме.

Фред хмурится. Под серым свитером и джинсами его тело выглядит весьма внушительным, но кожа на руках какая-то помятая, со складками, как у рептилии. Следы, оставленные холодом и трудом. Алиса хорошо

помнит эти отметины с того времени, когда ей даже зимой приходилось работать в огороде.

— Иногда это просто гениально — ничего не помнить. Но... ты же здесь провела два дня!

— Два... Два дня? С вами?

Фред бросает быстрый взгляд на лестницу в конце коридора. Сверху доносятся какие-то звуки. Там кто-то ходит.

— Пойдем в гостиную. Я сделаю тебе кофе.

Алиса смотрит по сторонам. Телевизор, стопка газет на столе, старая мебель, в рамке на стене — сура из Корана... И подставка для записок в виде дерева, на которой висят карточки со словами на разных языках. Английский, арабский, тигринья, французский...

— Нет-нет, не надо... Просто расскажите мне, что произошло.

Через две минуты перед Алисой появляется большая миска с супом. Металлическая миска, немного помятая, из тех, что находят в глубине старых буфетов. Она не притрагивается к еде.

— Прошу вас... Объясните...

— Ты точно уверена, что не узнаешь меня?

— Я вас никогда не видела.

Он как-то странно смотрит на нее. Алиса пытается отпрянуть.

— Что такое?

— Странно, но, глядя на тебя, и я начинаю сомневаться. Ты... Ты ведешь себя не так. Ты держалась попрямее, была более уверенной. И потом, главное... ты была без очков.

— Это очень странно.

— Ну, значит, это была не ты. У тебя есть сестра-близняшка?

Алиса колеблется долю секунды.

— Нет... Пожалуйста, расскажите мне.

Озадаченный Фред трет подбородок.

— Ну так... Восьмого... Да, восьмого, в понедельник, ночью... Тебя привез сюда Жерар. Жерар — это мой друг, мы вместе работаем. Ты бродила по набережной в полной отключке. Не знала, куда идти.

— Но... Что я там делала?

— Ах это... Жерар хотел отвезти тебя к врачу, ты отказалась. Жерар-то сразу подумал, что тебя изнасиловали. Женщина, одна, в таком состоянии, напуганная. Ты не хотела, чтобы к тебе прикасались. Просто в истерику впадала...

Алиса опускает ресницы, каждое слово этого человека действует на нее как удар хлыста. Восьмого... В понедельник восьмого, утром, она

находилась в Исследовательском центре, потом — черная дыра, а восьмого вечером, судя по всему, она бродила по Кале.

Фред смотрит в глаза молодой женщины:

— Тебя обидели, а?

Алиса вспоминает окровавленную блузку.

— Я ничего не знаю. А что было потом?

— Я уложил тебя наверху, ты была измотана. Хотела остаться одна. Тебе было страшно, по глазам было видно. Я сказал, что ты можешь тут остаться на сколько захочешь.

Алиса не знает, должна ли она благодарить его. Слова, которые он говорит, ничего для нее не значат.

— И... И вы знаете, почему я не вернулась домой? У меня есть квартира.

Фред качает головой. В его жестах чувствуется что-то женственное, какая-то тонкость, обычно не присущая мужчинам.

— Нет-нет, о своей квартире ты мне не говорила. Просто сказала, что ты... живешь где-то, где всегда холодно. Что ты оттуда почти никогда не выходишь.

— Где именно?

— Не знаю.

Алиса потерянно оглядывается:

— Бред какой-то.

Фред садится напротив, упирается подбородком в сжатые руки.

— К сожалению, ты мне не очень-то много рассказала.

Алиса сжимает губы. Ее отвлекают шаги на лестнице. Появляется какой-то человек. Она поднимает светлые глаза. Сверху спускается парень лет двадцати, по виду — араб. Фред спрашивает по-английски, не побудет ли он наверху еще пару минут, и говорит, что позовет его есть суп.

Иностранец с тревогой смотрит на Алису, потом уходит. Фред кивает в сторону лестницы:

— И его тоже не помнишь?

— Ничего не помню. Кто это?

— Нет, это же просто невероятно!

— Вы нашли меня на набережной, привезли сюда. Что потом?

— Ты осталась в доме до следующего дня. Ты много разговаривала с Самсоном, вы хорошо ладили. Он мне даже сказал, что ты ему что-то оставила на память. А в среду, когда я вернулся, тебя уже не было. Ты сбежала.

Фред кидает перед ней листок бумаги.

— В твоей комнате, на кровати, я нашел вот это. Твой номер телефона... Поэтому я и позвонил, я хотел понять.

Алиса берет листок и внимательно изучает его. Это не ее почерк, она уверена. Она снимает очки и трет глаза. Фред внимательно наблюдает за всеми ее движениями.

— Тебе нехорошо?

Молодая женщина возвращается к разговору. Ей нужно узнать побольше.

— Я разговаривала с Самсоном? Это... тот, которого я видела?

— Нет. Это Хабиб, суннит из Ирака. Самсон из Эритреи, настоящий католик. И он... черный, если ты понимаешь, о чем я.

— И что я ему дала?

— Он мне не показывал. Он, знаешь ли, очень скромный.

— Я... Можно мне попить? стакан воды, пожалуйста...

Фред берет кувшин:

— На, держи...

— Алиса... Меня зовут Алиса Дехане. Я вам не называла своего имени?

— Нет. Ты не хотела называться, мы звали тебя «брюнеточка».

Фред ласково улыбается:

— Алиса. Какое красивое имя.

Молодая женщина трет лоб и поправляет очки.

— Мне необходимо поговорить с Самсоном.

— А вот это будет нелегко. Он вчера вечером уехал и утром не вернулся. Может быть, ему удалось пройти.

— Пройти? Куда?

Фред снимает бандану. На плечи ему падает сверкающая копна светлых волос. Кольцо-пирсинг под левой бровью подчеркивает голубизну его глаз. Они еще светлее, чем у Алисы, но взгляд у него не такой пронзительный.

— Слушай, черт тебя побери, откуда ты такая взялась? Куда, потвоему? В Англию. Ты новости смотришь?

Алиса опускает голову:

— Мой отец забрал меня из школы в шестнадцать лет, чтобы...

— Чтобы что?

— ...чтобы — я помогала ему на ферме. И... он никогда не позволял мне смотреть телевизор, было слишком много работы, и потом, он был против... против той лжи, которую там показывали. И поэтому даже теперь, когда я живу одна, я его почти не смотрю. У меня нет ни

мобильного, ни компьютера. Старая привычка.

— Ах вот оно что... Извини.

Алиса водит пальцем по клетчатой скатерти.

— Если бы только люди перестали говорить мне: «Извини».

— Ладно, я усвоил урок, больше извиняться не буду. Хорошо, если объяснять в двух словах, здесь странноприимный дом. Я принимаю беженцев, приезжающих из других стран, чтобы работать в Англии. Ну, то есть, я их не принимаю... Сейчас у нас октябрь, значит, с точки зрения закона через несколько дней я буду помогать людям, подвергающимся опасности. Это звучит лучше, а главное, это не позволит полиции сесть мне на хвост, и я получу свободу действий.

Алиса резко встает:

— Послушайте, я... Вы должны помочь мне найти Самсона. Мне необходимо понять, что произошло за эти два дня.

Даже здесь, в своем рабочем кабинете в клинике, Люк Грэхем не может не думать об Алисе. В последние недели в отделении психотерапии события развивались с необычайной скоростью. После занятий с Коринной, девушкой, испытывающей панический страх перед уколами и кровью, ему хотелось только одного: пробраться в сложно устроенный мозг своей молодой пациентки, проникнуться звуками ее голоса, понять, продвинуться дальше. Он садится на стул, закрывает глаза и включает маленький магнитофон, который хранит в ящике стола. Кассета номер четырнадцать.

— Перескажите мне свой повторяющийся страшный сон, Алиса.

— Я прижата к каменной стене, руки и ноги раскинуты. Я голая, я прикована цепями, на запястьях — железные кольца. Стена уходит в обе стороны, углов не видно. Это напоминает средневековую темницу. Мне холодно, я хочу есть. Мне хочется пить. На земле передо мной извивается большая змея. Она разевает пасть, она хочет впиться зубами в шрам у меня на животе. Я пытаюсь кричать, но изо рта у меня вылетают только пузырьки без слов, а мой отец давит их пальцами и улыбается. Отец как бы парит над землей, под двумя большими перекрещенными балками.

— Эти балки находятся в вашей камере или снаружи?

— Мне... мне кажется, внутри. Доротея стоит перед дверью с решеткой, она расставила руки и загораживает выход, и они с папой обмениваются улыбками, как сообщники. А где-то за ее правым плечом неподвижно стоит Мирабель.

— Вы можете описать Мирабель?

— Она живет далеко, за холмом.

— А вы бывали у нее дома?

— Нет. А зачем?

— Опишите мне Мирабель.

— Она рыжая, у нее кривые зубы и маленькие черные глазки. Она гладит по голове маленького мальчика, его зовут Николя, у него подсохшая ссадина на коленке, он застенчивый и пугливый. За ними с потолка спускается тень, распространяющаяся на всю стену. Это...

— Алиса? Все в порядке? Продолжайте...

— Это Берди. У него большие черные крылья, он сверкает глазами.
— А кто это такой?
— Это чудовище, он уносит детей, он похож на птицу. Он всегда там, всегда... Даже в других моих снах, в других кошмарах...
— Он причинил вам зло?
— Нет, но он меня пугает. Я так боюсь его! Все время.
— Продолжайте. Ваш кошмар...
— Мой пес, Дон Диего, громко лает. Его лай отдается эхом, я не знаю, откуда он исходит, но понимаю, что собаке страшно. Внезапно змея выскакивает у меня из живота и скрывается в кармане пальто моего отца. Доротея громко смеется. И тут изо рта у меня перестают вылетать пузырьки, я начинаю кричать и просыпаюсь.

Люк нажимает кнопку, в кабинете становится тихо. Кошмар... В нем-то все и дело... Решение... Однако он еще не собрал все элементы, все детали головоломки, которые позволили бы полностью понять эту последовательность образов. Например, почему Клод Дехане парит в воздухе, под перекрещенными балками? Алиса как-то рассказывала о двух перекрещенных балках в старом деревянном сарае на отцовской ферме, тут, безусловно, есть какая-то связь. Что же касается выскакивающей из живота змеи, речь, по всей видимости, идет о материализации аппендикса, который Алисе удалили в Перу, во время путешествия с отцом, когда ей было двенадцать лет. Эта операция оставила глубокий след в психике девочки.

Люк знает, что теперь разгадка совсем близка. Он со вздохом открывает ящик и кладет туда свой диктофон. Его взгляд падает на именинную свечку в форме цифры 8. Восемь лет... Он осторожно поднимает свечку, подносит к носу, от нее пахнет миндальным пирожным... Взрывы смеха, развевающиеся на ветру волосы, воздушные змеи высоко в небе... Люк вздрагивает и кладет свечку обратно. Прошое и все, что в нем было, должно остаться далеко, далеко позади.

Он смотрит на обложку романа «Скафандр и бабочка», главный герой которого страдает синдромом «запертого внутри». Замурованный заживо... Бедная Алиса. Какую память сохранила она о дне, когда ей исполнилось десять лет, если в тот самый день ее мать сломала позвоночник, упав с лестницы, и погрузилась во мрак синдрома «запертого внутри»? Что у нее осталось, кроме невыносимого надлома психики?

Люк подскакивает от внезапного стука в дверь кабинета. Он поспешно задвигает ящик.

— Войдите!

Интерн Каплан входит, не вынимая рук из карманов.

— Ну вот, медсестра привела в порядок нашего кататоника, теперь он выглядит получше и помоложе.

— Сколько лет на вид?

— Ну, я бы сказал, за сорок. Но он по-прежнему ни на что не реагирует. Восковая ригидность, отказ от пищи, фиксированный гипертокус. В такой позе никто не продержался бы больше десяти минут, а он уже три часа... Надо же, какой терпеливый...

Люк немедленно встает и выходит в коридор. Каплан идет за ним.

— Послушай... Мне только что поручили больную, мадам Кромбез, прелестную молодую женщину, вроде бы глуховатую. Она...

— Клиническая картина свидетельствует о нарушении по типу истерической глухоты.

— Ты ее знаешь?

Люк отвечает ему дежурной улыбкой:

— Она прекрасно слышит. Но стоит ее мужу открыть рот — все, тишина в эфире. Чтобы общаться с ней, он вынужден обращаться к детям. Никаких органических нарушений в ушах, но она действительно не слышит. Мы много чего с ней пробовали, ничего не работает. Удачи тебе!

— Вообще-то стоит взять это на вооружение с моей подружкой. Не слышать, когда мне удобно...

Второй этаж, палата А11. Люк толкает приоткрытую дверь, обходит кровать и оказывается лицом к лицу с больным. Без бороды его лицо похоже на кремневый нож, глаза глубоко запали. Психиатр отступает на шаг, Каплан замечает, что он недоволен.

— Что-то не так?

Люк трет висок.

— Не знаю. Но мне вдруг показалось, что я его где-то видел. Тебе он никого не напоминает?

Он подходит к кататонику, склоняется над ним. Убирает со лба выющиеся волосы, ощупывает левую сторону лица, потом правую. Достает из кармана цифровую камеру и делает снимок. Каплан с любопытством наблюдает за ним.

— Новое фото?

— Это чтобы приложить к истории болезни.

Люк поднимается в кабинет, распечатывает фотографию в двух экземплярах. Никаких сомнений, он уже встречался с этим взглядом, видел это лицо. Но где? И когда? Он безуспешно роется в памяти. Потом начинает искать в компьютере, просматривает истории забытых больных.

Появляются ярлыки. Мужчины, около сорока... Психопаты, жертвы психических травм, страдающие депрессиями, несостоявшиеся самоубийцы...

Ничего. И тем не менее он знает, что уже видел этого человека. Но если не в больнице, то где же?

Сотрудница социальной службы Жюли Рокваль в одиночестве ест спагетти болоньезе в общем зале медицинского общежития за отделением скорой помощи клиники Салангро. Это помещение, где она обедает дважды в неделю, невероятно запущено. Повсюду тарелки с недоеденной пищей, в углах валяются огрызки фруктов, стулья заляпаны йогуртом, на стенах красуются похабные надписи. Если бы люди увидели все это, мифу о возвышенном мире медицины был бы нанесен существенный ущерб.

Жюли вытирает пальцы бумажной салфеткой и бросает равнодушный взгляд на экран стоящего в углу телевизора. Новости. Цены на нефть падают, планете грозит потепление, стоимость жизни растет. И что следует из всех этих драматических событий? Резкое увеличение числа больных в психиатрическом отделении. Одно цепляется за другое. Как в тарелке с этими паршивыми макаронами.

Ей больше не хочется есть.

Жюли устало опускает в карман яблоко, прощается с сидящим в кресле студентом — и вдруг понимает, что он крепко спит. Она подходит к нему и замирает. Он бос, и его ноги покрыты мелкими шрамами.

В ее мозгу раздается сигнал тревоги.

Она снова садится за стол и достает мобильный телефон. Люк Грэхем не отвечает, тогда она звонит Каплану.

— Это Жюли Рокваль. Вы сейчас далеко от кататоника?

— Ну, не очень, как раз иду посмотреть его. А что?

— Вы не могли бы посмотреть его ноги и сообщить мне, нет ли у него порезов или заноз?

Каплан в расстегнутом белом халате буквально летит по коридору.

— Сообщу, как только дойду. Еще пару минут. Сейчас...

В палате кататоника Каплана ждет все та же картина: каменная статуя. Интерн приподнимает простыню над неподвижными ногами.

— Ну вот, смотрю на его ноги. Ничего. Никаких шрамов. А нет, какие-то старые следы, им, наверное, уже много лет. А почему вы спрашиваете?

— Потому что, если бы он шел по улице босиком, то обязательно бы поранился — там всюду камни, осколки стекла... Тем более что он, скорее всего, прибыл издалека, ведь никто из местных его не опознал.

— И о чем это говорит?

— Что он не пришел сам. Кто-то его нарочно там оставил.

— Оставил? Как это понимать? Вы думаете, что... что кто-то сначала пытал его, а потом подбросил нам в качестве мрачного подарка? Ох... подождите пару минут...

Каплан хмурится. Пациент двигает челюстью, словно хочет заговорить.

— Такое впечатление, что он реагирует. Он пытается... что-то сказать.

Из рта больного вырываются икающие звуки. Звуки, складывающиеся в слово, а потом снова наступает тишина. Интерн продолжает:

— Жюли, не знаю, поможет ли это вам... Мне кажется, что я разобрал какое-то имя. Баншар, Даншар, Бланшар... да, скорее всего, Бланшар.

— Он, несомненно, пытается сказать нам, кто он такой. Спасибо вам огромное. И главное, держите меня в курсе малейших изменений.

Она отключает телефон, подносит руку ко лбу. Внезапно раздается голос, от которого она подскакивает:

— Жалко, что вы уже поели. Разве мы не условились встретиться?

Жюли поднимает глаза. Люк Грэхем ставит на стол поднос и садится напротив нее. Она искренне улыбается.

— Вы же отклонили мое предложение. Под предлогом, что у вас «много работы».

— Ах да, извините.

Жюли смотрит на часы. Люк накручивает спагетти на вилку и говорит:

— А у вас сейчас много работы?

— Вчера в травматологию доставили шестнадцатилетнюю девушку... Хотела покончить с собой, потому что, по словам подруги, ее вроде бы изнасиловал отчим.

— «Вроде бы». В этом-то вся проблема. Девочка мало что рассказывает, постоянно противоречит сама себе? Она ничего не скажет. Жертвы насилия или инцеста предпочитают хранить молчание либо из чувства стыда, либо из страха наказания...

— Я постараюсь убедить ее. С такими больными проще иметь дело, чем с шестидесятилетними. Два дня назад один тип нанес себе два удара ножом, просто от отчаяния. Не хочет ничего слышать, не выносит психиатров. И наверное, его выпишут сегодня вечером или завтра, как будто бы ничего не произошло.

Люк пожимает плечами:

— Надо смириться, нельзя же их тут оставлять навсегда против их воли. И мест не хватает, и вообще... Вы же знаете.

— Лучше кого бы то ни было.

— Кстати, приходили из службы криминалистического учета, взяли отпечатки у нашего кататоника. Я недавно звонил, у них на него ничего нет.

Жюли показывает ему на свой мобильный:

— Я только что звонила вашему интерну. Судя по всему, больной пробормотал какое-то имя. Бланшар...

Люк размышляет. Лицо кажется ему знакомым, но имя совершенно ничего не говорит.

— Это нам мало чем поможет. Знаете, сколько во Франции Бланшаров...

Люк достает из кармана последнюю фотографию кататоника, внимательно смотрит на нее.

— Подождем до завтра, до теста с ривотрилом. Нас никто не торопит. Возьмите фотографию...

Внезапно психиатр поворачивается к студенту — тот начал храпеть. Люк смеется:

— Надо же, а я ведь тоже спал в этом самом кресле. Господи, как давно это было!

— А вы где работали?

— В отделении у одного старого озлобленного хирурга, который любил оперировать под Бетховена. В операционной никому не разрешалось разговаривать. С тех пор я никогда не слушаю Бетховена.

Жюли уже не хочется уходить, ей хорошо. Она делает глубокий вдох, а потом, указывая на обручальное кольцо Грэхема, говорит:

— А знаете, не будь вы женаты, я пригласила бы вас в настоящий ресторан, где мы не говорили бы о самоубийствах, больных, операционных. Я тут пашу уже полгода и впервые вижу вас без халата.

Люк кладет вилку и отпивает глоток воды. У него перехватывает горло.

— Извините...

Он замолкает, бросает взгляд в сторону телевизора, потом уставляется в пустоту. Жюли чувствует, что в его душе что-то сломалось. Она смущенно пытается встать:

— Простите, если я...

— Я вовсе не против ресторана. Может быть, сегодня вечером? Дежурства нет, очень удачно. Пошли в «Севастополь»... И это я вас приглашаю. Встречаемся там в восемь.

Жюли старается не покраснеть.

— С удовольствием, но я не знаю, где этот «Севастополь». Понимаете, я тут недавно и...

— И мало куда ходите. Не волнуйтесь, я тоже.

Она застенчиво кивает. Люк встает и тоже кладет яблоко в карман.

— Я пришлю вам адрес по мейлу, идет?

— Вы уже уходите? Вы же не поели!

— Я пришел сюда не потому, что хотел есть.

Они долго молча смотрят друг на друга.

— Обещаю, что вечером я приду без халата.

Он уходит не оборачиваясь, почти что бегом. Студент открывает глаза и быстро растирает лицо. Жюли тоже пора уходить. Она выходит, идет на огромную, битком забитую парковку клиники Салангро. Куда ни глянь, всюду машины. Если есть на свете два места, где никогда не будет пусто, так это больницы и кладбища...

Жюли без конца прокручивает в голове фамилию. Бланшар... Увы, слишком распространенная, Люк прав. Она говорит себе, что прежде всего надо посмотреть в телефонном справочнике Ильеса и окрестностей. Потом, если потребуется, она позвонит кое-каким знакомым в полиции, чтобы они посмотрели дела пропавших без вести.

Проведя намеченные на вечер встречи с больными, она заносит в лабораторию Биолилль конверт с образцами крови для анализа на групповую принадлежность. Один из лаборантов, Мартен Плюмуа, когда-то работал в экспертно-криминалистическом отделе полиции в Лилле и разбирается не только в пробирках.

Потом она возвращается к себе в Бетюн. Надо подготовиться к свиданию с Грэхемом. Сегодня вечером ей не хочется думать о людях, попавших в беду. Ей хочется мечтать...

Фред на своем фургоне ловко маневрирует на узких улочках Кале, время от времени беспокойно поглядывая в зеркало заднего вида. Он тщательно избегает центра города и основных магистралей, потом выезжает на дорогу, идущую параллельно дамбе в направлении паромного причала.

Алиса судорожно вцепилась в ручку дверцы:

— Вы так быстро едете. Чего вы боитесь?

— Полиции, она нас не очень-то любит.

Справа в канале возле буя останавливается паром компании «Sea France» с надписью «Keep wheel on the West».^[4] На набережной стоят автомобили с английскими номерами, ящики, наполненные под завязку спиртным и сигаретами.

— Здесь каждый день собираются десятки эмигрантов вроде Самсона.

— Как палестинцы в Ливане.

— Нет, тут все иначе. Ты говоришь о Ливане, где в конфликте сам черт ногу сломит, и совершенно не знаешь, что происходит в нескольких километрах от твоего дома?

— Мой отец был очень известным репортером, правда уже давно. Очень известный человек в своей профессии, понимаете? Он ездил по всему миру и находился в Ливане во время войны.

— Был? А что с ним сейчас?

— Он работает дома. У него маленькая фламандская ферма между Аррасом и Лиллем, там есть сарай, коровник на двух коров, сад. Он выращивает овощи, скот, ведет там все хозяйство.

— Папуля решил спокойно пожить после Ливана. А ты давно тут?

— Около года назад я переехала в квартиру в Булонь-сюр-Мер. Раньше жила на ферме.

— Сколько же тебе — двадцать пять, двадцать шесть? И ты всегда жила с родителями?

— Я помогала отцу.

Алиса смотрит на горизонт, потом на вырисовывающиеся вдали берега: там Англия. Они проезжают последние причалы, потом углубляются все дальше в промышленную зону, где стоят химические и металлургические заводы. Запах битума, дым, серые строения. Фред медленно качает головой:

— Нам ни к чему ездить в Ливан. Нищету можно увидеть прямо здесь, в двух шагах от красивых отелей и от пляжа. А в тридцати километрах, там, за морем, — земля обетованная.

Фред едет по набережной вдоль Луары. Его пассажирка с удивлением смотрит на трех иностранцев, забившихся в телефонную будку. Вязаные шапки, перчатки, странная одежда. Фред объясняет, что они ведут переговоры со своими перевозчиками, которые, как правило, находятся в Англии.

— А что вы...

— Прошу тебя, кончай выкать. Здесь никто ни к кому на «вы» не обращается.

— Простите... Я хотела спросить, что ты делаешь с этими беженцами?

— Они тут задерживаются в среднем недели на три. А мы, наши объединения, помогаем чем можем. Еда, одежда, помыться, первая помощь, если надо. Мы не поощряем незаконные перевозки или иммиграцию, но нельзя же их бросить, понимаешь?

Фургончик останавливается возле сгоревшего торгового павильона рядом с железнодорожными путями, на которых стоит множество мужчин и женщин.

— Подождем здесь. Они называют это место «хижиной». Скоро добровольцы начнут раздавать горячую еду. Соберутся все беженцы. И если среди них будет Самсон, я увижу.

Он включает старую автомагнитолу, ловит станцию «Ностальжи». Песня «Море» Шарля Трене. Если бы Трене знал, на что похоже сегодняшнее море! Алиса легко проводит по стеклу пальцами с коротко подстриженными ногтями.

— С удовольствием бы занималась таким делом. Помогала бы людям...

— Я не только в объединении вкалываю, еще я работаю в больнице в Кале.

— Ты врач?

— Техническое обслуживание. Ну, ты понимаешь, уборка помещений и всякого дерьма, когда все спят... Везде кто-то стрижет лужайки, а кто-то играет на них в гольф. Угадай, к какому разряду я отношусь.

Фред задумчиво катает в пальцах сигарету.

— А в чем конкретно твоя проблема? Ну, я имею в виду, провалы в памяти?

— Понятия не имею.

— Мне ты можешь доверять. Я уже привык выслушивать недомолвки

и недоговорки, я, если можно так сказать, человек, к которому идут за последней надеждой. И это не вчера началось.

Алиса не разжимает губ. Фред пытается разговаривать с ней.

— Я читал психологические романы, жизненные истории. Когда речь идет о психиатрии, всегда ищут связь с детством. Взять моего папашу — он мне навешивал таких оплеух, ты себе представить не можешь. — Он вздрагивает, потирает левое предплечье, потом продолжает: — Наверное, если целый день плющить сталь на заводе «Юзинор», у рабочего человека крыша съезжает. Но тогда, меня это особо не волновало. Во всяком случае, мне так кажется. Я же выгляжу нормальным, да?

В глазах Алисы отражается свет, она не хочет, чтобы Берди вернулся, чтобы он бился об ее голову, хватал ее когтями. Она еще больше напрягается. Фред замечает ее состояние.

— Тебе неприятно говорить об отце или о детстве, я правильно понял?

— Не знаю.

— Он тебя наказывал?

Она колеблется, а потом отвечает, как будто бы искренне:

— Не часто. Папа нас иногда ругал, но он ни разу никого не ударил.

— Тебе повезло. У нас с отцом было иначе. Он бил без разговоров.

Алиса отворачивается к окну. Люди на рельсах, на мосту, на берегу собираются в группы по национальному признаку. Афганцы, африканцы, иракцы, иранцы. Алиса помнит нищие горные деревушки в Перу. Единственные их с отцом каникулы. Вечная борьба за выживание, надо идти вперед, не жаловаться, надеяться, что завтра будет лучше. Нищета всюду одинакова, что здесь, что где-то еще.

— Хочешь узнать, почему я уехала с фермы?

— Расскажи... Конечно, если хочешь...

— Мне было необходимо проконсультироваться у психиатра, у меня давно уже проблемы, знаешь, как если вдруг проснешься ночью и чувствуешь опасность. Ферма превратилась в тюрьму, она меня подавляла, я понимала, что, если я там останусь, лучше мне не станет.

— А почему, знаешь?

— Что самое странное, не знаю. Я просто чувствовала, что должна уехать, оказаться подальше от того, что меня пугало.

— А что именно?

— Это так глупо... Коровник, сарай... Я... — Она пожимает плечами. — Что касается сарая, я была уверена, что в нем прячется кто-то вроде людоеда и что он хочет причинить мне вред. Я называла его Берди. Папа пытался меня успокоить, говорил, что его не существует, но ничего не

получалось.

— Ну, дети очень часто боятся людоедов. У меня был *черный человек*. Я всегда боялся слухового окна у себя в комнате, потому что иногда мне там мерещилось его лицо.

— Ну да, но мне-то уже двадцать пять, а у меня до сих пор эти кошмары.

Молчание. Фред пытается ободрить девушку:

— Я, конечно, не аббат Пьер,^[5] но я тебе вот что скажу: если тебе хочется поработать, хочется изменить обстановку, нам люди нужны.

— Правда?

— Да, правда. Тебя это устроит?

Она радостно улыбается:

— Конечно!

— Будет нелегко, но тебя будут кормить, жить, если хочешь, можешь у меня, а от своей квартиры откажешься. И главное, сможешь помогать людям. Хорошая терапия, а? Нищета — вещь невеселая, но это так здорово — делать людям добро, делить с ними кусок хлеба и понимать, что мир на самом деле не ограничивается Францией.

Впервые за долгое время Алиса чувствует, что может расслабиться. Конечно, все дело в том, что у Фреда такой мягкий голос, а его взгляд ее действительно успокаивает.

Недалеко от них останавливается другой грузовичок. Из него выходят двое мужчин и женщина, в руках у них кастрюли, из которых поднимается пар. Тени приближаются.

Фред показывает пальцем:

— Смотри-ка, Самсон вон там, за палаткой! Вот подфартило! Пошли!

Они перебегают дорогу и смешиваются с толпой. Эти люди словно зависли между двумя мирами, в пространстве, где царят усталость, воровство, ссоры, страх. Поздоровавшись с добровольцами и знакомыми беженцами, Фред направляется к парню из Эритреи. Самсон обут в грубые башмаки, на спине у него большой рюкзак. На угольно-черную голову натянута вязаная шапка. Белки глаз желтоватые, что свидетельствует о проблемах со здоровьем.

Он недоверчиво смотрит на Алису и приветствует Фреда. Доброволец произносит несколько фраз по-английски, потом отступает на шаг, и молодая женщина оказывается лицом к лицу с высоким чернокожим парнем, не внушающим особого доверия.

— Ну! Задавай свои вопросы!

Алиса опускает глаза:

— Я... я не говорю по-английски. Ни слова не знаю.

— Ты шу... Нет, ты не шутишь... Ну ладно, ты не говоришь по-английски. Ты с ним трепалась два дня, но ты не говоришь по-английски... О'кей, о'кей... И наверное, ты хочешь, чтобы я спросил его, о чем вы разговаривали?

Алиса кивает. Афганки с мисками супа, сосисками, буханками хлеба проходят мимо нее и удаляются по рельсам. Фред, взяв на себя роль переводчика, пересказывает слова Самсона:

— Он рассказывал тебе о своей стране, о своих бесконечных скитаниях, рассказал, как побыл недолго в Англии, а потом жил в Канаде. Кстати, сегодня вечером он уедет, и мы его больше не увидим. Он бежал с родины из-за войны и...

— А я? Я о себе рассказывала?

Фред задает вопрос, потом пытается припомнить и как можно точнее передать услышанное.

— Ты рассказывала про свою собаку, про женщину в инвалидном кресле. Это твоя мать?

Алиса растерянно кивает. Молодой человек в бандане снова поворачивается к Самсону. Тот продолжает свой монолог, и Фред, нахмурившись, склоняет голову немного набок.

Когда он оборачивается к Алисе, у него что-то зажато в руке. Фотография. Алиса наклоняется:

— Что? Что это такое?

— Это... то самое, что ты дала ему на память, чтобы пожелать ему удачи.

В этот момент по площадке возле набережной словно проносится ураган. Беженцы с криками разбегаются в разные стороны и исчезают. Добровольцы поспешно убирают свои полупустые кастрюльки. Люди бегут, плачут, кашляют. Слезоточивый газ. Раздается усиленный мегафоном голос, командующий по-английски: «Всем разойтись! Здесь стоять запрещено!»

Алиса чувствует, как в общей суматохе чья-то рука хватается ее за запястье, и начинает вопить.

— Это я! — кричит Фред, не отпуская ее. — Уходим, скорее, бежим!

Молодая женщина уже вдохнула газ, у нее щиплет глаза, она сжимается в комок, и Фреду приходится силой срывать ее с места.

— Не отставай!

На дороге раздаются автомобильные гудки, хлопают дверцы полицейских машин и фургонов спецназа, царит полная неразбериха.

Алиса ничего не видит, у нее першит в горле, она улавливает только, как заводится двигатель, а когда ей удастся открыть глаза, она уже на бульваре, возле церкви Богоматери. Фред гладит ее по залитой слезами щеке.

— Ну как, получше?

— Что случилось?

— Ты ничего не помнишь? Газ? Как мы смывались?

— Нет, ничего. Совсем ничего.

— Опять твоя черная дыра?

— Мне плохо, Фред, мне...

Фред быстро припарковывает машину, отламывает горлышко у ампулы с физраствором и заливает его в красные воспаленные глаза Алисы.

— Не двигайся. Помогай глазами, и все пройдет. Бедненькая. Ты же, наверное, понятия не имеешь, что такое слезоточивый газ? Добро пожаловать в прекрасный реальный мир.

— Самсон...

— Все кончено, его мы больше не увидим.

На щеках Алисы блестят слезы вперемешку с физраствором.

— Фотография. Дай мне эту фотографию.

Фред трогается с места, включает поворотник и заезжает на улицу с односторонним движением. Он уже оправился от химической атаки, слезы больше не текут, голос нормальный. Он вынимает снимок из кармана и протягивает Алисе:

— Эта женщина провела у меня дома два дня.

Его голос меняется, становится более строгим.

— Это ведь ты?

Алиса берет снимок. Женщина стоит очень прямо, слегка вздернув подбородок. Волосы собраны в пучок, светлая куртка, сиреневый шарф, очков нет. Алиса чувствует, что падает в пропасть. Вся дрожа, она переворачивает фотографию.

На обороте изящным почерком написано: «Доротея Дехане, 14 марта 2007 года».

Теперь Алиса чувствует, что с головокружительной скоростью летит в пропасть. Она съеживается на сиденье, ей кажется, что черепная коробка сейчас взорвется. Да, она падает. Внутри все словно переворачивается, стремясь вырваться из тела. Горло перехватывает, легкие вот-вот лопнут.

А потом шум уличного движения, рокот мотора, вибрация — все исчезает.

Черная дыра.

В клинике Салангро Мирабель Брё открывает правую ногу Клода Дехане и осторожно ее массирует. Клод закрывает глаза от удовольствия.

— О боже, Мирабель, как хорошо. И ты так долго не приходила!

— Ты же знаешь, я не всегда свободна.

Клод бросает взгляд в сторону двери и снова закрывает глаза. Наконец-то у него нет ощущения, что он заперт в стерильной тюрьме. Тепло этих рук, их нежность, привычный ритуал массажа...

— Мне сегодня вечером обязательно надо уехать. Убраться отсюда. Завтра вечером поеду к жене в Берк и проведу с ней выходные. Ты приедешь с нами повидаться? Обещаешь?

— Если будет время. У меня много работы, ты же знаешь. А ты мог бы время от времени заходить ко мне. Два-три километра пешком через поле — это тебя не убьет.

Клод вздыхает, запускает жесткие пальцы в растрепанные волосы молодой женщины и ласкает ей затылок.

— Как странно, я чувствую, что ты... далеко. Что-то не так?

Мирабель встает, поворачивается спиной к Клоду и смотрит на свое отражение в окне. У нее черные глаза, пухлые губы, круглые щеки, покрытые веснушками, короткие рыжеватые волосы.

Она говорит с упреком:

— Что за ерунда с этими твоими ножевыми ранами? Я говорила с врачом, и ему кажется, что все было не так, как ты рассказываешь. Он считает, что ты не просто так поранился. Зачем ты это сделал?

Клод встает и подходит к ней сзади. Он маленького роста, она на несколько сантиметров выше. Он кладет руки ей на плечи.

— Ты все реже приходишь повидаться со мной, Мирабель. Вот в этом-то и вся беда... Все так изменилось после отъезда Алисы. Мою маленькую семью словно разметало. Мне так ее не хватает.

Мирабель поворачивается, сжимает кулаки. Ее голова чуть откидывается назад.

— Не говори мне про нее. Раз Алиса уехала с фермы, так тому и быть. Алиса делает что хочет, я делаю что хочу, все делают что хотят, правда?

— Мирабель, я боюсь, когда она далеко от меня, и когда ты далеко от меня, тоже боюсь. Я боюсь, что ты поранишься, что ты...

— Я не поранюсь, я в жизни не ранилась. А вот ты бы лучше следил за

собой. Не я же в больнице!

Клод гладит ее по лицу, целует в лоб, как отец поцеловал бы дочку.

— Хорошо бы поговорить с Доротеей. Мне кажется, что она что-то замышляет, и мне это не нравится.

— Я не знаю, где она. Если хочешь знать, я за ней не слежу.

Клод отходит, и Мирабель начинает расхаживать по комнате. По телевизору идет фильм Виктора Флеминга «Доктор Джекил и мистер Хайд». Клод внимательно смотрит, как доктор Джекил приходит на помощь проститутке Айви Парсонс, пострадавшей от рук бродяги. Он резко поворачивается к Мирабель:

— И ты тоже, по-моему, что-то замыслила. Против меня. Я могу надеяться, что ты никогда меня не предашь?

Чтобы скрыть раздражение, Мирабель делает вид, будто поглощена событиями, разворачивающимися на черно-белом экране.

— Что ты имеешь в виду?

— Детали, которые ты могла бы рассказать психиатру Грэхему. Подробности о *внутреннем мирке Алисы*.

Мирабель вздрагивает. *Внутренний мирок Алисы...* Она ненавидит, когда он произносит эти слова. О чем бы они ни разговаривали, он всё и всегда сводит к Алисе. Она далеко, но только о ней он и может думать.

— Нет-нет, никогда. Зачем ты такое говоришь?

— Потому что вот уже несколько дней, как творится что-то странное. Я знаю, что Доротея тоже с ним встречается. И она рассказывает неправду. Но ты, Мирабель, ты-то хотя бы с этим врачом не видишься?

— Конечно, нет.

Мирабель неловко складывает ладони у груди. Клод — самый милый человек на свете, но за какую-то долю секунды его может обуять дикая ярость.

Теперь он с силой сжимает ее запястья. Потом приближает губы почти вплотную к ее рту.

— А почему мне вдруг показалось, что ты мне лжешь? Ты знаешь, как наказывают за ложь?

— Клянусь, я не лгу тебе.

Клод отходит, останавливается в противоположном углу комнаты, его лицо остается в тени.

— От души надеюсь. Потому что ты ведь знаешь, что может случиться, Мирабель? С тобой, как и с другими?

Молодая женщина с силой растирает руки, ей бы очень хотелось выйти, глотнуть свежего воздуха. Клод вдруг заговорил холодно, резко. Она

вбегает в ванную, ополаскивает лицо. Потом смотрится в зеркало. Когда она выходит, Клод снова встает за ее спиной:

— Привези сюда Доротею, да побыстрее...

Жюли, сидя в кабинете бывшего мужа перед компьютером, пьет томатный сок. В этой комнате, откуда еще не выветрился запах сигарет, у нее есть все необходимое: ноутбук, кресло, торшер и пепельница, которую она так и не убрала. Филипп тоже курил, причем слишком много.

Поиски в интернете особой пользы не принесли. В департаменте Нор-Па-де-Кале проживает более четырехсот Бланшаров, если, конечно, она правильно написала фамилию, а кататоник произнес именно ее. Проще найти иголку в стоге сена. Наконец она сдается и прекращает поиски. Теперь вся надежда на этот чудо-препарат — ривотрил. Завтра он раскроет все тайны.

Жюли встает и идет в спальню. Уже почти половина шестого, пора собираться в ресторан. Она не удержалась и посмотрела в интернете сайт ресторана. Одна звезда в ресторанном путеводителе «Мишлен», строгий интерьер, хорошие вина в меню. Люк, в отличие от ее бывшего, не признает полумер.

Постояв в задумчивости перед раскрытым шкафом со слегка устаревшими нарядами, она в конце концов выбирает облегающее, но не обтягивающее черное платье. Потом берет пару строгих лодочек и подходящую к ним сумочку. Она должна возбуждать желание, а не провоцировать. Люк Грэхем женат, и она идет с ним не для того, чтобы разжечь его или провести вместе ночь. С нее уже и так довольно любовных разочарований.

Прическа, духи, довольно темная помада — она чувствует себя красивой, и это ее радует. Она все больше нервничает, и от этого ей хочется курить. Жюли хватает пакетик с лимонной жевательной резинкой. О чем они будут говорить вечером? Она совершенно не знает, что собой представляет Люк Грэхем вне стен клиники, но ей кажется, что он симпатичный человек: преданный своей работе, не слишком современный, немного неловкий с женщинами.

Не зная, чем себя занять, Жюли ходит взад и вперед. Нетерпение все нарастает, и она решает выехать немедленно. Еще рано, но она может воспользоваться случаем и выпить бокал в ожидании Люка. Белый martini — это успокаивает. Она не боится пьяных типов весом под сто двадцать кило и кипящих ненавистью семей, но Люк Грэхем — это нечто иное. Его пронизательные серо-голубые глаза излучают внутренний покой

и прямо-таки гипнотическую силу.

В тот момент, когда она берет ключи от машины, звонит мобильный. На экране высвечивается имя «Тьерри Боске» — это сотрудник уголовного розыска Лилля. Жюли торопится ответить на звонок. Днем она просила его узнать, не числится ли человек по фамилии Бланшар среди пропавших без вести.

Ничего найти не удалось...

К несчастью, но к счастью для женщины с пронизательными серо-голубыми глазами.

Люк заканчивает одеваться в ванной. Надо хорошенько проверить, чтобы все пуговицы были застегнуты как следует, особенно на манжетах. От него пахнет «Фаренгейтом» — туалетную воду ему подарила Анна. К счастью, духи не портятся. Они испаряются...

В тесном помещении с выложенными плиткой стенами гулко звучит голос Алисы. Старый магнитофон оживляет воспоминания девушки. Люк отлично помнит, как проходил этот сеанс психотерапии. Алиса начинала доверять ему, не пропускала сеансов, и ее стало легче разговорить.

— ...И потом, папа не хотел показывать меня специалистам, никогда не хотел.

— Почему?

— Он считает, что психиатры занимаются умственно отсталыми, дебилами, помещают их в клиники, откуда им уже не выйти. Он говорил, что всем должен распоряжаться Бог, без всяких лекарств, без мучительного лечения, без ограничения свободы мысли и так далее и тому подобное. И из-за того, что он слишком оберегал меня, он меня и потерял.

— Насколько я понял из ваших слов, ваш отец — очень верующий католик. А случались дни, когда он не молился?

— Нет, никогда. Иногда он даже молился много раз в день. Он молился за меня, за маму. За Доротею, за Мирабель, за всех на свете... Он любит Господа и хочет, чтобы все люди любили друг друга. У него... довольно примитивный образ мыслей.

— И он считал, что вы вполне здоровы?

— Думаю, он хотел убедить себя, что это так. Например, он все время сообщал мне какие-то научные факты. С какой скоростью бежит заяц, как называются звезды и где они расположены на небе, про скорость ружейной пули, сезонные циклы, генетические эксперименты и информатику... Он подписывался на кучу журналов и заставлял меня их читать. Другие дети этого не учили. Он старался, он гордился мной, когда я все это рассказывала. Он говорил маме: «Смотри, какая у нас умная дочка!» Но мама, разумеется, никогда не отвечала... И еще он все время заставлял меня рисовать, потому что я действительно была очень способная.

— А Доротея? Ее тоже заставляли все это учить?

— Нет, ее он не трогал, по большей части он вообще не обращал на нее внимания... Все равно рисовать она не умела. Зато у нее были хорошие отметки по математике и по разным другим предметам. Я в математике полная дура.

— Вы помните уроки математики?

— Нет. Ни математику, ни историю...

— Совсем ничего не помните?

— Совсем ничего. Я даже не могу вам сказать, как звали учителей.

— На сегодня у меня еще два вопроса, Алиса. Почему отец позволил вам обратиться к психиатру, если он был против?

— До того как прийти к вам, я была на краю пропасти, у него не оставалось выбора... Потому что если бы я не, я не...

— Вы бы причинили себе зло?

— Думаю, да...

— ...И последний вопрос. А вы знаете, почему он выбрал именно меня, чтобы лечить вас?

— Совсем не знаю. Наверное, потому, что вы хороший психиатр. Самый лучший...

Самый лучший психиатр... Люк со вздохом выключает магнитофон. Вдруг раздается стук в дверь.

— Иду!

Он отпирает и тут же распахивает дверь. И широко открывает глаза от удивления.

— Привет, доктор... Надо же, какой ты красивый.

Перед ним в дверном проеме стоит молодая женщина. Серая куртка, сиреневый шарф, волосы собраны в пучок.

— До... Доротея?

Не дожидаясь приглашения, Доротея Дехане входит и захлопывает за собой дверь. Она закуривает, сжимая в руке зажигалку. Погода на улице изменилась. Идет дождь, оставляя на асфальте неровные круги.

— Не представляешь, как трудно стрелять сигареты на улице, особенно под дождем. В лицее было проще. Ребята там никогда не отказывали, и ты знаешь почему. Он тебе даст сигаретку, а ты ему позволишь залезть в трусики... У тебя выпить не найдется?

— Что вы хотите?

Она садится в кресло, как будто у себя дома. Грэхем не двигается.

— Простите, Доротея, но я должен уйти.

Она выдыхает дым через нос и всем своим видом выражает

нетерпение.

— Ладно, теперь о серьезном. В квартире Алисы, в душевой кабине, я кое-что нашла. Кое-что странное...

Люк Грэхем отходит, смотрит в окно, опускает жалюзи и зажигает лампу.

— Что значит «кое-что»?

Доротея встает. Откинув перед зеркалом прядь темных волос со лба, она щелкает пальцами с длинными покрашенными ногтями. Потом резко оборачивается и гасит сигарету в пепельнице на ножке.

— Что значит? Блузку, всю в крови.

Люк чувствует, как у него обрывается сердце.

— Вы шутите?

— Что, похоже? Мой отец в Лилле, в больнице Салангро. Его выпишут сегодня вечером или завтра. Врачам он рассказывает, что дважды ударил себя ножом в грудь — пытался покончить с собой. В тот же вечер, когда вы проводили тестирование.

Люк Грэхем не может скрыть изумление. Он вспоминает рассказ Жюли. Попытка самоубийства. Значит, это был Клод Дехане.

— Чушь. Это неправда.

— Он убежден, что это я на него напала. Что случилось на тестировании? Что ты сделал с моей сестрой?

— После теста визуальной стимуляции Алиса очень плохо себя почувствовала, чуть не потеряла сознание. Мне не удалось поговорить с ней, она замкнулась. Она выбежала из лаборатории, промчалась через приемное отделение и уехала на машине, а я так и остался смотреть ей вслед. Я два дня пытался связаться с ней, но безуспешно. Однако прошлой ночью она оставила мне сообщение на автоответчике, это меня обнадеживает.

Он прикрывает глаза.

— А вы считаете, что это сделала Алиса?

Доротея снова щелкает пальцами.

— Ну, может быть, Берди. Тот самый, которого ты вытащил из ее головы во время тестирования. Я же тебя предупреждала — он может напасть.

Люк внимательно смотрит на нее:

— Я не могу найти ни диск с записью тестирования, ни фотографии — ваши, Алисы, других больных... Вечером после тестирования кто-то проник в дом.

— И что это значит? Ты меня считаешь воровкой? А почему меня, а не

Алису?

— Она не знает, где я живу. А вот вы — я знаю, вы за мной следите, ходите перед моим домом, часто бываете в моем саду. Хватит наблюдать за мной, Доротея. Это ни к чему не приведет.

Девушка подходит ближе и смотрит ему прямо в глаза:

— Неправда, это поможет узнать, что ты там вытворяешь с моей сестрой...

Люк Грэhem вздыхает:

— Я хочу только одного — вылечить ее.

Доротея ходит взад-вперед. Теперь она выглядит обеспокоенной.

— Знаешь, отец не хочет неприятностей с полицией и не хочет, чтобы кто-то заглядывал во *внутренний мирок Алисы*. Поэтому он ничего не скажет. Но когда он выйдет из больницы, то может начать сводить счеты. Прежде всего с тобой. Думаю, отец тебя здорово не любит. И это еще мягко сказано.

Она мрачно смотрит на него:

— Отдай мне мой дневник. Я боюсь, что все это плохо кончится, я не хочу проблем. Я завяжу со всем, не буду больше прятаться. Мне это все осточертело.

Люк с силой трет лоб. Доротея, в отличие от Алисы, существо горячее, ее голыми руками не возьмешь.

— Сейчас вы не можете меня подвести, я должен дойти до конца. Ради вас и ради Алисы. Мы почти у цели, Доротея.

— Я сказала: мой дневник.

Люк подходит к ящику и протягивает ей стопку исписанных листов. Доротея стискивает зубы.

— Это... это ксерокс! Плевать я хотела на ксерокс! Отдай оригинал!

— Он не здесь, а на работе.

Он кладет руку ей на спину, подталкивает к двери.

— Послушайте, Доротея, я обещаю скоро заняться вами. Я придумал, как рассказать вашей сестре о том, что вы живы, не навредив ей еще больше. Но надо сделать то, о чем мы договорились, надо дойти до конца. А когда у Алисы восстановится память, все будет хорошо.

Она грозит ему пальцем:

— Только поосторожнее, ладно? Я не очень-то люблю Алису, но не могу видеть ее в таком состоянии, она же совершенно с катушек съехала. Это моя сестра.

И она уходит, такая же, как всегда: прямая, гордая. Ее машина резко трогается с места.

Оставшись один, Люк берет забытый ею сиреневый шерстяной шарф и утыкается в него носом. Можно сказать, что весь мир ополчился против него. Если Доротея и Мирабель испугаются, дорога к исцелению станет еще труднее. Год лечения может пойти насмарку.

«Думаю, отец тебя здорово не любит. И это еще мягко сказано». Люку становится не по себе. Он никогда не видел Клода Дехане, но много слышал о нем. И он знает, что этого человека все должны бояться.

Доротея, по-прежнему вне себя от злости, резко тормозит машину где-то за городом, отъезжает на обочину и смотрит на листки бумаги, лежащие на пассажирском сиденье. Ее личный дневник, описание трех лет ее жизни. Она сожалеет обо всем, она сожалеет о том, что встретила с Люком Грэмом, она сожалеет о том, что сказала об отце и своей жизни на ферме.

Она чувствует, что пропала. Ей не следовало доверять свой дневник Грэму, не следовало так открываться перед ним. Если отцу каким-то образом станет известно о существовании этих записей и о том, какие тайны они скрывают, то...

Она вынимает из-под сиденья зажигалку, собирает листки в стопку, выходит из машины и отходит в сторону. Это тоже надо сжечь. Обязательно.

Она подносит огонек к бумаге, и та сразу вспыхивает. Наблюдая за тем, как обгоревшие листки разлетаются, словно бабочки, она думает о собственной жизни. Ей тоже хотелось бы улететь, снова увидеть городские огни. Ей кажется, что она пропустила все на свете.

Она зажигает последнюю сигарету, которую стрельнула у прохожего. Зрелище исчезающих страниц успокаивает, но это лишь копии, а оригиналы по-прежнему остаются в кабинете психиатра. Надо как можно скорее получить их. Она до сих пор боится отца. Даже когда он в больнице. Даже если его запрут в самую глухую темницу, ничего не изменится.

Она уходит, а огонь пожирает следы ее прошлого.

Бумага чернеет, но на двух страницах, которые вот-вот прекратят свое существование, еще можно прочесть:

7 июля 1995 года

Дорогой дневник!

Ого! Я увидела, что последний раз сделала запись в начале мая! Неужели меня не было так долго? Не волнуйся, я все наверстаю. Когда тебе почти тринадцать, у тебя есть много чего рассказать, но совсем нет на это времени.

Папа все время ходит по участку, что-то считает, рассчитывает, записывает. Я немного порылась и нашла в кармане его охотничьей куртки чертеж. Он собирается купить на рынке

двух коров и построить для них коровник. Боюсь, что наш дом превратится в настоящую ферму. Да, сейчас папа все время что-то покупает. Новенький морозильник, новый телевизор и один из самых современных телефонов, с кнопками, просто гениальный! Он объяснил, что после несчастья с мамой мы получим какие-то деньги, ну и тем лучше для всех нас, может быть, у меня будет новый велосипед.

Ну а теперь про маму. Папа часто ездит в реабилитационный центр в Берк-сюр-Мер, это очень далеко. Уже почти три года... Я бывала там очень редко, потому что я не могу. Мне слишком жалко маму. Видел бы ты ее глаза, милый мой дневник! Они напоминают глаза крокодила, который подстерегает добычу, причем даже не настоящего крокодила, а чучело. Да, именно так. Мама превратилась в живое чучело. Там говорят, что она «замурована заживо». Я очень испугалась. Один раз она как-то страшно двигала глазами. Доктор говорит, что иногда движения могут быть ненормальными, но у нее глаза прямо выпрыгивали из орбит, как мячики для пинг-понга. Брр...

Скоро мама сможет приезжать на выходные домой, это круто. Когда я ездила в центр, я спросила, рада ли она, что скоро приедет к нам. Она моргнула два раза, с большим трудом, с большим перерывом. Насколько я понимаю, два раза значит «нет». Папа говорит, что два — это «да». Да, да. Он объяснил мне, что, когда мама упала, она утратила какие-то способности, он назвал это «изменением способности выносить суждения». Кстати, мама так и не может наладить общение с логопедом, кажется, у нее проблемы с мышцами век. И потом, судя по всему, она совершенно не понимает их азбуку. Это еще не самое страшное, не самое, что уж... Мама теперь не в себе, так все говорят... И тем лучше для нее, так она меньше страдает. Иногда люди с синдромом «запертого внутри» остаются в таких клиниках на всю жизнь. Но врачи считают, что папа может за ней ухаживать. Он ездит туда почти каждый день. По необходимости, врачи это понимают.

Знаешь, я ненавижу место, где ее держат, я ненавижу, когда ей в горло суют всякие трубки, потому что она плохо глотает, я ненавижу всех этих больных, и я ненавижу папу, потому что он орет на меня каждый раз, когда я говорю, что хочу быть журналисткой, как он раньше. Я нашла статьи, которые он прячет

в сарае, под старым одеялом. Папа ездил в Америку, в Африку, в Польшу и еще в кучу других стран, где очень много узнал про людей и их традиции. Я нашла и его старые фотоаппараты, и вроде бы они до сих пор здорово работают! По-моему, папа хранит все, как какая-то мышь.

Да, я очень хочу быть журналисткой. Я хочу путешествовать. Но посмотри на мои руки, они же все в волдырях! Чтобы наказать меня за то, что я хочу заниматься тем, чем занимался он сам, он все время заставляет меня чистить картошку. Хорошо еще, что обычно Алиса приходит на помощь и доделывает это за меня. Когда она так поступает, я ее очень люблю. Я защищаю ее в школе, когда к ней пристают, а она защищает меня от папы. Такой обмен меня устраивает.

Ну хватит на сегодня, дорогой мой дневник! Не знаю, когда вернусь к тебе. Ты же понимаешь, я не всегда все успеваю...

И второй листок тоже вот-вот превратится в черную бабочку... Доротее уже немного больше тринадцати...

5 ноября 1995 года

Поговорим про Мирабель, соседку, которая живет довольно далеко от нас (два или три километра через грязное поле). Она вовсе не красивая, но зато умная. Внешне она похожа на пластилинового человечка из тех, которых лепит Алиса, ну, ты понимаешь, уродина. Круглая голова с толстыми щеками, а тело крепкое как камень, как будто и не гнется. Про одежду я и не говорю — деревенщина. Дон Диего очень любит эту Мирабель, вечно к ней ласкается. Но вообще этот Дон Диего любит всех на свете, тоже мне сторожевой пес! По утрам папа его так выматывает, что потом этот блохастый целый день спит. Меня, честно говоря, Мирабель не раздражает. Она всегда всем довольна. Папе это очень нравится, он часто с ней смеется. Мирабель Брё, вот ее полное имя.

Но что меня огорчает после появления Мирабель, так это состояние Алисы. Ей, судя по всему, это все не по душе, она все чаще жалуется, что забывает разные вещи, но ничего не говорит, тем более папе. Мне-то она говорит. Я знаю, что Мирабель ей мешает, что ей от этого плохо. Хотя Алиса должна была бы

радоваться, что ей больше не надо спать в одной комнате с папой, что у нее наконец есть своя комната. Так нет же! Поди пойми Алису, дорогой дневник! Иногда я думаю, что она и в самом деле дура.

А что до папы, то мне все больше хочется, чтобы его наказали за то, как он со мной обращается, чтобы ему было плохо. И за это я тоже ненавижу Мирабель, которая с ним веселится. Алиса-то, она никогда ничего не говорит, слушается, и все. Милая маленькая рабыня. Прости меня за такие дурные мысли, но я ничего не могу поделать, они у меня такие...

Да, вот еще. Я и Бога ненавижу за то, что он сделал с мамой, но об этом никто не должен знать, понятно? Потому что, если папа узнает, он свернет мне шею, как кроликам.

Алиса медленно открывает глаза. Все расплывается, но она узнает свою комнату, свою кровать, свою мебель. Склонившись над ней, Фред протягивает ее очки.

— Ну как, получше?

Молодая женщина садится, ей еще не по себе. Она смотрит на часы. Без двадцати семь.

— Что... Что случилось?

— Самсон, беженцы, газ... помнишь?

Алиса застенчиво кивает. Фред садится на край кровати.

— Ты вдруг выскочила из моего фургона на светофоре. Во сколько же? Часа в три. Я волновался. У меня был твой номер телефона, поэтому удалось выяснить твой адрес. Дверь была не заперта. Вот я и вошел...

Алиса внезапно вспоминает минуты, предшествовавшие черной дыре. Она видит площадь, полицейских, распыляющих газ, слышит крики.

— Фотография! Где фотография, которую дал Самсон?

Фред кивает в сторону ночного столика.

— Это что, твоя сестра-близняшка?

Алиса берет снимок, поджимает губы.

— Да, моя сестра-близняшка...

Фред вздыхает и проводит обеими руками по лицу.

— Ну так почему же, когда я тебя спрашивал, ты сказала, что у тебя нет сестры?

Алиса медлит с ответом.

— Потому что Доротея умерла десять лет назад.

В комнате воцаряется ледяное молчание. Фред указывает пальцем на фотографию:

— Но женщина на этой фотографии вовсе не мертвая. А две тысячи седьмой — это сейчас.

Алиса с лихорадочной скоростью обувается.

— Это все безумие какое-то. Мне надо понять.

— Куда ты собралась?

— К отцу.

Она выходит в гостиную. Фред хватается за руку:

— Постой-постой. Задержишься на пару секунд и объясни. Я что-то никак не врублюсь.

— Что тебе надо объяснять? Почему на этой фотографии женщина, которая давно умерла? Нет у меня объяснения!

Фред берет ее за руки и пытается успокоить.

— Ну, давай подумаем, хорошо? Всему можно найти объяснение. Как умерла твоя сестра?

Алиса смотрит ему прямо в глаза. В них читаются боль и сострадание.

— Она разбила голову о камень. Умерла мгновенно.

Девушка трет глаза. В голове вихрем проносятся обрывки прошлого.

— Она часто сбегала с вершины холма и как ненормальная прыгала с откоса вместе с Доном Диго. Отец говорил, что это опасно, наказывал ее. Но она опять бралась за свое, такой уж у Доротеи был характер, она редко слушалась. Она умерла в день нашего пятинадцатилетия. Двадцать девятого сентября девяносто седьмого года.

— Ты там была? Ты все это видела?

— Нет... Я... Я совершенно не помню то время. Наверное, у меня была долгая черная дыра, на несколько дней. Когда я пришла в себя, Доротею уже похоронили в саду. Папа сказал, что она умерла.

Фред ходит взад-вперед, обхватив рукой подбородок. Его взгляд становится серьезным, напряженным.

— Значит, ты не видела ни как все случилось, ни ее тела?

Алиса трясет головой:

— Нет. Но отец показал мне кучу бумаг. Он получил разрешение похоронить ее в нашем саду, оно было подписано префектом Па-де-Кале. И свидетельство о смерти, выданное нашим семейным врачом. В глубине сада была... могила, на камне написано имя моей сестры и даты жизни. Разве я могла хоть на мгновение представить себе, что...

Алиса прижимается к его плечу. Ей необходимо выплакаться, излить душу. Фред ласково шепчет ей на ухо:

— Откуда тебе было знать... Тебе говорили, что случилось во время твоей черной дыры?

— Отец сказал, что у меня была температура. Что я бредила... Он говорил так всегда, после всех моих провалов.

— Сумасшедший дом какой-то. Слушай, Алиса, надо понять, что в действительности произошло.

Она отодвигается.

— Так я именно это и хочу сделать. Я должна пойти и проверить, увидеть своими глазами. Хочу понять, не превратилась ли моя жизнь в одну огромную ложь.

Фред натягивает куртку. Алиса кладет руку ему на плечо.

— Я пойду одна.

— Но...

— Прошу тебя. Мне и так нелегко.

Фред сжимает губы, потом целует ее в лоб и выходит вместе с ней из квартиры.

— Хорошо. Но будь осторожна.

— Так что, будем говорить про работу или не будем?

Прямо под носом у Жюли откуда-то возникает большой букет цветов. Благоухающие красные розы. Она с улыбкой оборачивается. Перед ней стоит Люк. На нем строгий костюм отличного покроя, галстук в тонкую синюю полоску и рубашка с золотыми пуговицами. Жюли вдыхает аромат роз.

— Какая красота. Спасибо большое. Но... Почему их восемь?

— Это число для меня особенное.

Он ничего не добавляет. Жюли кладет цветы на край стола.

— Что же касается вашего вопроса, по-моему, разговор о работе испортил бы нам вечер.

Жюли нравится, как он смотрит на нее, усаживаясь напротив. Без халата он кажется совершенно другим человеком. Незнакомец из тех, с кем можно встретиться на шикарных вечеринках, кто уведет тебя в отдельную комнату, чтобы поговорить о живописи или литературе.

— Простите, что немного опоздал. Бре-Дюн — это еще дальше, чем Бетюн.

Они обмениваются какими-то банальностями, естественными для двух людей, которые еще не нашли точек соприкосновения. Люк заказывает аперитив.

— Вы будете просто газировку? — удивляется Жюли.

— Нет в мире совершенства. Я уже много лет не пью спиртного.

— У меня тоже был период, когда я пила всякую ерунду. Правда, это было не так уж давно...

Она ждет, что он заинтересуется, попросит ее продолжать, но он спрашивает, как ей нравится ресторан, что она думает о Лилле, рассказывает о других ресторанах, где тоже можно вкусно поесть. Поверхностный разговор. Жюли чувствует себя все более неловко. Можно подумать, что Люк надел на свои мысли смиренную рубашку, что он скрывает свои переживания. Жюли делает глубокий вдох.

— Уж и не знаю, насколько хороша была эта идея со свиданием. Послушайте, Люк, вы женаты, и...

— Моя жена умерла четыре года назад.

Слова обрушились внезапно, словно брошенный сверху камень.

— О, простите.

— Вам не за что извиняться.

Мучительное молчание. Люк прокашливается, потом Жюли уходит в дамскую комнату. Они сидят за одним столом, но они не вместе. К счастью, приносят бокалы. Люк берет свою газировку, они чокаются.

— Жюли, я боюсь показаться неловким, но мне хотелось бы кое о чем вас попросить.

Она смотрит на него, потягивая мартини, потом медленно кивает.

— Никогда не задавайте мне вопросов о моей семье, хорошо? О чем угодно, но не о семье. Все это в прошлом и похоронено.

Ощущение, словно их обоих накрыл свинцовый колпак. Жюли улыбается, но губы онемели, и она бессмысленно гоняет соломинкой оливку по бокалу.

— Наверное, не совсем похоронено, если вы не хотите говорить об этом. Может быть, лучше будет поболтать о работе.

Люк одним глотком допивает свою газированную воду. Ему так хочется обнять эту маленькую женщину, прижать ее к себе, но ничего не получается. Очень трудно. В глубине души он понимает, что она права. Что ему нечем поделиться с ней, кроме описания своей работы в клинике, своих пациентов. Дело в том, что уже много лет его жизнь ограничивается несколькими квадратными метрами кабинета.

Теперь они снова обмениваются банальностями. На первое место выходят больница, нищета. Такое впечатление, что двое ожесточившихся коллег не успевают наговориться друг с другом за день. Жюли старается выглядеть довольной, но не перестает задавать себе вопросы. Этот человек много страдал, с него заживо содрали кожу и облили кислотой. Совершенно очевидно, что он относится к людям, сломленным личной драмой.

Приносят вкусную еду. Люк наполняет бокалы. Себе — воду, ей — вино. Под действием спиртного Жюли позволяет себе расслабиться, ей бы хотелось, чтобы Люк последовал за ней, чтобы все барьеры наконец рухнули.

— Люк, у вас какой-то отсутствующий взгляд... Что-то не в порядке?

— Простите. Я...

Он встряхивает головой и продолжает:

— Дело в том, что я думаю об одной больной. Обычно в это время я нахожусь с ней — то есть прослушиваю записи наших с ней разговоров.

Жюли тихонько вздыхает. Она притворяется, будто ей интересны его рассказы, но на самом деле меньше всего на свете она хотела бы говорить об этом в таком месте.

— О больной?

— Да. Молодая женщина, ей двадцать пять. Я наблюдаю ее уже год у себя в Бре-Дюн. Очень сложный случай...

Тяжелый голос, медленная речь. Жюли чувствует, что он отвлекается. Он не знает, как спасти это свидание от верного фиаско.

— А вы еще и частный психиатр?

— Этой практикой занимался мой отец. И я тоже — по понедельникам, иногда по субботам. Но я собираюсь бросить это дело. Закончу с последними больными и целиком посвящу себя клинике.

— Почему? Никогда не слышала, чтобы кто-то отказывался от частной практики ради работы в больнице. Не самое лучшее место.

— Мне там хорошо.

— Потому что там вы постоянно прячетесь за своим халатом, даже когда идете обедать? Что случилось с настоящим Люком Грэхемом? С тем, который сидит сейчас передо мной?

Он неуверенно улыбается. На сердце у него совсем не весело.

— Кто меня спрашивает — сотрудница социальной службы?

— А мне отвечает психиатр? Расскажите про вашу больную... Про ту молодую женщину, которая ухитрилась вклиниться между вами и мной в этом дивном месте. Наверное, она очень много значит для вас.

— Да, много...

Люк машинально обводит пальцем край бокала.

— Я двадцать лет занимаюсь этой профессией, я стараюсь разобраться в психиатрии. И тут появляется эта больная, и на первом же сеансе у меня вырываются слова, которые с точностью передают то, что я пытался найти всю жизнь.

— Люк, вы меня интригуете.

— Вы помните «Маппет-шоу»? Была такая детская передача в восьмидесятых.

— Ну конечно... Я тогда была девчонкой-подростком.

— Там был лягушонок Кермит, так он все время повторял: «Не так-то просто быть зеленым». Вот эта фраза совершенно естественным образом всплыла у меня в памяти, когда я пообщался с моей пациенткой. Лягушка зеленая, а она больная — и она ничего с этим поделать не может.

Он сжимает бокал, вцепляется в него, как в спасательный круг. Жюли хотела бы взять его за руку, но не решается. Люк идет ко дну, как выбившийся из сил пловец.

— Два года назад я столкнулся с деликатной ситуацией. Когда я вижу свою пациентку из Бре-Дюн, я словно бы переживаю тот случай, но на

самом деле они очень разные. Всегда, во всем...

Он резко поворачивается и говорит:

— Надеюсь, что десерт вам тоже понравится. Я до сих пор голоден как волк. А вы?

Жюли улыбается из вежливости. Люк Грэхем снова отклонился от интересующей его темы и положил еще один кирпич в стену, за которой скрыта его личная жизнь.

Время проходит впустую, бессмысленно. Разговор двух глухих за изысканной трапезой, которая в данных обстоятельствах полностью утрачивает вкус. Час спустя они стоят перед парковкой у театра «Севастополь» и прощаются. Стало холодно. Люк поднял воротник плаща, в руке у него зонт, он смотрит в небо. Потом опускает глаза на лицо Жюли, которая нервно ищет в сумочке ключи от машины. Психиатр хватается за запястье:

— Может быть, есть другое решение.

— Решение чего?

Он осторожно наклоняется к губам Жюли и целует ее. Потом немного отстраняется.

— Я научился лечить людей, Жюли, я научился докапываться до самой сути самых мрачных эпизодов в их жизни, но как найти способ вылечить себя самого?

Ей не надо отвечать, она прижимается к нему. Она так хотела бы рассказать ему о мрачных эпизодах в своей жизни. Об отце, который выносил с завода детали автомобильных моторов и продавал их на черном рынке. О матери, так рано умершей от рака легких. О своем буйном детстве, о том, как она разрывалась между бунтом и глубоким личностным кризисом. Спасаясь от этих обжигающих воспоминаний, она целует Люка с еще большей страстью. Он обхватывает руками ее голову, закрывает глаза, но и через опущенные веки он видит танцующую Анну в красивом вечернем платье. Она кружится, кружится, кружится в ритме вальса, и он сходит от этого с ума.

И, в то время как Жюли вся растворяется в поцелуе, Люк внезапно отодвигается:

— Жюли, простите, что я...

— Мне понравилось.

Люк чувствует себя неловко, он подносит руку ко лбу и начинает пятиться:

— Этот ресторан, этот вечер, мне не следовало...

Жюли хотелось бы привести его в чувство, но у нее нет сил бороться.

Люк отходит еще дальше, еще глубже в тень.

— Я не хочу причинить вам боль.

— Я не хочу страдать.

— Я... простите меня.

Он поворачивается и убегает. Стены, облака пляшут вокруг него в диком хороводе. Он прячется в своей машине. Весь дрожа, расстегивает манжет на левой руке. Он задыхается, у него болит сердце. Сжав зубы, смотрит на три розовых шрама на запястье. Потом, на грани слез, ударяет обоими кулаками по рулю.

И тут раздается звонок его мобильного. Люк вздрагивает.

Конечно, это Жюли. Он колеблется, делает глубокий вдох. Одно слово, еще одно ее слово, и он вернется в ее объятия. И пусть она увидит его шрамы, пусть все его прошлое выплеснется на нее. Эти раны — неотъемлемая часть его самого, часть его сути. Они — то, чем он был.

Он нажимает кнопку.

— Доктор Грэхем?

— Алиса? Что случилось?

Она плачет.

— Вы должны помочь мне, доктор, пожалуйста.

В ее голосе Люку Грэхему слышится тревога, ей срочно нужна помощь. На ветровое стекло падают первые капли дождя.

— Я сейчас же приеду! Где вы?

— У отца.

Автомобиль Люка сворачивает с автострады и едет по окраинам Арраса. Кассета номер двадцать три.

— *Расскажите мне о поездке в Перу, Алиса.*

— *Мне тогда исполнилось двенадцать лет. Папа хотел сделать мне хороший подарок.*

— *Странный подарок для ребенка, которого никогда никуда не отпускали.*

— *Ну, такой вот у меня отец, он все время разный. У него всегда были странные реакции. Например, он мог спать в яме, вырытой в сарае. Или вдруг начинал плакать без всякой причины. Иногда он за несколько секунд переходил от злости к полной эйфории. Иногда укладывался рядом с радиоприемником, крутил ручку настройки и при этом не выпускал из рук прядь каких-то волос. И так — целыми часами.*

— *Ну а Перу?*

— *Мы уехали туда на двадцать дней. В Куско, мы вдвоем с папой. Мама, конечно, поехать не могла, она оставалась в Берке. Это были единственные каникулы, которые я провела с папой.*

— *И как? Как там было, в Перу?*

— *Сначала все было просто гениально. Мы видели много памятников инков, ели вместе с местными жителями, жили у кого-то из них... Были потрясающие моменты, когда мы полностью разделяли эмоции друг друга. Отец очень много знал об этой стране, о ее обычаях, о народе, он даже знал деревушки, которых не было на карте. Например, Ккатка — это в горах, в трех часах езды от Куско. Никогда в жизни я не видела места, которое было бы так отделено от внешнего мира. На площади — один телефон на всех, три или четыре улицы, один телевизор, одна станция местного радио, почты нет, автобус приезжает три раза в неделю, и диспансер, обслуживающий деревни в радиусе до ста километров.*

Следуя указаниям своего навигатора, Люк сворачивает на грунтовую дорогу. Внизу на склоне, вдалеке от шоссе — уединенная ферма, окруженная холмами и деревьями, а дальше, до горизонта — английские, канадские, польские военные кладбища. Перед ним простираются бесконечные ряды немецких могил, из травы поднимаются темные

деревянные кресты. Какая мрачная картина! Полная луна ярко освещает старую фламандскую ферму: деревянный дом с черепичной крышей, квадратный двор, посыпанный белым гравием, на переднем плане — коровник, в глубине — сарай.

— А зачем вы поехали в деревню, изолированную от мира?

— Не знаю. Думаю, что отцу нравилось бывать в неисхоженных местах.

— А ваш отец уже бывал там раньше? Например, в качестве корреспондента?

— Нет... Все время говорил, что впервые в жизни едет в Перу. Что всегда мечтал побывать в этой стране.

— Вы сказали: «Сначала все было просто гениально». А потом? Что случилось?

— Однажды ночью, когда мы ночевали в крестьянском доме в Ккатка, у меня страшно разболелся живот. И в деревенском диспансере мне сделали срочную операцию — удалили аппендикс.

— И в этой богом забытой деревне была возможность провести операцию?

— Да-да. У них была операционная и три врача. В этом диспансере каждый день лечилось очень много больных. Там было не так, как здесь.

— И что же, Алиса?

— Я ненавижу этот шрам. Не знаю почему. Наверное, потому, что он испортил единственные настоящие каникулы, которые были у меня в жизни.

Люк выходит из машины и аккуратно прикрывает дверцу. Ботинки вязнут в мокрой земле, луна ненадолго выглядывает из-за туч, этого достаточно, чтобы осветить его лицо. Несмотря на неумолчное мычание коров, деревня кажется вымершей. Рядом с коровником стоит машина Алисы.

Он стучит в дверь:

— Алиса?

Ответа нет. Он возвращается к машине, открывает багажник и берет оттуда фонарик. Ветер то распахивает, то захлопывает дверь сарая. Это тот самый сарай, основное место действия повторяющихся кошмаров Алисы. Капли дождя падают Люку на голову, когда он идет в глубь сада. Он уже собирается войти в темное строение, но тут его внимание привлекает кое-что другое.

Могила Доротеи...

Она в углу сада, под елями, всего в нескольких метрах от могилы Дона Диего.

Люк подходит поближе. Могила вскрыта. Она пуста...

Психиатру кажется, что сердце вот-вот выскочит у него из груди. Алиса сама узнала правду.

Он присаживается на корточки перед кучей земли. На земле валяются мраморный крест и лопата. На кресте две даты: «29 сентября 1982 — 29 сентября 1997». Вокруг разбросаны увядшие цветы, гипсовые ангелочки, грязные цветочные горшки. Да, Клод Дехане неплохо поработал.

Внезапно по телу Люка пробегает дрожь. Ветер дует в затылок, завывает под крышей сарая. Мычание коров становится все громче, словно кто-то в тумане дует в страшные трубы. Он встает, ежась от холода, и осторожно кладет все предметы обратно на землю. Его движения замедленны, ему так жалко Алису. Он собирался все рассказать ей в ближайшие дни. Показать ей видеозаписи, фотографии, сказать все нужные слова, чтобы подготовить и успокоить ее. Тут надо было действовать постепенно. Уж точно не лопатой.

Дверь сарая по-прежнему скрипит, Люк поворачивает голову на звук. Потом, встревоженный, подходит поближе. Где его пациентка?

— Алиса?

Никто не отвечает. Дождь усиливается. Люк смотрит на небо и входит в сарай. В клетках пищат мыши. В углу сложены номерные знаки автомобилей, мешки с известкой и кипы научных журналов вперемешку с видеокассетами.

Люк встает над ямой в полу, в которой, по словам Алисы, часто прятался Клод. Импровизированная постель с соломенной подстилкой, несколько одеял, старый радиоприемник. Солому недавно сменили.

Из чистого любопытства он нагибается над ямой, поднимает одеяло и видит большой пластиковый конверт. Быстро просматривает лежащие в нем листы бумаги. Знаменитые репортажи Клода Дехане...

Бывший корреспондент всегда занимался важными проблемами — войнами, государственными переворотами, нищетой. Люк по сей день задается вопросом, только ли ливанские события сокрушили этого человека или же его психическое равновесие пошатнулось еще в детстве. Отец умер от силикоза в 1961 году, мать погибла при взрыве на складе ламп в 1963-м. Мальчик, в двенадцать лет оставшийся сиротой, умел читать, писать и отличался незаурядным умом. Это, безусловно, спасло его от нищеты, но не уберегло от психических отклонений, развивавшихся постепенно и

приведших к разрушению личности.

Люк кладет документы на место и поворачивается, чтобы уйти. Внезапно в луче света он видит две мощные перекрещенные балки. Те самые, из кошмаров Алисы.

Крест в сарае.

В ее снах Клод Дехане парил как раз под этими балками, а Алиса была привязана к каменной стене. Люк подходит к старым деревянным стенам, прикасается к ним пальцами. Ничего необычного. Ни винтов, ни дыр, ни каких-либо следов наручников.

Люк снова смотрит на перекрещенные балки. Если Клод парил под ними, то, может быть...

Он медленно направляет луч фонаря к потолку и вдруг замечает аквариум, стоящий на поперечной балке. На высоте нескольких метров над землей.

Алиса боится высоты... Она никогда не осмелилась бы забраться туда, и Клод Дехане знает это.

Люк быстро приставляет лестницу к перекрещенным балкам и поднимается к аквариуму. Лоб взмокает, пот течет по спине. Стекла аквариума черны от пыли. Люк с отвращением сует пальцы под толстый слой старой засаленной ваты. Что-то скрипит под пальцами. Пластик. Он вынимает конверт. Прищурившись, изучает его содержимое и понимает, что там лежат листы, исписанные от руки. Дата, заголовок... Еще один репортаж.

Он спрыгивает с лестницы и освещает конверт фонариком. Достает оттуда листки.

Статья называется «Крестный путь перуанских индейцев».

Он начинает читать, и у него перехватывает горло. Он обнаруживает то, в чем невозможно признаться. Это хуже, в десять раз хуже того, что он мог себе представить.

Люк с отвращением перелистывает страницы, продолжая читать.

О господи...

Внезапно ему кажется, что ветер доносит издали какое-то глухое ворчание. Похоже... на шум мотора.

Охваченный ужасом, он снова поднимается к аквариуму, кидает туда статью. Времени на то, чтобы все привести в порядок, уже нет. Он спрыгивает с лестницы, бросает ее в угол и выходит из сарая.

В конце дороги, метрах в трехстах-четырехстах от фермы, останавливается машина с включенными фарами.

Завывает ветер. Люк поднимает воротник и бросается к дому. Он

пытается толкнуть дверь, она не заперта. Он входит.

— Алиса? Это Люк Грэхем, ваш врач. Вы должны немедленно выйти ко мне.

И тут он слышит, что на втором этаже кто-то тихо смеется. Это смех ребенка.

Он снова выходит на улицу. Автомобиль так и стоит на месте. Может быть, просто какие-то юнцы вздумали пошалить? Он решает вернуться.

Свет во всем доме потушен. Он поднимается по лестнице — десятая ступенька издает протяжный скрип — и поворачивает налево. Просторный второй этаж. Три большие комнаты — две детские и бывшая родительская спальня. Бывшая, потому что сейчас для удобства Бландины Дехане оборудован весь первый этаж дома. Ванная комната, спальня, широкие коридоры. Люк убежден, что Клод Дехане, при всей его злобности, всегда любил свою жену.

Врач останавливается перед закрытой дверью. Смех раздается из-за нее. Он сжимает губы, осторожно входит и зажигает свет. Комната хорошо знакома ему по рассказам Алисы: на стенах развешаны рисунки, кладбище с перевернутыми крестами. *Внутренний мирок Алисы*. Судя по этим рисункам, психиатров следовало бы свозить сюда автобусами.

Из-под кровати доносится хихиканье. Люк наклоняется. Алиса играет с пластилиновыми человечками. Она улыбается ему, он улыбается в ответ и манит ее к себе.

— Пойдешь ко мне? Ну же, скорее.

Алиса трясет головой:

— Там еще дождик. Я останусь тут с Аленом и Джереми. Нам вдвоем так весело, ты же знаешь?

— Давай пойдем. Пожалуйста. Надо уйти отсюда.

Алиса цепляется за решетку кровати, пластилин выскальзывает у нее из рук. Очки съехали на кончик носа, волосы падают на лицо.

— Нет! Нет, нет, нет!

Люк выпрямляется, сдвигает в сторону матрас, приподнимает кровать и переставляет ее назад. Девушка прижимает к груди пластилиновые фигурки.

— Нет! *Папуля* меня накажет, ему не нравится, когда я выхожу из комнаты без разрешения.

— Прошу тебя, нам надо сотрудничать. Это я, Люк Грэхем. Ты меня узнала? Мы ведь уже разговаривали.

Люк на мгновение отводит глаза. Потом бросается к окну. Автомобиль тронулся с места. Свет фар приближается.

Внезапно хлопает дверь. Он поворачивается. Алиса исчезла. Она уже мчится вниз по лестнице. Люк бежит за ней. Задыхаясь, молодая женщина выбегает под дождь. Она бросается к сараю, сворачивает, неловко поскальзывается за кучей сена. Люк пытается догнать ее. Только теперь он замечает, что за его машиной стоит большой фургон. Он не успевает среагировать и вдруг получает удар по носу чем-то железным.

Люк с воплем падает на землю.

Фред, не выпуская из рук лопату, бросается к сараю. С черно-белой банданы, кожаных перчаток, одежды льется вода. От каждого вздоха из рта вырывается облачко пара. Он сразу же находит Алису — она съежилась и закрыла глаза руками, ей кажется, что она спряталась за кучкой соломы, но та слишком мала.

— Иди за мной!

Алиса недоверчиво смотрит на него.

— Нет! Я останусь тут! А ты кто такой?

Фред наклоняет голову. Она говорит тонким голоском, в нос, этот голос... как у ребенка. Времени на вопросы не остается. Он хватает Алису за руку и тащит к своему фургону. Девушка протестует, упирается, вырывается, пытается укунить его.

— Оставь меня здесь! *Папуля* тебя нашлапает по попе! Или заставит тебя чистить картошку, пока руки волдырями не покроются!

Фред заталкивает ее в кабину. С трудом переводя дыхание, молодой человек дает задний ход и исчезает в брызгах грязи.

Возвращение в Бре-Дюн дается с трудом. Люк, как может, затыкает нос бумажными платками, и через полчаса ему удается остановить кровотечение. Слава богу, нос вроде бы не сломан, но по левой стороне лица расплывается уже начинающий чернеть кровоподтек.

Что это за человек, явно хорошо знакомый Алисе? Ее ухажер? Почему она никогда о нем не говорила?

Люк думает об Алисе, спрятавшейся под кроватью. Этот тонкий голосок, этот страх...

Алиса была не Алисой.

Это был Николя. Восемилетний мальчик.

Он зажигает сигарету, нос по-прежнему заткнут клочками бумажных платков. Он вспоминает, как на одном из сеансов он впервые столкнулся с этим Николя... почти случайно. Дело было в его кабинете, тоже вечером, во время грозы. Как только начался дождь, перед ним предстало хрупкое существо, спрятанное глубоко в подсознании его пациентки. Николя... Каждый раз, когда Алиса проваливалась в свою черную дыру, вместо нее появлялся Николя. Каждый раз, когда с Алисой должно было случиться что-то плохое, появлялся Николя. Чтобы защитить ее... Настоящее раздвоение личности.

Люк ищет в бардачке кассету, вставляет ее в магнитолау. Он хочет вспомнить.

Голос Алисы...

- Алиса, расскажите мне, что случилось в тот день в сарае.
- Папа был рядом со мной, он крепко держал меня за руку.
- Сколько вам было лет?
- Восемь. Я боялась. Балки скрипели от ветра, там было много паутины. Папа обещал, что я смогу покататься на велосипеде.
- А вы раньше не катались?
- Нет, никогда... Папа боялся, что я могу пораниться.
- Продолжайте...
- Я услышала, как лает моя собака. В сарае было довольно темно. Я позвала: «Дон Диего!» — и он мне ответил. Он был где-то там, в темноте... Папа встал передо мной на колени. Он мне сказал, что я умница, задавал мне какие-то вопросы, я отвечала правильно. Тогда он

сказал, что мне можно будет покататься на велосипеде... Но перед этим я... я должна сказать, не нарушила ли я его запрет и не играла ли в салочки на переменке...

— А вы играли?

— Нет...

— Продолжайте...

— Он сказал, чтобы я поклялась на распятии. Я поклялась. Он сказал, что если я соврала, то буду гореть в аду. Потом папа встал. Я прекрасно помню его глаза. Мне было страшно от его взгляда... Папа сказал, что разочаровался во мне. Он взял меня за руку и повел меня за развешанные тряпки.

— И что там было, за этими тряпками?

— Там лежали квадратом четыре деревяшки, а между ними в клетке сидел Дон Диего. Прямо над ним висела еще одна деревяшка, из нее торчали гвозди. И была веревка, которая проходила через целую систему блоков и заканчивалась на заднем колесе велосипеда. Такого велосипеда я в жизни не видела — это был какой-то тренажер. Папа сказал, чтобы я на него села. Я забралась на седло, поставила ноги на педали, взялась за руль. Мне был хорошо виден Дон Диего. Он просунул свой слюнявый язык через решетку..

— И наверное, вы стали крутить педали.

— Я не понимала. Я была такая слабенькая, папа мне никогда не разрешал делать никаких усилий. И тут он сказал, чтобы я не волновалась. А я, ну да, я стала крутить педали. Папа снял какую-то железную штуку, которая блокировала колесо. И деревяшка с гвоздями закачалась. И...

— И?

— И он объяснил мне, что, пока я буду крутить педали, эта деревяшка будет медленно подниматься. Но, как только я остановлюсь, она опустится, потому что веревка была так привязана к заднему колесу. И она будет опускаться до тех пор... Он сделал отметку... Когда деревяшка опустится до этой отметки, то...

— Алиса? Алиса?

— Папуля. Я хочу к папуле...

Люк гасит сигарету в пепельнице. В разгар сеанса голос Алисы резко изменился, совершенно внезапно стал тонким. За окнами шел дождь, а на месте Алисы внезапно очутился Николя.

Гораздо позже во время сеанса Николя рассказал своими словами, чем закончился эпизод в сарае. Алиса этого совершенно не помнила.

Люк быстро находит нужную кассету в бардачке.

— ...Папуля смотрел на меня. Я плакал и крутил педали. Это плохо, что он заставил меня это делать. У меня болело сердце, болели ноги. И Дон смотрел на меня. Я все крутил, крутил, крутил. Я крутил педали стоя... Мне было так жарко... Папуля спросил, играл ли я в салочки на перемене. Я уже не мог говорить, не мог дышать. Дон лаял как ненормальный... Я стал кричать, я сказал папуле, что играл с другими ребятами. Папуля велел мне повторить. Я крикнул еще громче: «Я играл в салочки!» Я упал, мне было больно. Я уже ничего не видел. Папуля отвязал Дона. Дон подошел ко мне, стал лизать мне лицо... А потом папуля обнял меня. Папуля плакал, он тоже плакал.

Люк резко тормозит и останавливается, не снимая руки с руля. Он видит кролика, сидящего прямо посередине узкой дорожки, он неподвижен, в свете фар его глаза горят как рубины. Люк включает мотор, но зверек не двигается с места, можно подумать, что его парализовало от страха. Будучи хорошим психиатром, Люк понимает, что речь не идет ни о гипнотическом воздействии яркого света, ни о парализующей силе страха. Наоборот, этот кролик уже ничего не боится. Его не напугают ни хищные птицы, ни лисы, ни ружья, ни танки. В его мозгу словно открылся какой-то краник, и молекулы ГАМК,^[6] нейромедиатора, регулирующего стресс, полились мощной струей. Наверняка в этого бедного зверька уже не раз стреляли, и он так часто смотрел смерти в лицо, что этот краник больше просто не закрывается. И сегодня кролик стал жертвой кататонии.

Этот кролик ничем не отличается от больного из палаты А11.

Что же пришлось вынести этому человеку, прежде чем он дошел до такого состояния?

И тут же мысли Люка возвращаются к Жюли. Алиса, Жюли, кататоник... Все смешалось, и это его мучит.

Он выходит, берет кролика, ласково гладит его по спинке и относит на обочину, в высокую траву. Зверек цел и невредим, но надолго ли? С помощью ривотрила больной тоже имеет шанс на время прийти в норму. Лекарства спасают стольких людей. На время.

Наконец вдали появляются переливающиеся нежными цветами дюны. Пейзаж, сопровождающий его на протяжении всей жизни, колыбель его детей, уютное гнездышко, свитое его женой. Мертвые, ужасные декорации, причиняющие боль. Сейчас эти кучи песка кажутся огромными могилами, мрачными пирамидами.

И все же, несмотря на постоянную боль, Люк так никуда и не переехал. Точно так же, как Клод Дехане не избавился от своих репортажей.

Прошлое остается неизменным и продолжает притягивать к себе, словно магнит.

Измученный психиатр возвращается домой, голова у него раскалывается. Он включает свет, вешает пальто на вешалку и внезапно замирает. Кто-то приставил пистолет к его виску.

— Главное, доктор Люк Грэхем, не двигайтесь.

Голос звучит сдавленно, это почти шепот. Люка отталкивают в сторону. От удара ногой в бок он сгибается пополам. Теперь он лежит на полу, корчась от боли.

— Кто... Кто вы такой?

Он ничего не видит. Незнакомый погасил свет и направил луч фонаря прямо ему в глаза.

— Кто я такой — это неважно. А вот вы, Грэхем, — кусок дерьма. Жалкий докторишка, отчаявшийся, все потерявший, никому не нужный алкоголик, думающий о самоубийстве, лечите депрессивных идиотов. Не следовало вам лезть туда, куда вас не просят, тянуться к тому, что вам не по зубам. А вы все-таки влезли.

— Я... Я не понимаю...

Рукоятка пистолета прижимается к его виску.

— Ах, как хочется надавить посильнее, вы представить себе не можете. Сукин сын.

Люк шумно дышит. Кровь стучит в висках.

— Как по-вашему, с кем вы имеете дело? С кем-то, кто ничего о вас не знает? Я знаю, что вы сделали, я знаю ваши страшные тайны.

— Вы... Вы ошиблись, я не тот, кто вам нужен.

— А как насчет аварии с вашей семьей в две тысячи третьем?

Люк не может произнести ни слова, не может пошевелиться. Незнакомый продолжает:

— Вы ведь тоже оказались на краю пропасти, но это была психическая пропасть.

Дуло пистолета прижимается к его левому запястью.

— И вы прыгнули.

— Хватит! Хватит!

— Я знаю все, чтобы потопить вас. В частности, одно имя. Жюстина Дюмец.

Люк потрясен этими разоблачениями, прошлое снова встает перед

ним. Он пытается подняться, но пистолет не дает ему пошевелиться. Он прищуривается, и ему удается разглядеть, что посетитель одет во все черное, с капюшоном на голове. Сердце Люка словно зажали в тиски. В прошлом ему уже приходилось видеть этот капюшон. Он преследует его в самых страшных снах.

— Чего... Чего вы хотите?

— Прежде всего, оставьте в покое Алису Дехане. Вы не будете ее лечить. Вы оставите ей ее воспоминания. В следующий раз я не буду так снисходителен.

— Но... При чем тут Алиса? Какое она имеет к этому отношение?

Пистолет со страшной силой обрушивается ему на голову.

— За кого вы меня принимаете?

Люк стонет, с трудом поднимает голову.

— Я ничего не понимаю!

— И не пытайтесь понять, вот и все.

— Я не могу отказаться от пациентки! Никогда в жизни!

Вздых.

— Вообще-то, несмотря ни на что, Грэхем, я вас уважаю, вам это известно? Мозгоправы знают, как ранить людей, знают лучше других, от них куда больше толку, чем от пыток. Слова имеют такую власть, а в мозгах у людей столько всяких извращений, и все это только и ждет, как бы вырваться наружу и расцвести пышным цветом. Вам, наверное, много чего довелось услышать, а, Грэхем? Сколько женщин рассказывали вам, как их в детстве трахали родные отцы? А вы-то своего не упустите, а? Вы их тоже имеете? А уж Алиса Дехане вам много порассказала, я думаю?

— Вы ненормальный.

Луч фонаря начинает метаться.

— А красотка Доротея? Как она поживает?

Люк трет висок, потом смотрит на кровь на кончиках пальцев.

— Вы знаете Доротею?

— Конечно. Я все про вас знаю. Про ваших больных, про ваши недостатки, про ваши достоинства... Бедный папа умер на теннисном корте, мама киснет в доме престарелых, и так далее. — Луч фонаря светит то в один глаз, то в другой. — Алиса не поправится. Выкиньте ее, как мусор. Послушайте, Грэхем, или вы сдохнете. Если придется, я займусь хорошенькой бабенкой, с которой вы сегодня ужинали в ресторане. Как там ее зовут? Жюли Рокваль?

— Она тут ни при чем, оставьте ее в покое!

— Отлично, мы друг друга поняли. Есть еще кое-что. Этот тип,

которого вы поместили в свою клинику...

Люк подносит руку ко лбу:

— Диск с записями из центра, фотографии, бланк госпитализации. Это были вы.

— Когда вы меня от него избавите?

Люк делает глубокий вдох.

— Господи боже мой, о чем вы?

— Вы прекрасно меня слышали.

— Я... Я не могу сделать ничего такого. Он в больнице, он не скоро выйдет оттуда, и...

— Значит, убейте его в больнице. Судя по всему, она не так уж хорошо охраняется. Даю вам два дня, чтобы найти способ. До послезавтра вечером.

— Вы... Вы больны... То, что вы сделали, переходит все мыслимые границы.

— Может быть. И может быть, если бы в мире было побольше таких, как я, мир стал бы лучше. Ну, так мы договорились по поводу этого человечка?

Люк не отвечает, но его молчание красноречивее слов.

— Великолепно. А теперь... Надо сжечь все материалы по Дехане. Записи, ваши бумаги, все.

— Прошу вас, я...

— Если мне придется повторять вам еще раз, это может плохо кончиться.

Люк встает, совершенно разбитый, и идет в столовую. Там он открывает шкаф и достает оттуда небольшую коробку.

— Все здесь. Кассеты, мои записи, рисунки Алисы.

— Вы уверены, что это все? А в кабинете у себя вы ничего не прячете?

— А что еще я могу там прятать?

— Не валяйте дурака, а пойдите-ка лучше и принесите мне все кассеты из автомобиля.

— Нет... Не...

— Идите!

Люк в отчаянии подчиняется.

Незнакомец кивает головой:

— Хорошо, хорошо. В огонь...

Люк открывает топку и бросает туда коробку, кассеты. Один из самых трудных поступков за всю его жизнь. Пляшущие языки пламени жадно пожирают свою добычу. Проходит не больше пяти минут, и все превращается в пепел. Все слова Алисы, самая суть терапии... Люк

застывает, глядя, как испаряются результаты его работы. Алиса... Ее изломанная память, ее травмы... Все улетело.

Голос принимается за свое:

— Теперь — жесткий диск из вашего компьютера.

— Там нет ничего, что...

— Значит, вам не жалко будет мне его отдать. Давайте!

Люк послушно идет к кабинету. Открывает корпус системного блока, вырывает провода. Неизвестный сует жесткий диск в карман.

— Ладно, Грэхем, извините, но мне пора. Убейте кататоника, оставьте в покое Алису, и больше вы никогда обо мне не услышите. Ваше прошлое останется позади, и вы счастливо доживете до старости. В противном случае вас ждет ад.

Фонарь гаснет. В темноте Люк чувствует, как что-то ударяется о его грудь.

— Вот, держите, можете добавить к своей коллекции.

Еще какое-то движение и хлопок входной двери.

Люк, шатаясь, встает. Опирается ладонями о стену. Весь дом дрожит и, кажется, вот-вот обрушится вместе с миром, со всем его миром, который уже рухнул.

Он разражается слезами.

Потом с трудом зажигает свет. Напавший на него человек швырнул ему вырезку из газеты с черно-белым снимком, снятым с той скалы, откуда упала машина его жены.

Глубокая внутренняя рана вновь открылась.

Люк, доведенный до отчаяния, падает и кричит.

Вопль раненого зверя — он никогда не подумал бы, что способен издать такой звук.

Обессиленная Алиса сидит на пассажирском сиденье, поджав колени к груди, и недоверчиво смотрит на Фреда. Волосы прилипли ко лбу, очки забрызганы грязью. Дождь за окнами фургона понемногу стихает.

— И что это все значит? — спрашивает Фред, отрывая на мгновение взгляд от дороги. — Господи, Алиса, что такое с тобой творится?

Поскольку девушка не отвечает, он старается успокоиться и продолжает уже гораздо мягче:

— Я увидел, что ты никак не возвращаешься, и стал волноваться.

Алиса смотрит на него как-то странно:

— Из-за тебя *папуля* опять сломает мои карандаши и накажет меня. Мне нельзя выходить из дома, я поранюсь, а если я поранюсь, я могу умереть.

— Почему?

— Нельзя, нельзя, нельзя.

Тот же тонкий наивный голосок. Алиса почти не разжимает губ, она прижала подбородок к плечу. Фред подносит руку к ее затылку, но она не позволяет ему до себя дотронуться.

— Что случилось с тобой, бедняжка?

Алиса снова плачет, закрывая лицо руками:

— Отвези меня, отвези меня, отвези меня... Я хочу вернуться домой, к *папуле* и *мамуле*. Ты злой.

— Алиса, ты должна мне объяснить. Я не могу оставить тебя в таком состоянии. Кто-то на тебя злится? Что происходит, черт возьми?

Теперь она не смотрит на него, она что-то делает руками, изображает какие-то формы, каких-то зверей. Потом улыбается застенчивой детской улыбкой. Можно подумать, что мира вокруг нее не существует.

Старый фургончик выезжает на автостраду, Фред оплачивает проезд и сворачивает в сторону Кале. Дождь прекратился. Фред выключает дворники.

— Парень, которого я стукнул... Ты его знаешь?

— Это доктор Грэхем. Отвези меня, отвези меня.

Фред хмурится:

— Сколько тебе лет?

Алиса отвечает не задумываясь. Она чешет коленку, как будто хочет скосырнуть корку.

— Восемь.

Фред готов поверить, что он обращается к какому-то другому человеку, с собственными понятиями, с собственной мимикой.

— И как тебя зовут?

— Николя.

— Это неправда...

Их обгоняет универсал с подставкой для велосипедов. Фред замечает, что выражение лица пассажирки изменилось.

— Тебе не нравятся велосипеды? Я уже заметил, когда ты была у меня. Такое впечатление, что ты их боишься.

Алиса показывает язык:

— Я их не боюсь, я их ненавижу. Из-за них пришлось убить Дона Диего. Но ты молчи...

— Почему я должен молчать?

— Молчи... Это все секреты, про это знаем только я и *папуля*.

— А ты не хочешь рассказать мне свои секреты?

Она замолкает, играет со складками промокшей блузки.

— У тебя есть чупа-чупс?

— Что?

— Ну, чупа-чупс, карамелька...

— Э-э-э... Нет.

Алиса корчит злую гримаску:

— Вот поэтому я с тобой и не дружу. И больше я с тобой не разговариваю. Отвези меня обратно.

Фред вздыхает. Он останавливается на заправке, запирает дверцы машины, заливает полный бак, отходит, чтобы заплатить. Алиса вздергивает подбородок, медленно отводит руки от лица. Кажется, что огромная волна заливает ее голову. В кабине так спокойно, что она тоже успокаивается. Она трет глаза, поворачивает голову влево, вправо, вздрагивает, когда открывается дверца. Вначале она резко прижимается к стенке, готовая бежать:

— Фред?

Молодой человек в бандане усаживается на свое место и внимательно смотрит на нее. Ее голос звучит нормально, она держится прямее. Очки немного сползли с носа.

— Ну что, получше?

— Что я тут делаю? Что...

Она смотрит на свои часы — они разбиты.

— Фред, господи...

— Черная дыра?

Алиса кивает:

— Сад на ферме... Я закончила... копать... я...

— Копать? Зачем?

— Надо ехать домой! Я должна увидеть отца, я должна...

Она открывает дверцу, выходит и бросается бежать. Фред ловит ее у зоны отдыха.

— Алиса! И куда ты собираешься дойти таким образом?

— Я тебе уже сказала, я...

Фред крепко держит ее за руки, она отбивается и кричит. Он выпускает ее и отступает на шаг.

— Алиса, я... я не знаю, как тебе помочь.

Алиса ходит взад-вперед, она задыхается.

— Мне надо поехать к отцу. Понять, что происходит.

— Но, если ты помнишь, тебя только что пытались убить какой-то тип!

— Что?

— Черт, ты и это забыла...

Фред смотрит на Алису, как на перепуганного зверька. Измученные беженцы порой прибывали в Кале в состоянии душевного кризиса, и Алиса по всем статьям напоминает их.

— Мужчина, ростом не меньше метра восьмидесяти, волосы немного с сединой, голубые глаза. У него синий внедорожник, если хочешь — я записал номер. Я ему как следует вмазал лопатой по носу.

Фред протягивает ей листок бумаги. Алиса выхватывает его.

— Синий внедорожник? Но... Это же машина доктора Грэхема!

— Кто он такой?

— Доктор Грэхем! Мой психиатр! Он вовсе не пытался убить меня, что ты несешь? Ты его ударил?

Фред корчит гримасу.

— Он гнался за тобой. Что, по-твоему, я должен был делать?

— Надо туда вернуться. Это важно. Поехали!

Фред хватается за голову.

— Но... Ты себя слышишь? Я твержу тебе, что еще несколько минут назад ты делала все, чтобы сбежать!

— Все это ничего не значит. Доктор Грэхем меня давно наблюдает, он хочет мне помочь. Ты стукнул его лопатой! Я... Я должна поговорить с ним, а потом поговорить с отцом. Моя сестра... Моя сестра жива. Ее могила пуста. — Алиса трясет головой. — Это подло, Фред! Заставить меня верить, будто моя сестра умерла. Я уже и не могу представить себе

Доротею живой. Десять лет... Это выше моих сил.

Фред, не оборачиваясь, идет к машине. Растерянная Алиса обгоняет его и становится у него на пути.

— Ты уходишь?

Фред вздыхает, а потом отвечает:

— Пойдем со мной... Мы быстренько заберем твою машину, а потом я отвезу тебя домой. Тебе надо отдохнуть.

Фред забирается в фургон, Алиса садится на пассажирское место, поправляет очки. Ее трясет при мысли о том, что произошло за последние дни. Фред смотрит в зеркальце и трогается с места.

— Думаю, что здорово опоздаю к вечерней раздаче еды.

— Это я виновата.

— Не волнуйся. Завтра будем делать, что ты хочешь, и постараемся разобраться в этой заварушке. Отличить правду от лжи. Алиса, я... я должен тебе кое-что сказать.

— Что?

— Несколько минут назад, прежде чем... ты выбралась из своей черной дыры, ты... Это очень странно, ты вела себя как маленький мальчик. По разговору, по тому, как ты двигалась. Ты говорила «папуля, мамуля», как маленький дурачок. Ты утверждала, что тебе восемь лет. Сказала мне, что тебя зовут Николя.

Алиса не отрывает глаз от дороги. Если бы только она могла убежать, закрыться где-нибудь, остаться одна.

— Бог знает что ты говоришь.

— Думаю, что и вчера, когда ты удрала из фургона, ты как будто стала ребенком, как раньше, с теми же реакциями, теми же страхами, такой же неуклюжей. Вот почему мальчиком по имени Николя — этого я не знаю. Но думаю, что эти черные дыры возникают каждый раз, когда ты превращаешься в этого мальчика. Мальчика, который боится отцовских наказаний, боится всего, что его окружает.

Алиса не видит во всем этом никакого смысла, она всегда так убегала, еще на ферме, и сейчас тоже. Это ведь так просто — убежать, спрятаться под кроватью.

— Я больше не хочу закрывать глаза на правду. На этот раз я хочу дойти до конца. Понять, какую роль во всем этом сыграл мой отец. И точно понять, чем я больна.

— Тут я согласен. Давай ты как следует отдохнешь сегодня ночью, а завтра приедешь ко мне, и мы с тобой вдвоем попытаемся разобраться, как ты можешь жить с этой кашей в голове.

Жюли останавливается на заправке у автострады. Одиннадцать часов ночи, одинокая женщина в вечернем платье заливает полный бак отстойной тачки... Круто. Бывало и получше.

Потом она заезжает на парковку, выходит и, опершись на капот, закуривает сигарету. Хватит уже жвачки. И потом, если уж начинать снова, то лучше сейчас. Достаточно простого жеста, и вот уже вспыхнул огонек, и вот она присоединилась к миллионам курильщиков. Интересно, присоединится ли она и к миллиону французов, поступающих ежегодно в отделения общей психиатрии? Вполне вероятно, если все так пойдет и дальше.

Она с улыбкой смотрит на предостерегающую надпись на пачке сигарет: «Курение убивает». Да, может быть. Но не наверняка, не так, как любовь. Сегодня вечером она снова влипла. Ей доводилось видеть раненых животных, но им было далеко до Люка Грэхема. Он не может отделаться от мыслей о своих больных, прошлое до сих пор кровоточит. Загнанные глубоко внутрь жестокие страдания раздирают его.

Жюли не трогается с места, вокруг никого нет, в голове вертятся все те же вопросы. Судя по всему, ночь предстоит бессонная.

Наконец она решает включить свой мобильный, который вырубил перед приходом Люка. Кто знает, может быть, он ей звонил.

Голосовая почта... Сердце замирает.

Жюли, это Мартен. Мартен Плюмуа... Э-э-э... можешь позвонить, когда хочешь. Я получил результаты анализов с одеяла на твоём больном. Дело довольно странное... Пока...

Она смотрит на часы. Почти полночь. Он сказал «когда хочешь». Она набирает номер и одновременно глубоко-глубоко затягивается в ожидании сенсации. Внезапно она снова начинает чувствовать приятный вкус горячего табачного дыма где-то в горле. Четыре тысячи химических соединений, большая часть которых осела в ее красных кровяных шариках, чтобы навредить организму. Но до чего же хорошо!

Трубку снимают.

— Мартен? Это Жюли. Я не помешала?

Молчание.

— М-м-м... Ах да, Жюли...

— Ты оставил сообщение, что я могу позвонить, когда захочу. Так, значит, у тебя есть результаты насчет этого больного с одеялом?

— Да-да, результаты. Но я сейчас не в лаборатории и...

— Но объяснить-то ты можешь?

— Да-да, конечно. Э-э-э... Прости, я уже засыпал. Да, так вот... кровь на одеяле не соответствует крови того, на ком было это одеяло.

В душе Жюли хвалит себя за старание. Хорошо, что она попросила провести этот анализ.

— Хорошая работа!

— Спасибо. Но у меня есть кое-что поинтереснее.

— Я вся внимание.

— У твоего больного с кататонией нулевая группа, резус положительный — такая кровь примерно у трети населения. Но вот что касается пятен крови на одеяле, тут совсем другое дело...

Жюли чувствует, что он сильно взволнован. Он словно бы взвешивает каждое слово, пытаясь как можно лучше объяснить ситуацию:

— Как бы это сказать? Э-э-э... Если по-простому, то в эритроцитах содержатся две молекулы, А и В, и третья, особенная молекула, фактор Н, возникающий в результате действия гена h. Этот самый ген h имеется у более чем девяноста девяти целых девяноста девяти сотых процента людей. А кровь на одеяле принадлежит человеку, относящемуся к той самой одной сотой процента людей, у которых этого гена нет.

Жюли идет ко входу в магазин. Нет ничего более унылого, чем зрелище придорожного магазинчика глубокой ночью. Она подходит к кофейному автомату и опускает в щель монетку.

— Гениально.

— Такую совершенно необычную кровь называют бомбейской. Ты понимаешь, это редчайшая разновидность крови, она встречается в одном из трехсот тысяч случаев. В данном конкретном случае точнее будет охарактеризовать кровь как принадлежащую к бомбейскому фенотипу, потому что она соответствует группе ОН. Существует также парабомбейская кровь, то есть кровь групп АН, ВН, АВН, ну, это если вкратце... Вообще, тут все дело в наследственности. Какой-то неправильный ген у родителей, не оказывающий в действительности реального влияния ни на здоровье, ни на психику. Просто невидимая генетическая аномалия.

— Так ты хочешь сказать, что нам повезло и что, если хорошенько поискать, мы сможем найти этого человека с бомбейской кровью?

— Конечно, это сильно сужает круг поисков. Как правило, лиц с бомбейской кровью ставят на учет в банке крови, потому что им можно переливать кровь только от таких же «бомбейцев». Они очень плохо реагируют на вливание другой крови. Можно сказать, что в случае ранений и кровотечений им приходится несладко.

— А ты сможешь мне дать распечатку анализа?

— Э-э-э... Завтра. Завтра или послезавтра, тебя устроит?

— Отлично. Держи меня в курсе...

— Постой! Не вешай трубку, я не закончил. А дальше все становится куда интереснее.

— Еще одна хорошая новость?

— Ну, не знаю, насколько хорошая. На одеяле обнаружили не только кровь. Там еще нашли клетки влагалищной ткани и довольно много клеток слизистой оболочки матки.

Сотрудница социальной службы хмурит светлые брови. Она вспоминает, что кровь была очень темной, почти черной, как земля.

— То есть ты хочешь сказать... что это могла быть менструальная кровь?

— Не «могла быть», а это действительно менструальная кровь. Очень старая, ей несколько месяцев, если не лет. Позволь мне обойтись без технических подробностей.

Жюли с трудом переваривает полученную информацию, во всяком случае, ей никак не удастся понять, какую связь она может иметь с больным, подобранным на автобусной остановке. Поскольку молодая женщина молчит, лаборант продолжает:

— Ну вот, думаю, что изложил тебе всю информацию, которую нам удалось собрать с этого одеяла.

— Спасибо, большое тебе спасибо! И позвони мне как можно скорее по поводу распечатки, ладно?

— Хорошо.

Жюли кладет мобильный в карман и давит недокуренную сигарету о каблук.

Она со все большим нетерпением ожидает завтрашнего утра, когда кататоник расскажет много интересного и Люку Грэхему, и ей самой.

Прямо в лицо ударяет яркий свет. Ожог роговицы. Боль, как будто по глазу провели острым когтем.

Александр с опозданием закрывает лицо, страшная боль от ожога не проходит. На него направлено множество мощных ламп, укрепленных на потолке. Он в первый раз может рассмотреть место, где находится. Свою одежду. На нем простой тонкий черный комбинезон, точно по его размеру.

— Не беспокойтесь насчет ваших вещей. Ваша пижама и белье лежат в сухом и чистом месте. Я даже их постирал.

Голос еле слышен, явно приглушен какой-то тканью. Силуэт человека, который наклоняется и что-то бросает на землю. Из-за ламп, направленных прямо в лицо, рост и телосложение рассмотреть невозможно.

— Помидоры, соя, семьдесят граммов картофеля и яблоко. Рацион рассчитан для ваших девяноста килограммов. Двигаться вам много не придется, но вы не разжиреете. Кроме того, я принес вам литр воды с миндальным сиропом и мешок с впитывающими гранулами, чтобы испражняться. Помочиться, как вы уже поняли, сможете там, в глубине.

Александр выпрямляется и бросается к решетке. От холода у него онемели колени, все суставы страшно болят. Горло в огне. За решеткой он смутно различает неровные стены, арки, большие прямоугольные камни. Мучитель стоит против света, разглядеть его нельзя.

— Вы должны выпустить меня из этой крысиной норы. Немедленно.

— Сначала поешьте, картошка еще горячая. Расскажите мне, как вам понравилось.

— Насрать мне на вашу картошку, я не голоден! Выпустите меня, или вам придется пожалеть!

— Очень хорошо. Я вернусь через несколько дней.

Он удаляется, не погасив свет. Несколько дней. Не несколько часов, нет, несколько дней! Потом он все же говорит:

— Поешьте сейчас. Или же я сразу уйду, и вы увидите меня только тогда, когда будете окончательно обезвожены, когда ваше тело превратится в паршивую губку, выжатую досуха.

Александр сдерживает ярость, берет свою миску — прямоугольный пластиковый контейнер, бутылку, приборы. Разумеется, все из картона и

пластика. Он выпивает половину пахнущей миндалем воды, быстро проглатывает овощи и кашу. От картошки идет пар, так приятно ощутить какое-то тепло в желудке. Еда хорошо приправлена, мерзавец умеет готовить.

— Ну надо же, какой аппетит у человека, который говорит, что не голоден. Это нормально после пяти дней заключения.

— Пять дней? Как это...

— Почему вам всем непременно нужно врать?

Кусок картошки встает у Александра поперек горла, он кашляет, из глаз текут слезы.

— Кто... Кто это «все»?

Ответа нет.

— Кто вы такой? И что за женщина тут рядом?

Тень замирает.

— Е. говорила с вами?

Из-за стены доносится полный ужаса голос:

— Нет-нет. Клянусь вам, я не разговаривала. Я ничего не сказала. Ничего. Совсем ничего. Он врет. Этот человек врет, я не говорила. Никогда, никогда.

Дыхание палача становится шумным. Так дышат животные.

— Я займусь Е. в свое время. Теперь ваш десерт.

Голос изменился, стал более жестким, еще более властным.

— Почему вы держите меня здесь? — спрашивает Александр.

— Почему я держу вас здесь? Потому что в вас заключено зло. И я вытащу его.

— Но вы...

— Ешьте!

Александр смиряется, он знает, что сопротивление приведет к наказанию. Е. Эта самая Е. умирает от страха. Он называет ее буквой — тем самым хочет подчеркнуть, что она уже не человек?

Наверное, в этом и состоит смысл обритой головы, комбинезона: его уподобляют предмету. Бесплотному клону, просто форме, запертой в темницу. Букве алфавита.

Он пытается понять, с кем имеет дело: это серийный убийца, психопат, садист? Коллекционер..

Внезапная вспышка. И щелчок фотоаппарата.

— Остановитесь! Зачем вы меня снимаете?

— Мне нравится фотографировать моих пленников.

Новые вспышки. Александр, кипя от злости, садится, тихонько

откусывает яблоко. Оно немного кислое, с жесткой и твердой кожицей, такие яблоки росли в саду у его матери в Грассе. Почему сейчас всплывают эти забытые ощущения?

Сейчас ему следует уладить куда более важные дела. Именно этого от него и ждут.

Его фотографируют. Сексуальный извращенец. Садист. Дегенерат, удерживающий его уже пять дней... Он что, накачал его наркотиками, каким образом он кормил и поил его все это время?

Александр уходит поглубже, метров на восемь от ламп. Левая рука, приложенная козырьком ко лбу, на какое-то время защищает глаза от мучительно яркого света. Он пользуется этим, чтобы осмотреться. Стена в глубине сделана из больших белых камней, несколько черных камней образуют свод. Это похоже на пещеру. Перед ним в стене огромные вырубки. И этот ужасный холод... Боковые стены явно сложены руками человека из старых пористых кирпичей. Он видит вделанные в пол кольца. Высота потолка не менее трех метров. Никаких окон, ни малейшего шанса убежать.

Голос снова обращается к нему:

— Я вижу, вы осматриваете место, где будете жить? Вы находитесь на глубине двенадцати метров, температура здесь одиннадцать градусов и зимой и летом.

Александр кажется, что у него вот-вот лопнут барабанные перепонки. Каждое слово этого ненормального врезается в мозг. На глубине двенадцати метров! Как же его найдут?

— Черные камни среди известняка — это кремень, он залегает на глубине не менее восьми метров и образует изолирующий слой, препятствующий проникновению влаги. Я обтесал вкрапления, встречающиеся на нашем уровне, чтобы вы не поранились. Что касается известняка — это удивительный материал. Благодаря давлению, которому он подвергается на такой глубине, он стал очень прочным, а кроме этого, он представляет собой идеальный звукоизолирующий материал: когда тут работали новозеландцы, никто ничего не слышал. Короче говоря, шум извне вас раздражать не будет.

Александр кажется, что у него начались галлюцинации. На глубине двенадцати метров под землей, одиннадцать градусов, новозеландцы... В какой ад он попал?

— Выпустите меня отсюда, вы, кусок дерьма!

— По поводу свободы существует одна интересная мысль: пока не потеряешь ее, не понимаешь, что она значит.

— Да пошли вы знаете куда?

Шепот:

— А у вас очень красивая жена.

— Что... Что вы сказали?

— Нет, это все же невероятно. С самого начала вы думаете только о себе, о своей жалкой, ничтожной жизни. А вы хоть раз подумали о вашей жене Карине и сыне Тео? Вы ведь думаете, что они дома? Что они, может быть, ищут вас?

— Прекратите!

— А живы ли они? А вдруг вы их уже безвозвратно потеряли? Вы думаете, что сильнее меня, у вас еще появится желание сопротивляться. Но скоро вы поймете, что ничего не можете, и, что бы вы ни делали, ваша психика начнет разрушаться. И тогда наружу выйдут все грехи, вся ложь. Вы на них наплевали. Вы прошли мимо, не замечая их. Но наплевать на меня вам не удастся.

— Вы меня с кем-то путаете! Я...

— Я вас путаю? Хотите посмотреть фотографии?

— Какие фотографии, черт возьми?

Вздых.

— Во всяком случае, не бойтесь, пытаться вас я не буду. Применение силы, физических пыток — это паршивая методика, она ни к чему не приводит.

— Кто вы такой?

Тень не двигается, голос звучит невероятно спокойно:

— Ограничьтесь повиновением. Тогда вы будете меньше мучиться.

Силуэт удаляется, но свет остается включенным. Прижавшийся к решетке пленник выкрикивает оскорбления. Тогда слева, откуда-то из глубины, раздаются жуткие вопли. Вой, словно доносящийся издалека. Два голоса, потом три, все сразу. Другие люди, заточенные в чреве земли.

Далеко слева Александр различает бледные отсветы. Это другие камеры, которые осветили, так же как и его собственную.

— Кто вы? Ответьте! Ответьте! Чего он хочет от нас?

Крики стихают. Тишина. Жуткая тишина. И ледяной воздух, обжигающий каждый квадратный сантиметр кожи.

О боже, сколько же их тут?

Воспаленные глаза Александра с трудом различают конверт, просунутый сквозь прутья решетки. Он осторожно берет его, возвращается к желобу, садится спиной к входу и вскрывает конверт.

В нем лежат письмо и авторучка.

Александр разворачивает бумагу, он не понимает, отчего дрожат его пальцы — от холода или от страха.

Никогда еще ему не доводилось читать такие ужасные вещи. Это не укладывается в голове.

Этот тип — самый страшный из всех безумцев, когда-либо живших на земле.

Александр кидает ручку об стену.

— Я в жизни не подпишу этого, идиот поганый! Пошел ты в задницу!

Среди ночи Люк Грэхем внезапно просыпается в своей запертой спальне.

Он знает. Он знает, где видел больного кататонией.

Зажигая по дороге все лампы, он бросается на второй этаж. От страха, что из-за любой двери может выскочить человек в капюшоне, у него перехватывает дыхание.

Вооружившись крюком, психиатр открывает люк, ведущий на чердак, и тянет за шнур, привязанный к выдвижной лестнице. Она резко вываливается и чуть не разбивает ему голову. Так и не починил. Черт, совсем забыл.

Вооружившись фонарем, Люк карабкается по лестнице, с каждой ступенькой он все больше отдаляется от настоящего и погружается в минувшие годы. Он колеблется, замедляет движения, но не отступает. Под конец он подтягивается на руках и падает на толстый слой стекловаты. Этого небольшого усилия достаточно, чтобы начать задыхаться. Курево, мало упражнений, все вместе. Раньше он три раза в неделю бегал по пляжу.

Раньше...

Под крышей свистит ветер, свет фонаря уместен здесь так же, как в открытом спуска много лет гробу. Судя по всему, скоро пойдет дождь. Люк медленно встает, ноги дрожат, он с трудом удерживает равновесие. Дело не в том, что у него кружится голова... Нет, дело в неустанно преследующих его лицах. И в этом человеке в капюшоне...

Все кажется мертвым. За долгие годы пыль толстым слоем покрыла старую посуду, чемоданы, забитые елочными гирляндами, старыми бесполезными украшениями, которые бережно хранила Анна. Она была как муравей. «Когда-нибудь детям это пригодится...»

Когда-нибудь...

Люк опускает фонарь. Идти по этому чердаку — то же самое, что возвращаться к истокам. Любой может прочесть здесь историю его семьи.

Под ногами то и дело попадают старые бутылки. После трагедии он пил даже тут, на чердаке. Виски, водка — годилось все. В одной бутылке еще осталось немного джина.

Люк с трудом пробирается к коробкам, нагроможденным под двумя толстыми балками. Он смотрит прямо перед собой, избегая поворачиваться влево, потому что там, как он помнит, лежат игрушки. Мешки с куклами,

маскарадными костюмами, машинками, фигурками могучих рейнджеров и суперменов... По мере того как он продвигается, головы кукол поворачиваются в его сторону, открываются пластмассовые глаза, пальцы тычут в него, изо ртов вырывается крик. Люк начинает задыхаться и пригибается. Время остановилось, ему остается только страдать.

Когда к Люку возвращается способность видеть свет, когда он снова оказывается в коридоре второго этажа, он с трудом может понять, сколько времени провел наверху, но стрелки часов явно сдвинулись с места. Час ночи.

С помощью крюка он убирает лестницу, дверца захлопывается с сухим щелчком.

Люк держит в руках тяжелую картонную коробку, еще четыре коробки стоят у его ног.

Источник его наваждений, его кошмаров. Газеты, полные сообщений о дорожных авариях.

Он спускается в гостиную.

Впервые за четыре года он выпивает стакан джина и делает это так поспешно, что жидкость течет по подбородку. Ему необходим этот запал — иначе он не сможет изучать содержимое коробок.

Он открывает наугад: 2005 год. Толстая пачка газет из самых разных областей страны — Оверни, Франш-Конте, Пэи-де-ла-Луар, — различающихся по формату и шрифту.

Люк чувствует, что готов приступить к поиску. Глубоко вдохнув, он начинает терпеливо листать газеты. Он не помнит, когда, где, но знает, что где-то среди тысяч этих страниц скрывается кататоник. Он быстро откладывает выпуски «Вау дю Нор» за 2005 год, всего двадцать пять номеров.

Послюнив палец, он листает газеты. Январь 2005 года, город Эден. На первой странице — фотография машины, скомканной, словно она сделана из бумаги. Страшный заголовок: «Четверо молодых людей погибли на смертоносном национальном шоссе». Тут же длинная статья, подкрепленная множеством свидетельств. В ней говорится о спиртном, о скорости, о неосторожности. Люк закрывает газету и кладет к себе за спину. Не то.

Доктор листает газеты все быстрее. Заголовки, фотографии. «Происшествия, обвинение, мясорубка, столкновение, автострада, шоссе, дорога местного значения, убит, мертв, суд, тюрьма...» И снова, и снова дорожные происшествия. В каждой газете. За каждое число.

В выпусках «Вау дю Нор» за 2005 год, как и за другие годы, — ничего.

Каждый раз то черно-белые, то цветные лица свидетелей, виновников, пострадавших, — но среди них нет лица больного А11. Люк трет глаза. Неужели он ошибся? Неужели он никогда не видел кататоника? Нет. Если уж он поднялся на чердак, если решился бросить вызов своим кошмарам, значит, для того есть причина, значит, где-то, на самом дне сознания, хранится память об этом человеке.

Влажные пальцы, шорох бумаги. Коробки пустеют, перед глазами мелькают города, месяцы, годы. Ничего, по-прежнему ничего.

И вдруг, внезапно...

Газета «Уэст-Франс» от 8 мая 2004 года.

Сердце начинает биться быстрее. В висках стучит. Все расплывается перед глазами.

Люк подносит газету поближе к лампе. Фотография. Мужчина повернулся к объективу примерно на три четверти. Глаза. Рот. Это он. Люк готов руку дать на отсечение, что на снимке изображен тот же человек, который лежит в палате А11.

Он переводит дух и начинает читать гнусную статью...

Заголовок: «Жандарм-лихач оставлен на свободе на время расследования».

Затем следует сам текст:

Жандарму, управлявшему машиной, которая в прошлый понедельник в Нанте сбила насмерть двенадцатилетнюю девочку по имени Амели, было предъявлено обвинение в непредумышленном убийстве при отягчающих обстоятельствах. По решению судьи он оставлен на свободе под судебным надзором.

Прокуратура потребовала поместить жандарма под стражу, указывая на «масштаб трагедии» и на тот факт, что характер происшествия, на которое выезжал жандарм, «не вынуждал его к действиям, создающим риск для граждан».

Однако требование прокуратуры не было удовлетворено.

Было назначено расследование по поводу непредумышленного убийства при отягчающих обстоятельствах. Прокурор указал на два подобных обстоятельства: «превышение скорости и проезд на красный сигнал светофора». Обвиняемому грозит максимальное наказание в виде семи лет лишения свободы.

У Люка пересыхает в горле, ему трудно глотать, рот словно наполнен гравием. Он читает, перечитывает, листает, но никак не может найти имя жандарма. Теперь он выбирает из груды газет все выпуски «Уэст-Франс» за 2004 год. Из них он откладывает одну газету, потом вторую, третью... Даты позволяют проследить за ходом расследования.

Газета за 4 мая, то есть вышедшая четырьмя днями раньше, потрясает его. Третья страница. На земле — сломанный велосипед. Кажется, что колесо еще крутится. Сразу за велосипедом — полицейская машина. Зеваки. Никаких следов жандарма, имя не указано. В центре внимания — девочка. Ее интересы, учеба в школе, несостоявшаяся молодая жизнь. Журналистов так и тянет копаться в мрачных подробностях. Они обожают сенсации, Люк это знает лучше, чем кто бы то ни было.

Он массирует виски, старается сосредоточиться на своей задаче. Берет другие газеты, находит начало, продолжение, завершение процесса над жандармом-кататоником. Имя по-прежнему не упоминается, неизменный «жандарм, отданный под суд за...».

Последняя из отобранных газет. Последняя статья. Приговор оглашен. Облегчение.

Родители девочки громко протестуют. Их никто не слышит.

И наконец в поле его зрения попадает имя.

Но не имя кататоника. Имя отца маленькой жертвы. Поль Бланшар. Директор супермаркета, живущий в городке недалеко от Нанта.

Господи, Бланшар. Имя, которое назвала ему Жюли за тарелкой спагетти. Единственное слово, произнесенное кататоником...

Люк бросается к компьютеру, выходит в интернет, включает поисковую систему, ищет в телефонных справочниках, каталогах, находит адрес Бланшара, но номер телефона не указан. Скорее всего, стационарного телефона у него нет.

— Черт возьми!

У Люка нет выбора. Ему необходимо убедиться, что он не ошибается.

Ведь то, о чем он думает, просто немыслимо.

До Нанта шестьсот километров. Шестьсот километров, чтобы решить, должен ли он совершить два самых ужасных преступления. Отказаться от одного больного. И убить другого.

Когда он выходит и исчезает в темноте, Доротея, наблюдавшая за ним через окно, обходит дом сзади и тянет на себя застекленную дверь. Попасть в дом к Люку проще простого.

«Что же ты скрываешь, доктор Люк Грэхем? — думает она. — Что ты

замышляешь глубокой ночью?»

Она подходит к коробкам, ее бросает в пот. Она нагибается и берет в руки газету, в которой рассказывается о происшествии с жандармом. Подчеркнуты заголовок, название города. Имена... Поль и Лоранс Бланшар. Фотография улыбающегося мужчины, выходящего из здания суда. Она его не знает.

Молодая женщина заглядывает в другие коробки. Сообщения о других происшествиях.

«Какое отношение все это имеет к моей сестре? В какие игры ты играешь, Грэхем?»

Нахмурившись, она нагибается и подбирает еще одну вырезку. Фотография разбитой машины. Семья Грэхема, уничтоженная дорожной аварией...

«Так, значит, вот в чем дело, вот откуда это одиночество, эта окружающая тебя трагедия... Это наваждение, все эти статьи — отголоски твоей собственной истории...»

Доротея чувствует себя неловко; она кладет все на место и тихонько уходит.

Жюли с чашкой кофе в руке нервно мечется по холлу клиники Фрейра. Она смотрит на часы. Почти половина одиннадцатого. Звонит ее мобильный.

— Алло!

Голос звучит сухо. После тяжелой ночи у нее отвратительное настроение. Есть все основания опасаться, что день будет особенно беспотопным и трудным.

— Здравствуйте, Жюли. Это Люк.

Жюли чувствует, как к горлу подступает какой-то комок.

— Доброе утро.

— Я только что говорил с Капланом. Тест с ривотрилом переносится на завтра.

Жюли слышит в трубке шум автомобильного мотора.

— На завтра? Но почему?

— Тут ночью на меня свалились серьезные семейные проблемы.

— Мне очень жаль, но вы могли бы предупредить меня раньше. Я тут уже почти два часа торчу.

— Завтра утром, ладно? В любом случае торопиться незачем, с больным все в порядке. Он получает внутривенное питание и гидратацию. Каплан всем займется.

— А никто другой не может провести тест?

— Это мой больной, Жюли...

Она сжимает зубы.

— Хорошо.

Пауза.

— Жюли... Я хотел бы извиниться за вчерашнее. Но... Мне это трудно.

— Что именно вам трудно?

— Трудно, и все тут... Берегите себя, Жюли...

Он отключается. Жюли, испытывая легкую досаду, идет к палате А11, в ушах у нее еще звучит голос Люка. «Берегите себя...»

Жером Каплан отворачивается от кататоника.

И идет к ней.

— Люк перенес на завтра, — говорит он.

— Я знаю.

Жюли нервно теребит пачку сигарет в кармане. Каплан кивает в сторону больного:

— Не волнуйтесь за него. Раньше кататоники оставались в таком состоянии до самой смерти.

Жюли Рокваль явно нервничает.

— Дело не в этом. Я трачу время на проезд сюда, мне надо просмотреть три тонны дел. Мне живется не намного легче, чем вам, вы в курсе?

Жюли смотрит на дисплей своего мобильного и садится на стул. Пишет эсэмэску. Потом, не меняя положения головы, поднимает глаза, при этом кожа на лбу собирается в мелкие морщинки.

— Если точно, кто такой Люк Грэхем?

— То есть?

— Честно говоря, я попыталась накопать какую-то информацию о нем в разных местах. И мало что нашла.

— А что именно вы ищете?

Она вздыхает. У Каплана есть противная привычка отвечать вопросом на вопрос, он быстро учится.

— Ничего конкретного, просто хотела бы узнать побольше об одном из звеньев той цепочки, которая объединяет нас всех. Понять, например, почему он пришел работать во Фрейра.

Каплан прислоняется к стене напротив нее. Словно задумавшись, он пощипывает нижнюю губу.

— Люк появился тут больше двух лет назад непонятно откуда. Насколько мне известно, у него был частный кабинет где-то рядом с домом, семейное дело. Если хотите, дело, передаваемое по наследству, от отца к сыну. Более чем приличный заработок, как мне представляется, образцовая клиентура, приятные условия работы. Но... можно подумать, что ему больше нравится каждый день тащиться за сто километров, чтобы зарабатывать меньше. Половина здешних психиатров втайне мечтает в один прекрасный день устроиться получше, а у Люка все наоборот. Он задерживается, проводит здесь ночи, берет все больше дежурств. Он живет не своей жизнью, а жизнью своих больных.

Да, именно так Жюли и понимает ситуацию.

— Семейные проблемы?

— Вы знаете, тут на дежурствах много чего можно узнать. Люк носит обручальное кольцо, но его жена и двое детей погибли в автомобильной аварии. Детишкам было восемь и тринадцать лет.

Жюли дописала сообщение, она сидит свесив руки между колен, не

отводя глаз от больного кататонией.

— Это ужасно.

— Об этой истории много писали в здешних газетах, в частности, обсуждали проблему разговоров по телефону за рулем. Поищите в интернете, увидите.

— И он приходит сюда, чтобы сбежать из дома, от всего, что может напомнить ему о семье...

— Можно и так сказать. Сам Люк мало о себе рассказывает. Больные, только больные. Просто наваждение какое-то.

— Ну, как он сам справедливо отмечает, у всех есть свои навязчивые идеи.

— Ну не настолько же! Знаете, он пытается посмотреть истории всех больных с психическими травмами. Когда лечишь психические травмы, сталкиваешься с самыми темными закоулками души каждого больного, в каком-то смысле пропускаешь его тайны через себя. Вытаскиваешь на свет божий инцесты, трагедии, несчастные случаи, грязные семейные истории. И... я думаю, что это его в равной мере и возбуждает, и истощает.

— Его возбуждают темные закоулки чужих душ...

Каплан медленно качает головой.

— Вы слышали про Кароль Фестюбер, молодую женщину из деревни километрах в тридцати отсюда, которую ее собственный отец пять лет держал на чердаке и мучил?

— Читала об этом в газетах, кажется, года полтора назад. Самое жуткое в этой истории — что вся деревня знала, но никто и слова не сказал. Но, видите ли, меня это не удивляет. Я сама постоянно сталкиваюсь с тайнами и ложью.

— Ну так вот, Люк тогда занимался этой пациенткой. Он, если можно так выразиться, просто набросился на этот случай.

Жюли таращит глаза от удивления. Каплан устало и вымученно улыбается:

— Он никогда не говорит об этом, но он вообще никогда не говорит о своих больных. У Фестюбер была диссоциация сознания, она не могла вспомнить, как и что с ней делали. Разум пытался оградить ее от всего, что пришлось вытерпеть ее телу. Люк думал, что сможет спасти ее, но страшно прокололся.

— То есть?

Каплан сжимает губы, он не решается выдать секрет. Пристальный взгляд Жюли заставляет его идти до конца.

— Я тогда только что пришел в отделение психиатрии. Люк хотел

ускорить события, вытащить одним махом все загнанные вглубь воспоминания, ну, я не знаю, хотел блеснуть, доказать свое мастерство. А кончилось тем, что больная покончила с собой у себя дома, в разгар психотерапии, которую проводил с ней Люк. Ее нашли в ванне — она наглоталась снотворного и утонула.

Жюли проводит руками по измученному лицу:

— Самая страшная неудача для психиатра.

— Люк пошел работать в клинику, потому что хотел заново выстроить свою карьеру. Но... вы знаете, здешние больные совершенно не похожи на частных пациентов, большинство из них попадают к нам под давлением третьих лиц. По сути дела, Люк не особо разбирался в клиническом подходе к лечению психиатрической патологии. Можно быть великолепным психоаналитиком и при этом очень скверным клиницистом. Чемпион на стометровке не обязательно выиграет марафон.

Жюли встряхивает головой, ей не нравится, что она опять все узнает последней.

— И вы считаете, что из него вышел плохой психиатр-клиницист?

Каплан понимает, что играет с огнем, и предпочитает уйти от ответа:

— Не мне об этом говорить. Лично у меня к нему претензий нет. Он хороший психиатр.

Жюли вздыхает:

— Во всяком случае, надеюсь, что с этим больным он не повторит ту же ошибку.

— Я вам ничего не говорил, ладно? Я так... разболтался, но это только потому, что мы вместе работаем над сложным случаем. Не закладывайте меня.

— Спасибо за вашу откровенность. Я умею держать язык за зубами.

Она выходит из палаты с тяжелым сердцем. С ужасным ощущением, что Люк Грэхем настолько разрушен изнутри, что уже больше никогда и никого не сможет полюбить.

Городок Сотрон в десяти километрах от Нанта. Точка на карте. Шесть часов на машине от Бре-Дюн. Люк Грэхем подкрепляется кофе из термоса и сигаретой. Ему пришлось три раза останавливаться и выходить из машины на свежий воздух. После событий последних часов ему кажется, что он задыхается в гипсовом мешке. В ушах еще звучит голос человека в капюшоне: «Значит, убейте его в больнице...»

Родители девочки, сбитой кататоником в 2004 году, живут в квартале, насчитывающем около двадцати частных домов. Симпатичные садики, велосипеды, качели, детские горки... В таких новых жилмассивах для служащих средних лет всегда много детей, они учатся жить в коллективе, играть у соседей или, летом, прямо на улице. Эрзац рая. Для Люка — ад.

Из-за «лежачих полицейских» психиатру приходится ехать с черепашной скоростью. Наконец он находит нужный дом. К счастью, перед въездом в гараж стоит машина. Почти 11 часов. Люк проезжает дом и останавливается чуть дальше. Лучше, чтобы его не запомнили.

Сидя в машине, он разглаживает помятый пиджак, брюки, потом выходит и натягивает пальто. Бросает взгляд в зеркальце заднего вида. Морда как у трупа, вынутого из могилы, жуткие круги под глазами. Да, адская была ночь!

Он осторожно закрывает дверцу, возвращается к дому и стучит. Женщина лет тридцати пяти в светлом костюме приоткрывает и тут же захлопывает дверь.

— Мадам Бланшар?

Дверь снова приоткрывается, в щели показывается голова.

— Простите, нет. Мадам Бланшар тут больше не живет.

Ну вот, только этого не хватало.

— А у вас нет нового адреса?

Люк слышит, что в доме работает телевизор, передают очередной бесконечный сериал.

— Нет-нет. Вам, наверное, лучше поговорить с ее нотариусом или с соседями. Мы с ней мало общались. Она продавала дом, мы купили. Вот и все.

Люк на секунду оборачивается — дети группками идут в школу, волоча за собой ранцы на колесиках. Понятно, что Бланшары не смогли вынести жизни в таком месте, где ежедневно видели ровесников своей

погибшей дочери.

— Скажите... Вы в курсе несчастного случая с их девочкой, Амели?

Женщина недовольно пожимает плечами:

— Конечно. Посмотрите вокруг — всюду семьи, дети. Как же я могу быть не в курсе? Дочь, потом муж — для одной женщины это многовато.

Она собирается закрыть дверь. Люк втискивается в щель, у него колотится сердце.

— Муж? Что вы имеете в виду?

Она настораживается:

— Кто вы такой?

— Франсуа Дарле из страховой компании. Мне иногда приходится разбираться со старыми делами в связи с наследством, и вот попался этот случай.

Женщина делает шаг вперед, вытесняя Люка наружу, и загораживает ему вход.

— Понятно. Насколько я знаю, после смерти дочери Поль Бланшар так до конца и не пришел в себя. Примерно через год после суда, на котором убийцу девочки выпустили, он бросился под поезд.

Люк, внезапно побелев, поднимает голову:

— И... последний вопрос... мадам... Жандарм, переехавший девочку... Вы знаете, как его звали?

— Этого мерзавца? Еще бы. Александр Бюрло. Что же, если ты в жандармерии работаешь, так на тебя и закон не распространяется? Знаете что? Если бы такое случилось с моей дочкой, поверьте, я бы его убила, жандарм он или кто еще. Своими руками. Так и скажите в своей страховой компании.

Она захлопывает дверь. Ошеломленный Люк идет по улице, ему кажется, что его ноги стали неподъемно тяжелыми.

Отец, Пьер Бланшар, покончил с собой... Почему же совершенно лишившийся рассудка кататоник произнес его имя?

«Покончил с собой...» Слова гудят в голове, мешают думать.

Он продолжает поиски. Очередной разговор у соседской двери позволяет ему наконец узнать новый адрес Лоранс Бланшар. Домик в сельской местности, под Амьеном.

Теперь надо ехать обратно. Прodelать такой путь, тогда как мать погибшего ребенка живет в ста километрах от него...

На столе стоит большое блюдо с остатками жаркого по-фламандски и жареной картошки. Приехавшая к Фреду час назад Алиса возвращается из коридора и садится напротив хозяина. Над ее головой мягко колышутся веточки «деревя для записок». Фред открыл окно, выходящее в сад, и в комнату врывается прохладный воздух.

— Доктор Грэхем никак не отвечает, — говорит Алиса. — Ни по телефону в кабинете, ни по мобильному.

— А ты оставила сообщение?

— Конечно, уже пять, как минимум. Можно подумать, что он нарочно избегает меня, иначе он позвонил бы. Скажи, мы скоро поедим?

— Я не думаю, что это удачная мысль — вернуться на ферму и встретиться с твоим отцом.

— Я хочу, чтобы он объяснил мне, почему он лгал. Хочу увидеться с сестрой. Где она? Где скрывалась эти десять лет? И почему она скрывала от меня, что жива?

Фред доедает картошку.

— Сначала я хотел бы кое-что тебе сказать... Сегодня утром я поспрашивал своих знакомых врачей. Ты когда-нибудь слышала о раздвоении личности?

— Прошу тебя, Фред...

— Почему ты не хочешь говорить об этом?

Алиса вздыхает:

— Ты собираешься мне сказать, что во время моих черных дыр я становлюсь умственно отсталым мальчишкой, который двух слов связать не может. Я знаю, что у меня проблемы, что я проваливаюсь в какие-то дыры, но... но доктор Грэхем обязательно поговорил бы со мной про такое. Он бы меня вылечил, если бы все было так просто.

Она прячет глаза. Фред не настаивает. Он встает и возвращается с двумя стаканчиками и бутылкой.

— Вот, выпей. Тебе станет лучше.

— А что это?

— Можжевельная настойка. Все растительное, вреда от этого не будет.

Алиса с опаской смотрит на свой стакан:

— Мой отец почти никогда не пил, но уж когда пил, то говорил о всяких мерзостях.

— О чем?

— О своем прошлом. О Конго, Ливии, Ливане. Об ужасах, которых он там насмотрелся. От спиртного он расслаблялся. Мне не нравилось, когда он пил.

— Он становился злым?

— Нет. Но он спал в сарае и плакал.

Алиса колеблется, потом решается и залпом выпивает настойку.

— О господи, какая гадость. Как можно любить такое?

— От этого шахтерам на севере становилось немного теплее и светлее.

Алиса уже ощущает, как от можжевельниковой настойки в животе становится тепло, ее охватывает приятное оцепенение. Как будто она приняла сильный транквилизатор. Фред пользуется этим, чтобы задать несколько вопросов:

— Кстати, а твой мозгоправ объяснил тебе, чем именно ты больна?

— Он как раз собирается это сделать. Мы подведем итоги длительной психотерапии, и это даст мне новые возможности для выздоровления.

Фред поглаживает себя по подбородку. Алисе кажется, что при этом он становится похожим на художника-бунтаря в поисках вдохновения. Боже, да он красив! Значит, в этом и заключается красота мужчины? Фред наклоняется к ней:

— Сколько ты уже лечишься?

— Год... Я начала ходить к врачу за несколько недель до того, как уехала с фермы.

Потрясенный Фред встает.

— Так лечение началось, когда ты еще жила на ферме в Аррасе? И... Ты сама выбрала врача?

— Нет, это папа. Он мог сделать это куда лучше меня.

Фред ударяет кулаком по столу:

— Да, конечно, твой отец... Черт, подожди пару секунд.

Он убегает вверх, потом возвращается с картой департамента Нор-Па-де-Кале, отодвигает в сторону тарелку Алисы и раскладывает карту на столе.

— Ты сама ездила на сеансы?

— Конечно. Папа починил старую машину, чтобы я могла ездить к врачу.

— А почему именно к нему? Почему к доктору Грэхему?

— Я... Я понятия не имею! Отец сказал, чтобы я поехала к этому психиатру, что еще ты хочешь от меня услышать? Для меня это означало, что я наконец проконсультируюсь со специалистом, что я поправлюсь, и

это было самое важное. Почему ты задаешь такие вопросы?

Фред показывает на карте Аррас и медленно ведет пальцем вдоль дорог.

— Почему? Потому что тебе надо было ехать из Арраса в сторону Лилля, после Азебрука свернуть, а это почти сто километров. И, чтобы добраться до Бре-Дюн, потом проехать еще тридцать километров по пыльным дорогам! Сто тридцать километров — девушке, которую никогда не выпускали из дома... — Фред в недоумении разводит руками: — Да боже мой, Алиса! Ты не отдаешь себе отчета? Сто тридцать километров, чтобы посетить занюханный кабинет психиатра, когда их можно найти на каждом углу!

Взволнованная Алиса внимательно изучает карту.

— Я как-то не задавалась этим вопросом.

— Ясное дело, тебя так оболванили, что папаша мог бы запросто заставить тебя выпить все Северное море. Ты говорила, что тобой манипулировали, что тебя обманывали, так вот, у меня такое ощущение, что это продолжается до сих пор. Можно сказать, вся твоя жизнь — это сплошное манипулирование.

Алиса чувствует, как кровь приливает к щекам.

— Я не знаю, что ответить, Фред. Я... Я как-то растерялась.

— Ну так я тебе помогу. Твой отец хотел, чтобы тобой занимался именно этот психиатр. Только Люк Грэхем, и никто другой. С фермы-то тебя родитель отпустил, но хватку свою не ослабил.

Теперь Алисе кажется, что ее ударили дубиной.

— Но... Но почему?

Фред пожимает плечами:

— Откуда мне знать? А этого психиатра ты хорошо знаешь?

— Это мой врач, вот и все. Больше я ничего про него не знаю.

Фред проводит рукой по подбородку и погружается в раздумье.

— А вдруг этот врач — неудачник? Может, твой отец понимал, что этот тип тебя в жизни не вылечит?

Алиса решительно мотает головой:

— Нет, не смей такое говорить! Это замечательный психиатр.

— Откуда ты знаешь, если других не видела?

— Я это чувствую, вот и все.

— Ах, чувствуешь... Согласен. Но ты мне просто скажи: после года лечения ты ощущаешь хоть какой-то прогресс?

Каждый его вопрос бьет точно в цель.

— Нет. Стало... даже хуже, чем раньше. Черные дыры, кошмары,

Берди. Теперь это почти каждый день. Но доктор говорит, что...

— Хватит верить в то, что говорит тебе этот доктор. Твой отец просто не хотел, чтобы ты поправилась, вот и все. И он отправил тебя к идиоту.

Фред тянется к Алисе и берет ее за руку.

— Я помогу тебе. Мы вместе...

Рукав его свитера задрался. Алиса замечает шрам на запястье. Она осторожно приподнимает рукав:

— Что это? Похоже на... укусы.

Фред быстро убирает руку. Он съеживается, как горящий листок бумаги.

— Нет, ничего подобного.

— Я открываюсь перед тобой, хотя мне это очень трудно. Сделай то же самое.

Фред молчит, потом, явно взволнованный, задирает рукав. Вся рука покрыта давними шрамами. Десятками шрамов. Он откидывается на спинку стула, его глаза затуманиваются.

— Ну что, откровенность за откровенность?

— Я тебя слушаю.

Теперь перед Алисой предстает та сторона личности Фреда, о которой она и не догадывалась: он печален. Впервые она видит перед собой не сгусток энергии, а уязвимого человека с блуждающим взглядом.

— Десять лет назад я работал в яслях на востоке страны. Я всегда обожал детей, их улыбки, исходящую от них радость, мне это напоминало мое собственное детство, когда все еще было хорошо.

— А когда все было хорошо?

— Пока отец не начал пить и бить меня. В девяносто девятом году меня вместе с другими работниками этих яслей, всего нас было четверо, ложно обвинили в сексуальных домогательствах по отношению к детям. Такая же история, как в Утро,^[7] только не получившая подобной огласки. — Он опускает голову, его передергивает. Потом он скрещивает руки на груди, нервно потирает плечи. — После короткого расследования, безусловно самого короткого за всю историю правосудия, судья Арман Мадлен всех нас отправил в тюрьму, даже не потрудившись проверить факты, опросить детей, обратиться к детским психиатрам. Он и требовавшие суда семьи считали нас виновными. Мне только исполнилось девятнадцать лет, и я провел в тюрьме два года, Алиса, два года, за которые я прошел через все. Издевательства, унижения, насилие. Эти шрамы на руках... Меня заставляли опускать руки в кипяток. Чтобы я больше не трогал детишек... Меня... Меня называли педофилом, педиком. Если ты с

виду не очень мужественный, тебе нельзя попадать в тюрьму, там ты за это поплатишься. — Он наливает себе второй стакан, несколько капель настойки падают на стол, как слезы. — И это при том, что мы не были виновны, что ни одно, понимаешь, ни одно обвинение не было обосновано! Мою жизнь просто взяли и разрушили раз и навсегда, а потом откупились ничтожным возмещением ущерба. Мне пришлось переехать, я укрылся тут, в Кале, у приятеля, нашел жалкое место уборщика в больнице и начал помогать другим, чтобы компенсировать украденные годы моей жизни. Я такой же, как эти беженцы, я потерял все. И никто никогда не говорил об этом скандале. Ни газеты, ни телевидение. Нас словно не существовало. И мы по-прежнему не существуем. Именно по этой причине я сижу тут, у черта в заднице, и пытаюсь спасти людей, которые тоже больше не существуют. Призраки могут помогать только призракам. И по-моему, я могу помочь тебе.

Алиса ежится, как от холода.

— Мне так жаль, Фред. Я... Я наваливаю на тебя свои проблемы. Иногда я забываю, что проблемы могут быть и у других людей.

Фред встает, подходит к ней, прижимает палец к ее губам.

— Все в прошлом, договорились? Остались эти поганые ожоги, но сегодня это просто воспоминание, и, во всяком случае, это раны телесные, а не душевные, как у тебя. Ты знаешь, что ты — одна из немногих, кому известна моя история?

— Мы с тобой словно пара птиц со сломанными крыльями, правда?

Они робко смотрят друг другу в глаза.

— Мои крылья сломаны уже давно, но твои, Алиса... Их еще можно перевязать, срастить кости. Ты позволишь, чтобы я помог тебе, ладно? Прошу тебя, мне это нужно.

Он наклоняет голову, с улыбкой смотрит на нее:

— Ты бы сняла этот шнурок с очков. Это немного по-старушечьи. Ты такая красивая...

— Этот шнурок мне посоветовал оптик, когда заметил, что я прихожу больше четырех раз в год, потому что вечно теряю очки. И это помогло, с тех пор мне стало легче. А теперь, Фред, если ты...

— Если я что?

— Если ты хочешь...

Алиса медленно закрывает глаза и стоит неподвижно, слегка сжав губы. Фред двумя пальцами нежно приподнимает ее подбородок.

— Не здесь, Алиса... Пойдем со мной.

Он берет ее за руку и ведет в сад за домом. Там среди кустов

посередине лужайки стоит деревянный колодец с крышей из круглых отрезков бревен и отполированной лебедкой. На дне колодца лежит множество монеток разного размера, разного цвета, похожих на чешуйки разноцветных рыбок. Фред смущенно улыбается:

— Вот мое небо в звездах, мое собственное. Все беженцы перед уходом оставляли мне свое сердце, вот так, символически. Эти монетки они привезли из своих стран. А теперь... Можешь закрыть глаза. Мы сделаем это у колодца, это принесет нам счастье.

Растроганная Алиса повинуется. Фред нагибается к ее губам, они целуются. Алиса вздыхает, в ее протяжном вздохе чувствуется облегчение.

— Я впервые в жизни целуюсь с молодым человеком. Я так счастлива, что это ты.

— Я тоже, Алиса. Я так счастлив...

Красивый деревянный дом в деревне неподалеку от Амьена стоит на отшибе. Люк останавливается на гравиевой дорожке рядом с «меганом». Лоранс Бланшар открывает дверь. Обычная женщина, светлокожая, чуть полноватая, одета по моде. Люк в своем тесном пальто, в старых уличных башмаках, плохо выбритый, чувствует себя очень неловко. Они оба лишились дорогих сердцу людей, но, судя по всему, выбрали для себя совершенно разные способы существования после трагедии.

— Мадам Лоранс Бланшар?

— Да?

Она недоверчиво смотрит на него. Люк прокашливается.

— Мне очень неудобно и... вы, безусловно, не поймете, зачем я пришел к вам...

Он опускает глаза, стискивает руки. Лоранс Бланшар начинает нервничать:

— Что бы там ни продавали, меня это не интересует.

Люк делает глубокий вдох и выпаливает:

— Я машинист поезда, который сбил вашего мужа.

Женщина лет сорока, явно гордящаяся своей фигурой, если судить по тому, как она носит платье, смотрит на него так, как если бы он говорил на иностранном языке. Она прислоняется к косяку двери, ей явно не по себе.

— Что... Что вам нужно?

Люк с трудом подбирает слова, импровизирует, черпая вдохновение в случае водителя грузовика, которого лечил:

— Когда... Когда водишь поезд, нас... предупреждают, что мы рискуем хотя бы раз за свою карьеру встретиться лицом к лицу со смертью. Мы... Мы уговариваем себя, что это все статистика, что с нами такого никогда не случится. Взгляните на меня, мадам... Я уже несколько лет не могу спать. Каждую ночь я снова вижу... этот несчастный случай, как будто молот в голове стучит. Я больше не могу жить с этим, вы понимаете?

Лоранс пытается оставаться спокойной.

— Черт возьми, зачем вы пришли сейчас, спустя два года?

Люк пристально смотрит на нее:

— Просто скажите мне, что я не виноват. Скажите, что вы не держите зла, что... что это не я убил вашего мужа. Я нуждаюсь в вашем прощении.

Лоранс пытается улыбнуться, но лицо искажает скорбная гримаса.

— Ну конечно, вашей вины тут нет. Ничьей вины нет. Мне не за что вас прощать, вы не виноваты.

В ее голосе не слышны настоящие чувства. Она уже сняла траур, она сумела запечатать урну со своими трагедиями и похоронить ее в самой глубине собственной души. Смерть мужа, смерть дочери теперь стали лишь воспоминаниями; конечно, они причиняют боль, но уже не будоражат ее.

— Я читал газеты. Я знаю про вашу дочку, Амели. И про суд над жандармом Бюрло, которого отпустили в конце две тысячи четвертого... Все из-за этого? Из-за этого ваш муж покончил с собой? Потому что отпустили убийцу вашего ребенка?

— Послушайте, месье, мне жаль, что с вами такое происходит, но...

— Мне это очень важно. Прошу вас. Вы знаете, что такое синдром посттравматического стресса? Это психическое заболевание, и я... у меня оно очень сильно проявляется. Я больше не могу входить в поезд... у меня был один несчастный случай, но я переживаю его каждый день, каждую ночь, потому что он мне снится в кошмарах. Мой... Мой психиатр сказал... что человек, погибший под колесами моего поезда, должен обрести лицо, я должен представить себе его, чтобы потом он меня отпустил. Пока это лицо останется для меня белым пятном, пока я не пойму, что бросило вашего мужа под мой поезд, я... я не поправлюсь... Простите, мадам, я...

Лоранс Бланшар медленно прикрывает глаза в знак того, что понимает.

— Синдром посттравматического стресса... Я не знала, что это так называется. Много лет назад одна моя подруга на мопеде врезалась в автобусную остановку. И с ней было точно то же самое, что и с вами. Она все время переживала один и тот же эпизод. Входите...

Она предлагает ему кофе. Люк рассматривает обстановку деревянного дома — балки, теплые тона, изящные линии. Никаких резких углов, гладкая, спокойная жизнь, отшлифованная до блеска, чтобы стереть все следы прошлого.

Лоранс приносит две чашки. Люк жадно набрасывается на свой кофе, отхлебывает большой глоток. Вдова кладет на стол старую фотографию. Люк берет ее дрожащими руками. Поль Бланшар... Загорелое лицо, зачесанные назад темные волосы, улыбка. Лоранс начинает рассказ:

— После смерти Амели у Поля почти сразу началась депрессия. Это был наш единственный ребенок, вы понимаете?

— О, конечно. Конечно, я понимаю вас.

— Длинный, длинный туннель, из которого он не мог выбраться, не только потому, что потерял дочь, но... но еще и потому, что по делу Александра Бюрло никак не выносили приговор. Вы же понимаете, что он

многого ожидал от суда. Прокурор требовал семи лет... Это очень мало, но Поль в конце концов согласился с таким сроком. Он знал, что это разрушит и карьеру убийцы, и жизнь его семьи и что невредимым из тюрьмы он не выйдет.

«Убийца...» Правильное слово. Тот или та, кто лишает вас семьи, не может называться по-другому.

Лоранс бесконечно размешивает кофе. Поняв, что она отвлеклась, Люк возвращает ее к разговору:

— И значит, Бюроло отпустили...

— Это было как удар ножом. Мир уже рухнул, а теперь обрушились и его остатки, все пропало. Да, именно так — все пропало, ничего не осталось. Первый раз Поль попытался покончить с собой, наглотавшись лекарств.

Люк сжимает чашку. Он-то предпочел вскрыть себе вены. Как римский император. Женщина встает, уходит и возвращается со старой газетой.

— Посмотрите...

Фотография в местной газетенке, датированной днем суда: из здания суда выходит улыбающийся жандарм. Заголовок гласит: «Улыбка правосудия».

— Представьте себе, как мы страдали, видя эту... мерзость. Я очень, очень боялась за мужа. Первые недели после первой попытки были для нас ужасными. Поль превратился в безвольное существо, напичканное антидепрессантами и нейролептиками.

— Я понимаю, о чем вы.

— Что до меня, я как-то жила, но все стало так сложно... Со временем депрессия Поля превратилась в настоящее наваждение. Он звонил жене жандарма, выслеживал их ребенка возле школы, пугал их, это был настоящий ад. К нам много раз приезжала полиция. Потому что... этот подлец Бюроло подал жалобу на Поля, вы представляете? Убийца жалуется на жертву! Мразь, он даже явился к нам с угрозами. Здоровенный такой... — Лоранс Бланшар словно переживает свое прошлое. — Эта тварь, Бюроло, смотрел нам в глаза и улыбался. Я никогда не смогу забыть его улыбку. Он настоящий дьявол.

— И как ваш муж пережил это?

— Депрессия возобновилась. Вы знаете, с депрессиями всегда так, они проходят, потом начинаются снова, без предупреждения, как навязчивая мелодия. Мы переехали сюда, под Амьен, чтобы быть подальше от Бюроло, от страшных воспоминаний. В конце концов депрессия прошла, прошли и мысли о мщении или о преследовании. Через три месяца после оглашения

приговора и, следовательно, после того, как Бюрло отпустили, Поль стал «нормальным» и даже почти...

— Счастливым?

Она слегка качает головой. В глубине души она таит что-то, чего не понимает.

— Ну, я не стала бы заходить так далеко. Но он снова начал радоваться жизни. Он захотел уехать на три месяца в Австралию, он... он всегда мечтал побывать там. И... мы сделали это, мы уехали на три месяца. Я хотела, чтобы он пришел в себя.

Люк смотрит на кофейную гущу на дне чашки. Говорят, что по ней можно предсказать будущее, но он читает только свое прошлое. Черное прошлое, гонящееся за ним по пятам.

— И как там было, в Австралии?

Она холодно смотрит на него:

— Вам станет лучше, если вы узнаете, чем мы там занимались?

Люк мотает головой:

— Вы правы. Простите. Итак, вы вернулись из Австралии...

Какое-то мгновение Лоранс колеблется. Она, безусловно, отдает себе отчет в том, что раскрывает свою жизнь перед неизвестным. Она идет в кухню.

— Еще кофе?

— Да, пожалуйста.

Вернувшись с новой чашкой, она спокойно продолжает свой рассказ:

— Когда мы вернулись во Францию, Поль хорошо себя чувствовал, я тоже. Он снова стал искать работу, поговаривал о переезде в Париж. По-прежнему каждый день говорил про Амели, но никогда не упоминал Бюрло. И вдруг, совершенно случайно, когда мы обедали с бывшими соседями, мы узнали, что жандарм пропал.

Вот оно. Люк с трудом может говорить:

— Пропал?

— Да, испарился, по-моему, в начале две тысячи пятого. Да-да, в январе две тысячи пятого, потому что из Австралии мы вернулись в феврале.

Прошло почти три года. Люк не может в это поверить.

— Вы не представляете себе, что могло случиться?

— Никто не знает, что с ним. Тела не нашли, ничего не нашли. Самоубийство? Невозможно, ведь Бюрло был таким крепким орешком, жандарм в чинах, с таким взглядом, от которого стынет кровь, понимаете? Уехал из страны? Никто не знает. Ни мы, ни полиция. Просто необъяснимо.

Может быть, за всем этим стоит государство? Кто знает, что могут замышлять военные.

Люк сжимает губы. Исчезнувший почти три года назад Бюрло находится в палате А11 в клинике Фрейра в Лилле, в состоянии кататонии, каталепсии и совершенно истощенный.

— А... А ваш муж? Как он это воспринял?

— Через четыре месяца после того, как мы узнали, он бросился под ваш поезд. И... хуже всего то, что мне следовало что-то заподозрить, понять, что что-то не в порядке. Все снова пошло наперекосяк. Под конец он почти не разговаривал со мной, постоянно меня избегал, целыми днями бросал мячик собаке. Как-то вечером я увидела, что он уезжает... он взял машину... У меня было предчувствие, что в тот вечер что-то случится. Но... Но я ничего не сказала, я позволила ему уехать.

Она вытирает губы салфеткой и заключает:

— Вот, теперь вы знаете все.

— Но... Почему? Почему он решился покончить с собой, если все вроде бы налаживалось?

Она нетерпеливо встает:

— А вы сами-то знаете? Можете понять, что заставляет отца семейства вдруг взять ружье и застрелить двух своих сыновей? Мой покойный муж пережил самое страшное, и у него что-то разладилось в голове. А теперь, пожалуйста... Мне скоро идти на гимнастику.

Люк допивает кофе и идет к двери.

Лоранс, не двигаясь, смотрит на него, потом внезапно окликает:

— Подождите секундочку.

Она открывает чулан, берет обувную коробку и вынимает из нее маленький красный шарик из бумаги, обмотанный скотчем. Красный от крови.

— Это нашли на рельсах рядом с телом моего мужа. Я подумала, может быть, вы сумеете понять, что это значит.

Люк потрясен. Она все время хранила этот паршивый шарик.

— Нет-нет. Простите...

Люк едет обратно в состоянии шока. Он понял... Он понял причину эйфории Поля Бланшара, понял, почему он покончил с собой через несколько месяцев после исчезновения Бюрло.

С этим как-то связан человек в капюшоне.

Он считал, что оставил свое прошлое далеко позади, похоронил его, а оно его догнало.

У него больше нет выбора. Он должен уничтожить жандарма Бюрло,

пока у него не развязался язык. Пока в дело не вмешалась полиция.

Он все сделает завтра, в субботу, рано утром. Когда в клинике практически никого не будет.

Александр Бюрло поворачивается, за его спиной по желобу течет моча. Он бросается к стене и наклоняется к отверстию.

Он шепчет:

— Послушайте! Я знаю, что вы боитесь говорить, но вы сделайте вид, что мочитесь, и расскажите мне! Он... Он занят, он... он не скоро вернется. Говорите! Как вас зовут?

— Дюмец... Меня зовут Жюстина Дюмец.

— Где вы жили?

— В Па-де-Кале. Вимрё...

— Я живу в Нанте. Что он собирается сделать с нами?

— Мне нравилась паста... если сварить аль денте, к стене прилипает... Вы пробовали?

Голос женщины становится все тише, связки вибрируют, словно струны разбитого инструмента. В ее камере горят мощные лампы.

— Чего от нас ждут?

— Чтобы... Чтобы вы подписали это письмо.

— Никогда в жизни! Кто может подписать такое?

— Никто... Никто этого не может подписать..

Шум... Женщина похлопывает себя по ляжкам.

— Вы... Вы же недавно видели солнце, правда? Солнце, на воле... Там... Там еще тепло? Скажите мне... Жара... Я очень хорошо помню. Расскажите мне про жару. И про море... Расскажите мне про...

Она замолкает, заходится в рыданиях. Александр почти утыкается носом в мерзкий желоб, он пытается что-то разглядеть сквозь щель. Ему удастся увидеть женщину в черном комбинезоне, ее голова тоже обрита. Сколько же времени ее тут держат?

— Мадам, мадам, послушайте. А вы тоже, вы...

Она перебивает.

— Они будут контролировать... ваш мозг...

— Что? Кто это — они?

— Они запустят в вашу камеру крыс... Змей... Или собаку. Всех, кого вы боитесь. И еще мешки с загадками... Они знают все тайны разума, они могут сделать так, что вы потеряете память. И все это, чтобы вы подписали... Это... Нет... я... я больше не хочу... Паруса на корабле, месье... Паруса, они шумят? Расскажите мне, как шумят белые паруса на

ветру.

Александр понимает, что она ускользает от него. Она забилась в угол и тихонько раскачивается из стороны в сторону.

— Мадам, мадам, послушайте. Сколько их?

— Вы крепко держитесь за поручень, а? Вы крепко держитесь, месье? Сильные волны, синие, соленые. Дуйте в парус, корабль летит вперед.

Александр обхватывает голову руками. Жюстина Дюмец продолжает свой монолог:

— В каком-то смысле то, что с нами случилось... это возврат к истинному положению вещей.

Пленница внезапно напрягается и паучными движениями подбирается к решетке. Александр теряет ее из виду.

— Вернитесь! Вернитесь, черт возьми!

Звон цепей, ключ поворачивается в замке. Александр прижимается к стене и приставляет руку козырьком ко лбу, чтобы защитить глаза от света. Он подбирает смятое письмо, протягивает руку через решетку и кидает письмо куда-то влево.

— Вот что я сделал с вашим поганым письмом!

Тень вдали не реагирует. Дверь захлопывается. Другая дверь открывается.

Александр цепляется за решетку. Он понял. Он имеет дело с судьей. С икупителем. С больным, считающим себя выше законов. Наконец палач подходит. Александр почти ничего не видит. Скомканная бумага летит обратно в камеру.

— Думаешь, ты первый, кто упрямится?

Александр не двигается, он не сдвинется с места. Никогда.

— Отойди! Делай что говорят!

— Боже, вы ненормальный. Послушайте, у меня жена, сын, я...

— Я это знаю.

К нему тянется электродубинка. Щелчок. Разряд прямо в грудь.

Александр врезается виском в холодный камень. Больше ничего.

Александр приходит в себя в камере, он одет в комбинезон, он скорчился, как старый пес. Свет слепит глаза.

Он поворачивается, сзади слышен какой-то треск. Что-то горит возле решетки. На четвереньках он бросается туда.

Альбом. Альбом с фотографиями его свадьбы, он узнает розовую обложку, золотую надпись. Он сует пальцы в огонь, ему удастся спасти

толстый альбом, уже охваченный пламенем.

Он обжигается, но боль его не волнует.

Карина... О, Карина...

От огня ему делается хорошо. Это как подарок. Он придвигается поближе. Тепло... мягкая ласка на руках. Еще немного, и он скажет спасибо, черт побери.

Он открывает альбом. Его свадьба... Карина... Все это было так давно.

Внезапно его охватывает ярость. Страницы чисты. Ни одной фотографии. Только кусочки клейкой ленты. Он прижимает альбом к груди; пламя медленно гаснет. Александр решает: лучше потерять несколько мгновений тепла, но поддержать в руках альбом. Этот альбом — словно луч солнца для него и им и останется. Никто его не заберет. Никогда. Пусть сначала вырвут сердце из груди.

В глубине своего спутанного сознания он понимает.

Его уничтожают точно так же, как он сам уничтожал других.

От него хотят, чтобы он вспомнил. И расплатился. Чтобы искупил свой грех, как обязан был его искупить.

Не обращая внимания на бьющий в лицо свет, он забывается сном, свернувшись клубочком, как ребенок. Он, ростом метр девяносто и весом девяносто килограммов.

Сейчас уже немного меньше...

Волны размеренно накатываются на берег. Уже вечер, и Клод Дехане везет по молу свою жену Бландину в инвалидном кресле. Он укутал ее в толстую белую кофту и синий мохеровый шарф — под цвет ее глаз, скрытых за темными очками. На коленях у нее лежит купленный по дороге букет красных тюльпанов.

Клод беседует с физиотерапевтом Франсисом Бапом, крупным добродушным человеком. После долгих лет знакомства отношения между двумя мужчинами не ограничиваются общением в медицинском курортном центре, где Бландина теперь проводит большую часть времени.

— ...Мне надо будет обсудить это с профессором Гуссенем, — заключает Бапом. — Но должен сразу сказать, что, по-моему, лучше вам приехать за ней утром в пятницу. Бландина, несмотря на свое увечье, полноценная женщина, и оттого, что она проведет с вами больше времени, ей будет только лучше.

Клод объезжает кучку стеклянных осколков и гладит жену по волосам. На пляже много людей — кто-то бегают, кто-то гуляет с собаками. Клод в который раз проверяет, на месте ли темные очки Бландины. Солнце еще очень яркое, хотя с востока наплывают облака.

— Я замечаю это каждый раз, когда она со мной на ферме. У нее лицо светится, словно от какой-то внутренней энергии. С годами я научился распознавать это, вы понимаете? Я никогда не верил в духовное общение, во все эти глупости, но я верю в силу любви. И сегодня — еще больше, чем раньше.

Франсис Бапом с улыбкой кивает, потом останавливается и опирается ладонями на бетонный забор, отделяющий территорию центра от пляжа. Бесконечный чистый диск моря простирается до горизонта.

— И вы правы, что верите. Потому что я уверен — сегодня в это верит и Бландина. И если у нее не получается общаться с вами посредством век, она делает это сердцем. Она живет, чем любой из нас.

Бапом разворачивает Бландину лицом в сторону моря.

— Я врач, Клод, и лучше, чем кто бы то ни было, знаю, что тело — это всего лишь конструкция, состоящая из органической материи, внутренностей, костей. Человек умирает оттого, что его мозг прекращает работать. Это биологический, химический процесс, душа тут совершенно ни при чем.

Клод дружески улыбается — врач хорошо знает его улыбку.

— Будьте осторожны, вы говорите с католиком.

— А вы — с врачом. И я знаю, что, пока мы живы, наш мозг обладает феноменальной способностью адаптироваться и компенсировать увечье за счет механизмов, объяснить которые наука сегодня просто не в состоянии. Изображения, полученные с помощью ядерного магнитного резонанса, показывают, что у некоторых больных с синдромом «запертого внутри» имеются области мозговой активности, не характерные для любых других людей, и значение этих областей пока неизвестно. Телепатия? Усиление сенсорных способностей? Бессознательные проявления? Кто знает, какие сокровища скрыты в этих «мертвых областях»! Бландина — совершенно особое существо, она продолжает развиваться, потому что мы живем рядом с ней и проявляем к ней внимание. Вот что самое важное.

— Каждый раз, когда я смотрю на это спокойное море, я думаю о Бланине, о спокойствии ее духа, — вздыхает Клод. — Мы-то — все в бурях... — Потом он смотрит на часы: — Думаю, надо идти. Пора в машину — и домой.

— Вы все правильно делаете, Клод. Это так хорошо после всех этих лет...

— Она — моя жена. Без нее я ничто.

Он наклоняется к Бланине, снимает с нее очки и уголком носового платка вытирает соленую капельку, жемчужиной катящуюся по ее щеке.

— Грустно говорить, но ее несчастье еще больше сблизило нас.

Они поворачиваются и идут к центру. Дойдя до парковки, Клод складывает вещи Бланины в багажник и удобно устраивает жену на пассажирском сиденье. На колени ей он кладет тюльпаны.

Тронувшись с места, он высовывает руку в окно, долго машет Франсису Бапому, а после первого поворота смотрит на жену.

— Я только что из больницы. Наша славная Доротея два раза ткнула меня ножом в грудь. И все из-за проклятого психиатра.

На протяжении всего пути он не произносит больше ни единого слова.

Его лицо становится еще более напряженным, когда он замечает грузовичок перед фермой. Остановившись у коровника, он решительно выходит из машины. Алиса бросается к нему, а Фред стоит сзади, облокотившись о капот. Клод кивает в его сторону:

— Не успела уехать отсюда и уже связалась черт знает с кем?

Алиса видит в машине мать. Однако глаза отца, холодные как камень, притягивают ее взгляд.

— Ты можешь мне объяснить вот это?

Она показывает пальцем на кучу земли в глубине сада. Клод Дехане сжимает кулаки. Он отворачивается и занимается женой. Осторожно берет Бландину на руки и идет к ферме.

— Уходи, Алиса.

Молодая женщина на мгновение растерянно замирает, потом бежит за ним, но дверь захлопывается у нее перед носом. Замок защелкивается. Алиса колотит в дверь:

— Ты должен объяснить мне, что произошло! Почему ты лгал мне больше десяти лет? Почему ты делал все, чтобы я не выздоровела? Зачем тебе все это понадобилось?

Фред подходит к ней и тоже стучит:

— Месье? Мне кажется, что...

Дверь резко распахивается. В лоб Фреду упирается ствол ружья.

— Знаешь, что это такое, а? Это «экспресс беттинзоли», мой отец ходил с ним на кабанов. Один выстрел — и голова вдребезги. Хочешь, чтобы я попробовал на тебе? Убирайтесь отсюда оба!

Фред сжимает руку Алисы, и они, пятясь, уходят.

Грузовичок резко трогается с места. Фред побелел как полотно.

— Ноги моей здесь больше не будет, Алиса. Никогда, поняла?

Алиса чуть не плачет. Она держит в руках фотографию сестры.

— Поедем к нашему семейному врачу. К этому мерзавцу, который подписал свидетельство о ее смерти.

Она смотрит на далекий холм.

— Или сначала к Мирабель... Может быть, она сможет дать мне ответ. Остановись.

Фред жмет на тормоз. Алиса открывает дверцу, колеблется. Мирабель живет довольно далеко, надо идти через поле.

— Тут идти километра два или три. Подождешь меня здесь, ладно?

— Как я могу тебя ждать после того, что случилось?

Он закрывает машину и догоняет ее. Алиса бежит к холму, указывая пальцем куда-то вперед. Дом Мирабель выглядит крохотной точкой на горизонте.

— Отец говорил, что Мирабель живет там.

— Ты там никогда не была?

— Никогда. А зачем мне было туда ходить? Сегодня у меня есть хороший повод. Может быть, Мирабель знает правду о моей сестре.

Молодая женщина взбегает на пригорок, слева обходит кладбище и идет по грязи в сторону леса. Фред, задыхаясь, следует за ней. Идти тяжело, на обувь налипла глина. Примерно через полчаса они подходят к

дому. Ставни разбиты, краска облупилась. По осыпающемуся фасаду вьется плющ.

Алиса поднимает глаза и в ужасе отступает.

Окна заложены кирпичом.

Она понимает, что стучать в дверь бесполезно.

Потому что здесь никто не живет. И уже очень давно.

Сидя в машине, не отрывая глаз от экрана своего ноутбука, Жюли жадно поглощает сэндвич с тунцом, который не успела съесть днем. Ее мысли по-прежнему заняты Грэхемом, его личной трагедией. Подключившись к беспроводной сети клиники, она выходит в интернет и набирает в поисковой строке Гугла слова «дорожная авария», «Грэхем», «психиатр». Затем нажимает кнопку «Найти». Открываются несколько ссылок. Все они выводят ее на архив газеты «Буа дю Нор». Жюли нажимает еще раз и оказывается на странице, где запрашивают логин и пароль. Не задумываясь, она хватается мобильный телефон. Не прошло и пяти минут, как знакомый журналист сообщает ей необходимые данные для входа на сайт.

Она кладет сэндвич на пассажирское сиденье и, не отдавая себе отчета в своих действиях, закуривает. Еще мгновение, и она заходит на сайт газеты, доступный только для зарегистрированных пользователей. Вверху страницы — фотография разбитой машины у подножия утеса. Жюли чувствует, как по телу пробегает дрожь.

И вот статья, датированная июлем 2003 года:

ДРАМА НА МЫСЕ БЛАН-НЕ

В среду, в 21 час 30 минут, ужасная катастрофа унесла жизни матери, Анны Грэхем, и двух ее детей, Евы и Артюра. Авария случилась, когда они возвращались домой после посещения ежегодного фестиваля цветомузыки в Виссане.

Возле мыса Блан-Не, на департаментском шоссе Д940, ехавший навстречу автомобиль внезапно изменил траекторию движения, что вынудило Анну Грэхем совершить маневр, оказавшийся роковым. Ее машина свалилась с обрыва и разбилась на берегу моря.

Местная жандармерия начала расследование, чтобы точно установить все обстоятельства происшествия.

Первые данные указывают на то, что в момент аварии управлявшая вторым автомобилем Жюстина Дюмец, двадцати четырех лет, уроженка Вимрё, разговаривала по мобильному

телефону. Потрясенная случившимся молодая женщина немедленно связалась со спасателями. Потом она утверждала, что включила громкую связь, но к настоящему времени подтвердить это не удалось.

Дополнительный удар для супруга погибшей, психиатра из Бре-Дюн Люка Грэхема: найти удалось только тела двух его детей, находившихся на заднем сиденье. Есть все основания полагать, что тело матери было унесено в открытое море течением, которое в этом месте особенно сильно. Поиски затруднены ввиду крайне неблагоприятного прогноза погоды.

Расследование, как ожидается, будет долгим и трудным, и власти проявляют большую осторожность. В настоящее время Жюстине Дюмец, которую сразу же лишили водительских прав, грозит условный двухлетний срок за непредумышленное убийство.

Независимо от результатов расследования, эта ужасная трагедия возвращает нас к обсуждению проблемы использования мобильных телефонов за рулем.

О. Т.

Жюли со вздохом проводит ладонями по лицу. Ее окутывает дым сигареты. Узнать среди ночи о гибели жены и детей, мгновенно утратить смысл жизни... Жюли испытала такое же чувство пустоты, когда ушел Филипп. А ведь он-то не умер.

Она читает другую статью, датированную следующим месяцем. Из нее она узнает, что Жюстина Дюмец получила лишь короткий условный срок.

Измученная сотрудница социальной службы выключает свой компьютер. Теперь она лучше понимает, почему Грэхем превратился в того, кем стал, в трудоголика, получающего подпитку от больных душ своих пациентов. Внешний мир не пощадил его. Вот он постепенно и запер себя в психиатрической больнице. Чтобы уже никогда не выйти оттуда.

Фред останавливает машину на вымощенной булыжником улице Арраса, неподалеку от пожарной каланчи, и поворачивается к Алисе:

— Уверена, что все будет в порядке? Если хочешь, я...

— Я скоро, ладно? Все будет хорошо. Мирабель могла переехать, но он-то уж точно никуда из своего кабинета не денется.

Алиса выходит и исчезает в переулке. Дорога, идущая в гору, погружена в полумрак. Солнце уже садится. Она переходит на другую сторону и оказывается перед доской, на которой золотыми буквами написано имя ее бывшего врача. Ступеньки слева ведут к другой, намертво заколоченной полуподвальной двери. Это выход к обширным подземным галереям, связывающим между собой подвалы торговых складов. Знаменитые каменоломни Арраса.

Алиса нажимает ручку тяжелых ворот и попадает в узкий проход между двумя кирпичными стенами. В конце прохода — еще одна дверь, она поспешно толкает ее. Здесь очень тихо, шум города не слышен. В этом месте у нее стынет кровь.

Она проходит еще немного вперед. В приемной ждут люди. Сколько раз она приходила сюда с отцом? Она помнит все обследования, помнит, как ее лечили от хронических заболеваний — ангин, отитов, ринофарингитов, — которыми она страдала в детстве. Она помнит и бесчисленные проглоченные таблетки, лекарства, которые не давали ей жить нормальной жизнью, отделяли от мира, вынуждали пропускать школу «по болезни».

Не раздумывая, не заботясь о том, что подумают другие люди, Алиса без стука входит в кабинет. Ее бывший врач сидит за столом напротив пациентки, записывающей его рекомендации. Густая черная борода, маленькие глазки, которые при виде ее чуть не вылезают из орбит. Доктор вскакивает с места:

— Алиса?

— А кого вы ждали? Доротею?

Доктор извиняется перед пациенткой. Та прекращает писать, неодобрительно смотрит на Алису и выходит. Доктор Данби снова садится к столу, опирается подбородком на сжатые кулаки.

— Как ты себя чувствуешь?

— Как я себя чувствую? Как человек, который только что обнаружил,

что его сестра, умершая десять лет назад, скорее всего жива!

Она думала, что доктор будет потрясен куда больше, но он почти не реагирует на эту ошеломляющую новость.

— Ты уже самостоятельно обнаруживаешь кое-какие детали и принимаешь их, а это означает, что тебе лучше.

— Как это лучше? Господи, да вы же засвидетельствовали смерть Доротеи! Я видела документ своими глазами! Доротея Дехане, умерла двадцать девятого сентября тысяча девятьсот девяносто седьмого года от перелома основания черепа, несовместимого с жизнью! Что это значит?

Алисе кажется, что на лице доктора промелькнуло выражение жалости.

— А почему ты уверена, что этот документ не фальшивка, сфабрикованная твоим отцом? Ты когда-нибудь видела, чтобы люди хоронили своих детей в глубине собственного сада?

— Мой отец хотел, чтобы Доротея осталась рядом с ним, и мама тоже хотела бы этого. Он в порядке исключения получил разрешение от префекта Па-де-Кале, и...

— В порядке исключения... Ну конечно... Тоже фальшивка. Мы с твоим отцом сделали все это ради тебя, Алиса. Чтобы тебе стало лучше.

— Чтобы стало лучше? Но...

— Алиса... Ты же знаешь, что мы с Клодом — старые друзья. У нас с ним много общего, твой отец — исключительный человек, очень образованный, но очень много перестрадавший из-за своей репортерской работы, в частности в Ливане. Ты помнишь, как мы все вместе замечательно проводили время вечерами на ферме? Летом, когда мы подолгу сидели в саду под открытым небом? А наши вылазки на охоту? Боже мой, я в жизни не видел такого охотника. Я восхищался им, ты же знаешь...

Алиса чувствует, что ей необходимо сесть. Если она останется на ногах, ей станет плохо.

— И что? К чему вы все это говорите?

— Твой отец любит тебя больше всех на свете. Гораздо больше, чем любой другой человек способен любить своих детей. Всю жизнь его преследует страх, и этот страх мучит его по сей день.

— Чего он боится?

— Потерять тебя. Боится, что ты поранишься, ведь ты всегда была такой хрупкой. Боится, что ты окажешься в заведении, где он сможет видаться с тобой только в присутствии врачей. — Он встает, идет к окну, смотрит на крыши домов. — Так вот, он часто просил меня о каких-то

мелких услугах. По его просьбе я освобождал тебя от занятий в школе чаще, чем любого другого больного, при малейшем недомогании. Я запретил тебе заниматься спортом в детстве.

— Но у вас не было такого права! Это не давало мне возможности общаться с другими детьми, и пропасть между мной и ими становилась все глубже.

Доктор Данби снова садится в кресло, его бесстрастное лицо странно блестит на свету.

— Что касается Доротеи... Ей следовало исчезнуть из твоей жизни. Она причиняла зло и тебе, и твоему отцу. Она могла разрушить вашу жизнь.

Алиса подходит к столу.

— Скажите мне правду, доктор. Прошу вас.

Он сжимает губы.

— Я не могу. Не хочу помешать работе твоего психиатра.

Новый удар. Алисе начинает казаться, что вся ее жизнь была сплошным маскарадом.

— Вы знаете доктора Грэхема?

— Конечно. Он приходил ко мне, когда только начал тобой заниматься. Когда он четко разъяснил мне свои выводы, я был потрясен.

Он вздыхает. В его вздохе слышится сожаление.

— Люк Грэхем просил меня в случае, если ты сама докопаешься до истины, ничего тебе не рассказывать. Несмотря на... ошибки, которые я, быть может, допустил в отношении тебя, я помогаю ему чем могу, мы регулярно общаемся... То, что у тебя происходят какие-то изменения, тебя чаще посещают кошмары и ты открываешь для себя невозможное, является частью твоего лечения. Ты на пути к выздоровлению, Алиса.

Алисе хочется кричать. Все окружающие обманывают ее, играют с ней.

— Вы знали, что со мной не все в порядке! Мои черные дыры, мои...

— Я уже очень давно предложил твоему отцу направить тебя к психиатру. Он сказал, что не перенесет, если ты уедешь. Что он покончит с собой. Он не шутил, Алиса. Он говорил вполне серьезно.

— Но... Что же вы за врач?

— Очень плохой врач, в этом нет сомнений. А теперь тебе надо отсюда уйти.

Алиса встает и, дрожа, пятится к двери. Ей кажется, что над ней смыкаются створки какой-то раковины, они душат ее. Выражение ее глаз меняется.

— Вы... Вы все еще пытаетесь мною манипулировать, вы всегда это делали. Вы... хотите окончательно свести меня с ума. Вы, мой отец, доктор Грэхем.

— Это твоё психическое состояние, защитные механизмы, таящиеся в тебе, заставляют тебя говорить подобные вещи. Вы с Грэхемом скоро достигнете цели. Я знаю, что он делает для тебя, он хорошо работает... Потерпи еще немного, Алиса.

Алиса чувствует, что её разум слабеет, все связи рвутся одна за другой. Голос врача — низкий, серьезный — громом отдается в ушах.

— Я уже довольно наслушалась! Вы мне отвратительны! Вы мерзавец! Доктор качает головой:

— Ты скоро поправишься, Алиса...

Она поворачивается, бежит через кабинет, приемную, узкий проход. И исчезает на улицах Арраса...

За молчанием Бландины Дехане...

«Меня держат в заложницах. Каждую секунду каждой минуты я чувствую дуло револьвера у виска, и палач жмет, жмет, жмет на спуск, но ни одна пуля так и не вылетает. Господи, сделай так, чтобы наконец прозвучал выстрел... Если на один день, хотя бы на один день, на одну минуту, на одну секунду одна из моих шестисот безвольных мышц даст мне возможность выразить мои мысли, все мое существование, все, что осталось во мне живого, я смогу уложить это в три слова.

Я хочу умереть.

С момента моего заточения прошло пятнадцать лет, и ничего не изменилось. Пятнадцать лет я повторяю те же слова. Услышь мою молитву, Господи, единственную молитву, с которой я когда-либо обращалась к Тебе. И позволь мне уйти, позволь мне забыть то, что видели мои глаза. Сжался».

Клод Дехане аккуратно зачесывает назад волосы жены, длинные светлые пряди доходят до первой пуговицы ее красивого синего платья. Инвалидное кресло с опорой для шеи и подбородка поблескивает под светом кухонной лампы. Клод внимательно, не спеша, повторяет один и тот же жест. Он выключил телевизор, погасил все остальные лампы, закрыл двери, и теперь ферма погрузилась в тишину, нарушаемую только шуршанием щетки, когда он проводит ею по голове жены. Шуршание, навязчивое, бесконечное, гипнотизирующее шуршание.

Бландина может раз в неделю на два с половиной дня уезжать из центра домой, и это случилось благодаря стараниям ее врача и ее мужа. Физиотерапевт Франсис Бапом сделал невозможное и научил Бландину дышать, глотать, пить и есть без помощи аппаратов при условии, что ей кладут в рот протертую пищу. А супруг, проявивший беспримерную заботу, терпение, понимание, тоже, несомненно, способствовал улучшению ее состояния. Конечно, лишь относительно. Спустя более пяти тысяч дней Бландина по-прежнему неподвижна как фонарный столб и совершенно неспособна общаться даже движением век. Никто не знает, что она чувствует и в каком состоянии пребывает ее рассудок.

Но она-то знает!

И Клод тоже знает.

Щетка все сильнее вжимается в неподвижную голову, под кожей

которой живут миллиарды нервных клеток. Каждая мысль Бландины, каждое действие, производимое с ее телом, каждый обращенный к ней взгляд отражаются на функциях и даже на структуре ее мозга, способствуют выделению гормонов, вызывают цепные реакции, в результате которых она испытывает тоску, боль, одиночество. Редко — радость.

Внезапно Клод останавливается и нежно целует ее в губы. Осторожно положив щетку на колени жены, он расстегивает свою рубашку. Кончинами пальцев он сдвигает повязки и обнажает свежие шрамы с розовыми краями.

— Почему она причинила мне такую боль? Что я сделал, чтобы заслужить такое? Ты можешь мне сказать, а?

Долгое молчание.

Клод берет стакан с чаем.

— Попей... Я заварил садовую мяту.

За его спиной раздается какой-то шум, и он вздрагивает.

— Мирабель...

Молодая женщина входит в комнату, встает перед инвалидным креслом и улыбается. Не очень искренне.

— Добрый вечер, Бландина. Надеюсь, вы хорошо себя чувствуете. Рада видеть вас.

Она гладит больную по щеке тыльной стороной кисти.

— На этой неделе было много работы. Все одно и то же, вы же знаете, каково это — жить в деревне, тут мало кого увидишь. А после того, как старик умер, — так еще меньше. Но, как говорится, надо крутиться. Сегодня мне пришлось перетаскать чуть не тонну цемента. Мешки по тридцать пять кило — и все руками.

Она поворачивается к Клоду:

— Я просто хотела с тобой поздороваться, вот и все. И помочь тебе с Бландиной. Ты ее уже помыл? Если нет, я этим займусь. Мне нравится ее мыть.

— Все уже сделано. Но если хочешь, можешь помочь мне уложить ее. У меня еще болит грудь.

Вдвоем они бережно переносят Бландину на кровать. Клод удобно устраивает ее голову на подушке, укладывает руки вдоль туловища. Потом, когда он выходит в ванную комнату, Мирабель гладит Бландину по лбу и улыбается ей.

— Ты настолько красивее меня...

Ей кажется, что Бландина совсем не постарела с тех пор, как она стала

приходить в этот дом. Она выглядит такой же сильной, какой была в тридцать лет. Морщины словно бы пощадили ее лицо с мягкой бархатистой кожей. Возвращается Клод в старой зеленой пижаме.

— Хорошо, что ты зашла, Мирабель.

— Могу остаться, пока ты не заснешь, если хочешь.

Мирабель бросается на матрас, откидывает назад волосы и трет покрывало ладонями, чтобы согреть его. Клод хватается за запястье.

— Все в порядке, спасибо. Мне не нравится, когда ты гуляешь в такое время. Можешь идти домой.

Он ложится возле жены. Мирабель берет Бландину за руку, осторожно массирует ее.

— Ты думаешь, ей от этого хорошо?

Клод улыбается, прижавшись головой к плечу Бландины, его правая рука гладит ее длинные светлые волосы.

— Я уверен.

Клод смотрит в потолок широко раскрытыми глазами. Указательным пальцем он водит вдоль ровных линий швов на груди.

— А теперь уходи, Мирабель. Я хочу остаться наедине с женой.

Мирабель целует его в щеку. Клод вымученно улыбается. Потом делает глубокий вдох, гасит свет и закрывает глаза.

В квартире Алисы совсем темно. Молодая женщина сидит в кресле, рядом горит маленькая лампочка. Фред заканчивает говорить по телефону. Потом возвращается к ней с листком бумаги в руке.

— Для тебя есть полезная информация. Твой Люк Грэхем работает в Клиническом центре в Лилле. Не хочет отвечать на твои звонки? Не страшно. Завтра поедем туда к восьми, застанем его врасплох, и пусть только попробует не ответить!

— А он точно там работает?

— На сто процентов. Грэхем вкалывает в клинике Фрейра все то время, когда не ведет прием в своем кабинете в Бре-Дюн, то есть большую часть времени. Найти было несложно, буквально два-три звонка. Простая логика.

Алиса краснеет и в конце концов улыбается. Фред подходит и обнимает ее.

— Вот такую женщину я хочу видеть почаще. А не ту, которая то и дело убегает.

— Еще раз прости меня за то, что было.

— Ну, ждать я привык. Конечно, то, что ты заставила меня торчать в Аррасе за семьдесят километров от моего дома, мне понравилось чуточку меньше. И главное, я за тебя волновался.

— Понятия не имею, что на меня нашло, я...

— Ну давай пока что отнесем это за счет твоих черных дыр.

Он встает, указывает на диванчик:

— Если хочешь, я могу остаться на ночь. Отлично выплюсь на диване.

— Я думаю, что... Нет, еще слишком рано. Я боюсь... что буду с тобой, а в то же время — в другом месте. Ты меня понимаешь?

Фред поправляет свою бандану.

— Да, конечно. Вернее, наполовину.

Алиса подходит поближе, обнимает его:

— Не сердись на меня.

Он обхватывает ладонью ее затылок:

— Я потерплю, я дам тебе столько времени, сколько понадобится. Потому что, кажется, в моем сердце что-то происходит...

Он уходит и исчезает в коридоре.

Алиса тихонько прикрывает за ним дверь.

Она переживает одновременно самый худший и самый лучший момент в своей жизни.

Рано утром в субботу, когда Люк Грэхем приезжает в клинику Фрейра, на парковке уже стоят несколько машин. Ночная смена дорабатывает последние часы, в коридорах взрослого и детского психиатрических отделений тихо. Но не пройдет и двух часов, как помещение заполнится коллегами и первые пациенты придут на прием, чтобы поделиться мыслями и вопросами, теснящимися у них в мозгу.

Люк нервно выключает мотор своего внедорожника, но не решается выйти. Он еще может развернуться. Еще не поздно все остановить. Поразмыслив несколько мгновений, он все-таки выходит из машины.

Действовать быстро...

Через две минуты он вешает пальто на вешалку в кабинете, надевает халат и трет щеки. Он бледен как мел.

Ад.

Он нашел радикальное решение проблемы кататоника. Приехать в больницу намного раньше остальных, заглянуть в шкаф с медикаментами, от которого у него есть ключ, и ввести больному калий через капельницу. Если обставить все правильно, подделать несколько бумажек и обойти кое-какие процедуры, ему удастся избежать вскрытия. Ну а на худой конец, он хорошо знаком с судмедэкспертом.

Главное — чтобы все получилось, как он задумал.

Люк делает глубокий вдох и выходит из кабинета. Он идет по коридорам, быстро спускается в процедурную, открывает своим ключом шкаф, берет ампулу калия и кладет ее в карман. Замечает, что у него сильно дрожат руки.

Он не верит, что сможет выполнить задуманное, но тем не менее продолжает. Теперь — в палату А11. Психиатр знает наизусть все механизмы функционирования клиники, все ее внутренние системы. Сначала к больным заходят медсестры, потом делают обход сиделки, каждые два часа проводятся проверки, а между ними — огромные промежутки, во время которых любой человек в белом халате может делать все, что ему заблагорассудится.

Он смотрит направо, налево, заходит в палату, стискивает зубы и бесшумно прикрывает за собой дверь. При виде женской фигуры в углу комнаты у него едва не случается инфаркт.

— Доктор Грэхем?

Люк глупо улыбается, прижав руку к сердцу.

— О господи боже мой, Жюли! Что вы тут делаете?

Сотрудница социальной службы ерошит свои светлые волосы. Она выходит из состояния, которое не имеет ничего общего со сном, скорее это борьба за то, чтобы не уснуть. Наклоняет голову и медленно потягивается, а потом надевает скинутые туфли на каблуках.

— Простите меня... М-м-м... Мне пришлось разбираться с... двумя случаями уже ночью, потом... я немного пообщалась с дежурным психиатром в Салангро. И потом оказалось, что уже четыре утра... Ой, как тяжело... А что с вашим лицом?

Люк подносит руку к носу, стараясь казаться спокойным, но на самом деле он близок к обмороку. Она смертельно напугала его.

— Ах, это... Просто стукнулся. Скажите, а почему бы вам не отправиться домой?

Она сдерживает зевок.

— Обещаю вам, как только немного распутаем это дело, я лягу в койку дня на три.

Люк научился загонять эмоции глубоко внутрь, научился ничего не показывать. Чувствуя себя на грани нервного срыва, он подходит к спящему больному. Через катетер в вену на руке поступает снотворное. Люк незаметно вынимает из кармана халата ампулу с калием и осторожно перепрятывает ее во внутренний карман пиджака. Потом поворачивается, проверяет лист назначений, прикрепленный к изножью кровати. Только бы проклятые руки перестали дрожать!

— Если больница посягает на ваш сон — это дурной знак.

— Вы об этом знаете не понаслышке, а?

Люк закрывает капельницу. Жюли подходит к нему.

— Я знаю, что случилось с вашей семьей. Страшная авария на мысе Блан-Не. И Жюстину Дюмец отпустили.

Люк сжимает кулаки. Потом оборачивается и смотрит ей прямо в глаза. Он сердит на нее за то, что она пришла сюда, но в то же время он почти благодарен.

— В таком случае вы понимаете, что у нас с вами нет никакого будущего.

Холодный, жесткий голос. Как удар в лицо. Жюли пожимает плечами:

— Убежать, спрятаться за спинами больных — это гораздо проще, чем встретиться с действительностью лицом к лицу.

— С действительностью? С какой действительностью? Вам не приходит в голову, что в этих стенах я как раз и имею дело с

действительностью? Вы хотя бы знаете, в чем состоит большая часть моей работы здесь, в больнице?

— Насколько мне известно, вы работаете с психическими травмами?

— Да, с психическими травмами. С событиями настолько сильными и жестокими, что они ломают психику, оставляя в ней жгучие воспоминания, которые начинают действовать как инородные тела, как не поддающиеся разрушению сгустки. Эти больные — не такие люди, как мы с вами, они зомбированы, их души заблудились во мраке и отделены от тела, которое при этом остается на свету. Оставить этих людей за дверью — это значит согласиться с тем, что их поглотят сумерки, что сгустки в конце концов закупорят жизненно важную артерию. Психиатрия, как я ее понимаю, состоит не в том, чтобы просто выписывать рецепты на лекарства, сидя за лакированным столом. Дело в том, что никаких рецептов нет. Иначе кто угодно мог бы взять *«Руководство по диагностике и статистике душевных расстройств»*, сесть на мое место и делать мою работу.

Люк покраснелся, на губах выступили пузырьки пены. Жюли Рокваль не узнает его. Что случилось с простым и достойным человеком, с которым совсем недавно они вместе ели спагетти? Она пытается успокоить его. Совершенно ясно, что он перенервничал.

— Хотите кофе?

Люк знает, что она не отстанет от него, что бы он ни делал, что бы ни сказал. Он в ловушке.

— Нет, спасибо. Я всю ночь на кофе. А вы выпейте.

— Не буду врать, я примерно в той же ситуации, еще немного — и передозировка. Ну что, приступим?

— Приступим к чему?

— Да к вашему тесту с ривотрилом, черт возьми! Сделайте мне приятное, давайте с этим покончим, и я смогу уйти спать.

Ему не выкрутиться. Жюли прекрасно осведомлена о всех нюансах процедуры. Люк должен вызвать медсестру, которая введет установленные дозы препарата и других бензодиазепинов в соответствии со строгим протоколом. Выбора нет. Любое отклонение в его поведении сразу же возбудит подозрения.

— Хорошо. Подождите меня здесь.

Пока он идет по коридору, сердце колотится все сильнее. Судьба явно решила подвергнуть его новым испытаниям, в этом он совершенно уверен.

Он возвращается с медсестрой, та несет коробочку с разными препаратами. По указанию психиатра она достает пузырек с ривотрилом, набирает полкубика в стерильный шприц и вводит лекарство в мешок

капельницы. Само собой разумеется, при этом она заносит все детали — объем, время, скорость введения — в листок наблюдения.

Когда медсестра выходит, Жюли поворачивается к Люку:

— И что теперь?

— Будем ждать, пока подействует ривотрил.

— Да, кстати, насчет ривотрила. Я тут навела справки, и... меня кое-что удивило.

— Что именно?

— Этот медикамент оказывает главным образом седативное действие. Как же он может разбудить больного, который вообще не двигается?

Люк должен любой ценой контролировать себя, выглядеть нормально. Он собирался убить человека. Человека, который рискует заговорить благодаря этому проклятому препарату.

— Этот феномен открыли десять лет назад совершенно случайно. Медсестра каждый вечер вводила это снотворное больному кататонией, чтобы тот немного поспал. Но вместо того чтобы спать, больной в течение получаса после инъекции пребывал в состоянии дикого возбуждения. Постепенно поняли, что причиной этого возбуждения была имитация ривотрилом действия так называемой ГАМК — гамма-аминомасляной кислоты. Мозг кататоников лишен ГАМК. Говоря по-простому, роль ГАМК состоит в том, чтобы вызывать у человека стресс в хорошем смысле этого слова, способность реагировать, адаптироваться к окружающему миру.

— Если я правильно поняла, ривотрил как бы замещает ГАМК в мозгу этого человека, и он становится нормальным?

— Не нормальным. Можно сказать, что мы на несколько часов снимем с него оболочку, под которой скрывается истинное психическое заболевание. Представьте себе, что у вас дико болит голова, а вам надо решить уравнение с тремя неизвестными. Вы принимаете аспирин, чтобы избавиться от головной боли, но решать уравнение все равно придется. Сегодня наше отделение специализируется на лечении кататонии. Мы стали экспертами в этой области.

— Вы принимали участие в исследованиях?

Он оставляет вопрос без ответа и снова поворачивается к больному.

— Идите и ложитесь. Тут на этаже есть комната отдыха. Я разбужу вас, если мне удастся вытащить из него какую-то информацию.

— Лучше я останусь. Почему вы так хотите избавиться от меня? То, что происходит между нами, Люк... Это относится к личной жизни. А тут я просто делаю свою работу.

— Вашу работу? Вы — сотрудница социальной службы, а не

психиатр. По идее вам тут нечего делать. Что вас связывает с этим больным? Кстати, ваше руководство в курсе?

— Так вы решили мне хамить? Это я нашла этого человека, совершенно голого, на автобусной остановке. Я не хочу оставлять его тут одного, вот и все.

Люк склоняется над кроватью, приподнимает больного, и тот вдруг открывает глаза. Они похожи на два прозрачных голубых камня, очень тяжелых, в них нельзя прочесть никаких чувств. Из горла у него вырываются короткие хрипы, как будто он хочет выкрикнуть какое-то слово. Он двигает головой, съеживается, выгибается дугой, потом раздвигает ноги, кладет руки между ляжками.

Люк массирует кисти рук больного, сгибает ему руки и ноги, и постепенно тот начинает оттаивать. Голова понемногу поворачивается, губы раздвигаются, смыкаются, он пытается делать какие-то жесты.

— Это невероятно, — шепчет Жюли, не вставая со своего стула. — А когда он в состоянии кататонии, он в сознании? Я хочу сказать... Вы же слышали о синдроме «запертых внутри»? Люди словно замурованы внутри собственного тела, но при этом полностью сохраняют интеллект. С ним то же самое?

Люк не отвечает. В его голове звучит голос, лежащий перед ним пациент двигается, кривит губы, открывает рот, хриплый голос произносит: «Жандарм Бюрло, пятьдесят семь килограммов, метр девяносто. Пропал более трех лет назад. А вы, вы, ненормальный психиатр? Кто вы такой? И почему вы пытаетесь меня убить, а?»

— Люк? Люк?

Он трясет головой, его зрачки сужаются.

— Э-э-э... Синдром «запертых внутри»... Э-э-э... Да, в самом деле, можно и так сказать. Даже если кататоники хотят пошевелиться, то не могут. Во всяком случае, в самых тяжелых случаях вроде этого. Потому что кататонию не так легко выявить. И...

Люк говорит не думая, произносит какие-то банальности, но в душе он молит, молит Бога о молчании, о безумии, о деменции, о выраженной шизофрении. Он надеется, что имеет дело с совершенно свихнувшимся человеком. Теперь больной возбудился по-настоящему, он двигается на кровати, бьется затылком о стену. Потом, очень быстро, он поджимает ноги к животу и сворачивается клубком, прижавшись лбом к коленям. Жюли хочет подойти, но Люк протягивает руку, требуя, чтобы она оставалась на месте. Он повышает голос. Говорит ясно, повелительно:

— Месье? Вы в больнице, в безопасности...

Молчание.

— Я доктор Грэхем. Вы слышите меня?

Мужчина дрожит. При каждом слове, при каждом слоге по его затылку пробегает судорога, словно это не слова, а удары палкой. Люк пытается положить руку ему на плечо, но мужчина вскакивает и забивается в угол комнаты, опрокинув по дороге капельницу. Он подбирает листок бумаги и комкает ее в шарик. Жюли медленно подходит к нему и говорит как можно спокойнее:

— Если вы не хотите, чтобы мы прикасались к вам, мы вас не тронем, обещаем. Но знайте, что здесь вам нечего бояться и что мы хотим только одного — помочь вам.

В тот момент, когда больной поднимает голову, Жюли чувствует, как кто-то сжимает ее запястье. Это Люк, он перескочил через опрокинутую капельницу и тянет ее в сторону.

— Психиатр здесь я, договорились? Мы тут не в приюте для юных самоубийц! Либо не мешайте мне, либо уходите! Вы не понимаете — что бы вы ни...

Его прерывает шепот. Больной, стоя на коленях, воздев глаза вверх, пытается что-то прошептать. Люк и Жюли осторожно приближаются к нему. У Бюрло желтые зубы, некоторые испорчены. Он бормочет:

— Через пять дней... смерть... Пять дней, пять...

Люк чувствует на своем затылке горячее дыхание Жюли, и его снова охватывают воспоминания о жене, они убивают, давят его. Он сжимает челюсти и старается сосредоточиться на своей задаче. Заставить ее поверить, что он задает правильные вопросы, но не затрагивать самое главное. Молиться, чтобы живой труп не раскрыл никаких тайн.

— Какая смерть?

Мужчина как-то странно смотрит на бумажный шарик, по его телу, подобно электрическому разряду, пробегает дрожь.

— Уберите этот мужской голос! Уберите, уберите!

— Почему? Вас раздражает мужской голос? Вы...

Иссохшие руки прижимаются к ушам, лицо искажается гримасой. Люк встает и обращается к Жюли:

— Этот человек запуган, судя по всему, он пережил тяжелую травму, в том числе телесную. Нельзя терзать его дальше. Одному богу известно, как его организм среагирует на такой резкий выход из состояния кататонии.

Жюли не слушает. Потрясенная пугающим и захватывающим зрелищем, она в свою очередь опускается на колени.

— Месье? Как ваша фамилия? Бланшар? Это ваша фамилия?

Люк снова хочет отстранить ее, но она не дается. Он с силой сжимает ее руку, она отбивается.

— Грэхем, вы делаете мне больно!

Люк отпускает ее. Больной смотрит на нее, почесывая щеку.

— Когда... Когда появляется чудище, тогда... тогда и смерть.

Она с интересом поворачивается к нему:

— Какое чудище?

Бюро реагирует на голос Жюли, его лицо смягчается, мышцы расслабляются. Внезапно он успокаивается. Прежде чем снова обратиться к больному, Жюли обменивается понимающими взглядами с Люком. Она старается говорить еще медленнее:

— Меня зовут Жюли Рокваль, я приехала из Бетюна. А вы знаете, откуда вы приехали? Вы помните, как вас зовут?

Люк, стоящий за ней, чувствует, что его прошибает пот. Сейчас все решится. Может быть, Жюли все выяснит. Он смотрит на ее затылок. Достаточно было бы сжать ей шею руками и давить, давить... Он трясет головой, он уверен, что сходит с ума.

Жюли вынимает из сумки ежедневник, открывает карту Франции и подносит ее к светло-голубым глазам больного.

— Покажите мне. Покажите пальцем, где вы живете.

Мужчина словно вздрагивает, как от удара током. Не двигаясь, он смотрит прямо перед собой. Плотные сжатые губы дрожат. Пальцами правой руки он щиплет себя за ладонь левой и начинает раскачиваться. По его ногам течет моча. Жюли, скривившись, поднимается:

— Фу, гадость...

Люк с облегчением прикрывает глаза, еще никогда он так не радовался при виде обмочившегося больного. Он кладет руку на спину Жюли, подает ей сумочку и уверенно подталкивает к двери.

— Теперь доставьте мне такое удовольствие — идите домой и ложитесь спать. Вы же видите? Психиатрия еще не научилась творить чудеса. С этим больным предстоит огромная работа.

— Но что же с ним должны были сделать, чтобы он впал в такое состояние?

— Скорее всего, что-то малоприятное. И мне предстоит выяснить, что именно.

Молодая женщина усталым жестом накидывает ремень сумки на плечо.

— Вы обещаете позвонить, если что-то узнаете? Имя, город, что угодно?

Люк снова улыбается одними губами:

— Обещаю...

— Люк... Между нами говоря, я...

— Потом, Жюли. Потом.

Он смотрит, как она идет по коридору, и чувствует, что у него уже не осталось сил. Возвращается в палату А11, закрывает дверь, прислоняется к стене и медленно переводит дух. Теперь его глаза вспыхивают каким-то черным огнем, он стискивает челюсти. Потом подходит к кататонику, который постепенно приходит в себя, рассматривает потолок, стены, свои руки, словно новорожденный. Больной встречается глазами с Люком.

— Бюрло! — восклицает он шепотом. — Моя фамилия — Бюрло! Бюрло! Надо сказать этой женщине. Надо сказать!

— Заткнись!

Люк хватается за руку, стискивает ее. Потом подтягивает пальцы кататоника к своему лицу, с силой проводит его ногтями по своей щеке.

Он наклоняется к уху Бюрло.

— Подумай о чуде! Думай о нем! Оно придет за тобой и убьет!

Бюрло вырывается и кричит, входит медсестра. Хотя жандарм совсем истощен, Люку с трудом удается удерживать его. Они начинают бороться.

— Теркан внутримышечно, быстрее! Он сильный, зараза, он мне лицо исцарапал!

Медсестра выбегает. Бюрло отбивается изо всех сил. Люк садится ему на грудь и хватается за запястья.

— Бюрло! — кричит больной. — Бюрло! Бюрло!

Психиатр пытается зажать ему рот: черт возьми, этот безумец вспомнил свое имя! Вопли становятся нечеловеческими. И вдруг — боль от укуса. Люк с криком ослабляет хватку. Больной хватается его сзади за шею, бьет лбом о металлическую перекладину кровати. Второй, третий раз. Когда он, оглушенный, с трудом поднимает голову, Бюрло открывает окно и бросается вниз. Спрыгнув с высоты второго этажа, он бежит через газон, мчится к парковке, перескакивает через заборчик и исчезает за углом здания.

Вбежавшая медсестра помогает Люку подняться. Психиатр, с трудом держась на ногах, показывает на открытое окно. Его рука в крови.

— Он застал меня врасплох. Надо найти его любой ценой!

Люк, шатаясь, хватается шприцы. Потом достает мобильный телефон, звонит в приемное отделение, объявляет тревогу. Никаких специальных процедур на случай побега больного не предусмотрено, единственный способ задержать его — бежать вдогонку.

Понемногу психиатр приходит в себя и, несмотря на дикую головную боль, бежит вниз по лестнице. Навстречу выбегают два сотрудника охраны.

— В другую сторону! — кричит Люк. — Он побежал в сторону отделения судебной медицины!

Подметки военных башмаков и городских туфель стучат по асфальту. Люк видит автомобиль, стоящий посередине дороги. Он, задыхаясь, ускоряет бег. Мужчина склонился над другим, лежащим на земле.

— Что случилось?

Одно ухо у лежащего — в крови. Он ошарашенно смотрит на Люка.

— Я собирался запарковаться, и... вдруг дверь распахнулась. Какой-то... какой-то парень в пижаме вытащил меня из машины и... мать его, он откусил мне кусок уха!

Несчастный корчится, у него действительно почти оторвана мочка уха. Люк весь взмок, пот струится по спине. День превращается в кошмар. Он оступается, цепляется каблуком за тротуар, чуть не падает. Все вокруг начинает вращаться.

Он отходит, опирается на забор вокруг парковки, пытается отдышаться. Необходимо успокоиться, привести в порядок мысли, попытаться понять. Жандарм, только-только вышедший из состояния кататонии, перенесший глубокую психическую травму, невероятно озлобленный, угнал машину с совершенно четкой целью.

С какой целью?

Он не пытается убежать, нет, он хочет куда-то добраться. Сделать какое-то дело.

Отомстить.

Травма разбудила в нем зверя. После такой дозы ривотрила он вряд ли снова впадет в кататонию.

И внезапно Люк чувствует, что его словно выпотрошили. Бледный как мел, он делает шаг назад.

Он догадался... Он догадался, куда помчался его больной.

Бланшар.

Если Бюро попадет куда хочет, он может устроить настоящую, невообразимую бойню. Это будет что-то страшное.

Надо остановить его до трагедии, оставив при этом как можно меньше следов. Не сообщать в полицию. Никуда не звонить.

Люк бегом возвращается в клинику. Там царит суматоха, новость о побеге уже облетела все этажи. Психиатр с космической скоростью поднимается в свой кабинет, хватается ключи от машины, быстро накладывает стерильную повязку на руку. Мерзавец буквально вырвал из

нее кусок мяса.

Пробегая снова через приемное, он кричит:

— Он угнал машину! Наверное, ездит где-то по территории! Я буду искать!

Двойная автоматическая дверь раздвигается при его приближении. В тот момент, когда Люк садится в машину, он слышит голос:

— Доктор Грэхем?

Этот голос! Люк не верит своим ушам. Он не оборачивается, садится за руль, пытается закрыть дверцу, но безуспешно. Кто-то удерживает ее снаружи. Люк поворачивает голову. Он вот-вот потеряет сознание, он готов пустить себе пулю в лоб, разбить голову о ветровое стекло.

— Простите меня, Алиса, я... у меня нет времени, больной убежал, я должен...

Какой-то мужчина садится на заднее сиденье и захлопывает дверцу. Фред наклоняется через плечо доктора:

— Ну-ну, а мне кажется, что у вас найдется время, доктор Грэхем. Алиса, ты садишься?

Люк мрачно смотрит на него:

— Это вы саданули меня лопатой!

Алиса обходит машину и садится рядом с ним. Грэхем похож на обескровленный труп.

— Простите меня, — робко говорит Алиса, — я...

— Кончай извиняться, — вмешивается Фред. Он обращается к врачу: — Делайте что должны, но в любом случае мы едем с вами. Я — друг Алисы, а она пришла сюда, чтобы получить кое-какие ответы. Ясные и четкие.

Фред, прищурившись, смотрит в зеркало заднего вида, где отражается лицо Люка.

— Да, здорово он вас отделал, этот больной. А что случилось? Буйнопомешанный взял и сбежал?

Пробуждение.

Александр приходит в себя, быстро моргает. Один кошмар рассеивается, уступая место другому, куда более реальному. Подвалы, тюрьма, заточение.

Боль.

Болят запястья, щиколотки, мышцы, суставы, связки...

Он сидит по-турецки, связанный. Толстая пеньковая веревка, охватывающая затылок, удерживает скрещенные впереди ноги, вынуждая его оставаться в согнутом положении, в позе абсолютного подчинения. Пересохший рот заткнут тряпкой, закрепленной изоляционной лентой.

Ужас.

Он не один. Еще три человека с обритыми головами, два мужчины и одна женщина, занимают остальные углы подвала. Они тоже одеты в черные комбинезоны. Они тоже измучены усталостью, холодом, голодом, жаждой, накачаны наркотиками. Один из них пользуется особым вниманием, потому что он привязан иначе. Стоя, в полуметре от известняковой стенки. Запястья онемевших рук, поднятых над головой, зажаты в металлических кольцах, прикрепленных к свисающим сверху цепям.

Это страшно.

В центре помещения лежит свернутый и закрепленный на концах клейкой лентой кусок черного брезента. В нем угадывается человеческое тело...

Из подземелья доносится шум отодвигаемой решетки. Потом шаги. Александру удастся чуть лучше разглядеть, что его окружает. Он различает распятие, нарисованное на камне. В глубине стоят старые деревянные скамьи, разбухшие от сырости. А под списками имен — Маклорен, Томпсон, Кларкс, Натанс, — лики Христа.

Часовня... Подземная часовня.

В центре появляется фигура, человек, расставив ноги, встает над брезентовым свертком. Перед собой он кладет завязанный коричневый мешок. Мешок странным образом шевелится. На нем образуются выпуклости, впадины, внутри происходит какое-то движение.

Впервые с момента своего заточения Александр может кое-как

разглядеть своего мучителя. Он невысок, на нем просторная плотная одежда, толстая куртка, черные перчатки и капюшон.

— Следователи в ЦРУ очень любят повторять: «Если они невиновны, бейте их, пока они не окажутся виноватыми». А вы отнюдь не невиновны. В этом вся разница.

Человек в капюшоне отступает, разрезает ножом клейкую ленту, удерживающую брезент, и резким движением разматывает слои пластика. Из свертка вываливается нечто черное и твердое.

Труп человека. Окоченевший в позе зародыша, напоминающий какое-то животное.

Жюстина Дюмец на северной стороне отводит глаза, бритый человек на западе дрожит, человек, подвешенный на востоке, выглядит насмерть перепуганным. Что касается Александра... он в шоке.

И вдруг из темноты, откуда-то сзади, слышится вскрик. Короткий, как икота.

Этот крик доносится не из камер. Незнакомый женский голос.

Кажется, что истязателя внезапно охватила паника. Он быстро оборачивается и убегает в темноту. Слышны голоса, сдавленные крики, как будто кричащему зажимают рот. Там кто-то был, кто-то наблюдал за происходящим.

Потом доносится звук удаляющихся шагов.

Александр не знает, сколько времени проходит после этого. Человек появляется снова. Он встает в центр квадратного помещения и нервным жестом сжимает перед собой руки в перчатках.

— Извините, небольшая помеха... Ну так вот, наше собрание преследует весьма простую цель. Я хочу, чтобы по его окончании хотя бы один из вас подписал письмо.

И сразу же трое из четырех опускают глаза. Александр понимает, что лучше последовать их примеру, и утыкается подбородком в грудь.

Человек в капюшоне встает перед ним. Ну конечно. Ему нужен один из них.

— Перечитаем письмо для новичка? Поехали. Попрошу смотреть на меня!

Все поднимают головы. Палач разворачивает лист бумаги:

— Итак: «Я, нижеподписавшийся, господин такой-то или госпожа такая-то, находясь в ясном уме и в твердой памяти, настоящим разрешаю третьему лицу лишить меня жизни любым способом по его выбору. Смерть должна наступить в самое ближайшее время после подписания настоящего соглашения. В оставшееся до нее время я буду

получать хорошее питание и уход, включая одеяло, освещение и темноту по моему желанию».

Он складывает бумагу и кладет ее в карман.

— И разумеется, мне нужна ваша подпись. В противном случае это будет нечестно.

Он подходит к Александру и хватает его за подбородок.

— Ты меня хорошо расслышал, К.? Теперь, когда мы познакомились поближе, мы можем перейти на «ты»?

Александр, мыча, трясет головой. Как это он его назвал — «К.»? Что это значит? Что палач избавляется от одного пленника и берет вместо него другого? Что он — следующий в списке? Он никогда в жизни не подпишет свой смертный приговор! Никогда, никогда!

Палач выпрямляется, руки в кожаных перчатках сжаты в кулаки.

— Наш малыш К. хочет оказать сопротивление? Наш малыш К. думает, что может победить того, кто сильнее? Наш малыш К. хочет в очередной раз меня разозлить? А ты знаешь, что страху можно научиться? Что с помощью страха я могу сделать из тебя что захочу?

Потом он хватает Александра за локоть и подтягивает к висящему человеку.

— Посмотри на него! Он самым чудовищным образом убил мать и младенца. И никто его за это не наказал. Через неделю после этого он улыбался во весь рот и играл в гольф, а несчастный муж и отец пытался лишить себя жизни, наглотавшись лекарств. Могу сказать тебе, что теперь ему страшно!

Он возвращает Александра на прежнее место, волоча его за собой, как мешок картошки, и берется за шевелящийся мешок.

— Кто подпишет? Прошу просто кивнуть головой! Никто?

Почему? Почему он требует подписи, а сам похищает и пытается людей? Почему бы ему не поставить подпись, ведь это так просто — написать эти чертовы буквы. К чему этот маскарад? О господи... Он думает, что честен, он считает себя по-настоящему порядочным, законопослушным. Вот почему он не наносит ударов, вот почему он старается никогда не причинять боль своими руками, вот почему называет всех просто буквами. Он не хочет иметь дела с людьми, с существами, обладающими личностью.

Он подходит к подвешенному, которого называет Ж.

— Покажи на кого-нибудь подбородком.

Ж. трясет головой, опускает голову все ниже. Кажется, что его тяжелый череп вот-вот отделится от туловища. У него уже не осталось

сил, чтобы бороться с силой тяжести.

Человек в капюшоне стискивает пальцами его щеки:

— Покажи на кого-нибудь, я тебе сказал! И я отпущу цепи. Если не покажешь, я оставлю тебя висеть, пока не сдохнешь.

Александр больше не может этого выносить, он дергается, пытается разорвать веревки. Он падает на бок и хрипит через кляп: «Нет, я не умру, падаль! Делай со мной что угодно, но я никогда не подпишу твою поганую бумажонку!»

Пораженный этими неразборчивыми звуками, тюремщик оборачивается. Подвешенный человек, Ж., широко открывает глаза. Он решительно трясет головой и тоже пытается сопротивляться. Вдруг его тело напрягается, и он пятками бьет палача в голову. Тот отлетает на несколько метров назад, натывается на скорченный труп и падает.

Охваченный внезапной надеждой, Александр вновь пытается порвать свои путы. Запястья горят. Не прекращая борьбы с собственным организмом, он пытается кричать через тряпку, призывает двух других попытаться освободиться. Но они не сдвигаются ни на миллиметр. Они даже опускают головы.

Слишком поздно. Человек в капюшоне встает.

— Вы даже не представляете, что я могу сделать с вашим жалким маленьким мозгом, даже не прикасаясь к вам.

Он резко поднимает свой мешок и идет к Ж., который больше не дергается. Именно ему предстоит взять всю вину на себя, расплатиться за других. Но палач неожиданно поворачивается. Он направляется к Жюстине Дюмец. К самой спокойной из всех, к самой слабой, к самой истощенной.

Он подносит мешок к голой ноге женщины.

Когда ступня Дюмец исчезает под холстиной, женщина отчаянно таращит глаза. Она рыдает, она молит о чем-то через кляп. Потом поспешно кивает головой. Кивает, кивает...

Никто больше не шевелится. Палач отодвигает мешок, вынимает кляп у нее изо рта.

— Что ты сказала, Е.?

Александр, не в силах пошевелиться, прижимается лбом к ледяному полу. И, словно в плохом фильме ужасов, все слышат:

— Подпишу... Я подпишу...

Жюли Рокваль отключает мобильный телефон и со злостью швыряет его на пассажирское сиденье. Лучше не придумашь — больной кататонией сбежал из клиники Фрейра! По словам Жерома Каплана, он выпрыгнул из окна, пробежал несколько сотен метров, угнал машину и исчез. Настоящий Гудини. Жюли вспоминает существо, похожее на мраморную статую, куда более безобидное, чем статуя Будды. Как это он вдруг сумел удрать из учреждения, которое должно было бы уберечь его от такого рода неожиданностей?

Жюли все больше и больше убеждается в том, что ее впечатления правильны: с Люком Грэхемом что-то неладно. Ведь кто находился в палате, когда все случилось? Кто сделал все возможное, чтобы отложить тест с ривотрилом? Кто приехал рано утром, надеясь оказаться один на один с больным? Кто раз за разом уговаривал ее уйти из палаты, вернуться домой? Таинственный Люк Грэхем.

По словам Каплана, в клинике до сих пор царит паника. Ну что же, неудивительно... Человек, откусивший другому кусок уха, чтобы завладеть его машиной, может здорово навредить имиджу психиатрической больницы. Не говоря уж о вероятности новых кровавых происшествий. На улицы Лилля словно выпустили дикого зверя.

Когда Жюли возвращалась к себе в Бетюн, она чувствовала, что умирает от усталости, но теперь ее охватывает лютая злость. Как нечто подобное могло случиться в наши дни, со всеми этими приемными отделениями и правилами безопасности? Жюли сворачивает с национального шоссе на перпендикулярную дорогу и останавливается на обочине. Со вздохом прижимается затылком к подголовнику.

Ее размышления прерывает звонок телефона. Она принимает вызов. Мартен Плюмуа.

Лаборант перезванивает ей по поводу пациентов с бомбейской кровью. Список очень короткий, по словам Плюмуа, во Франции насчитывается менее двухсот подобных случаев, из них всего два — в департаментах Нор и Па-де-Кале. Два адреса, два имени, которые он диктует по буквам.

Один из двух обладателей редкой крови — мужчина. Трудно представить себе, что у него могут быть менструации.

Вторая — женщина.

Женщина, и последнее известное место ее проживания — ферма

неподалеку от Арраса.

Некая Алиса Дехане.

Люк Грэхем выезжает на северо-западную окружную дорогу. Он не смотрит на Алису, не произносит ни слова. Он зажат, словно связан по рукам и ногам. Обогнав на полной скорости какую-то машину, он наконец задает вопрос:

— Как вы себя чувствуете?

— А как вы думаете?

Молчание...

— Вы не отвечали на мои звонки. Вы мне не перезвонили.

— Последние дни я был очень занят. Я больше не могу вами заниматься.

Алиса зажимает ладони между коленями. Врач никогда еще не был так сух с ней. Что с ним случилось? Куда подевался знакомый ей по консультациям точный, старательный профессионал? Она продолжает тихим голосом:

— Доротея...

Она замечает, что он отреагировал на это имя. Люк откашливается:

— Ваша покойная сестра?

— Покойная, да-да, хорошо, что вы уточнили. И когда вы видели ее в последний раз, доктор?

Люк Грэхем бросает взгляд в зеркало заднего вида. Фред сидит в центре заднего сиденья, подавшись вперед.

— Я не очень вас понял.

Алиса вынимает фотографию Доротеи и кладет ее на спидометр.

— Вчера я была у доктора Данби...

Люк стискивает руль. Он узнает снимок, его украли из его кабинета вместе с дисками.

— Где вы взяли эту фотографию?

— Где надо.

Люк перестраивается влево, идет на обгон, потом перестраивается вправо. Спидометр показывает сто сорок километров в час. Психиатр вспотел, ему кажется, что тело под халатом вот-вот расплавится. Он не ездил с такой скоростью с тех пор, как разбилась его семья.

— Послушайте, Алиса, я не могу вам объяснить, ваш... ваш случай слишком сложен, слишком... труден. Я... не знаю, как вас вылечить. Вас нельзя вылечить... Это невозможно.

— То есть как? Мы уже год работаем, доктор! Вы же обещали!

Он холодно смотрит на нее:

— В психиатрии не существует обещаний. Считайте, что я солгал.

— Вы... Вы...

— Замолчите. Я в самом деле плохо себя чувствую, мы можем попасть в аварию. Чтобы вести машину, мне надо успокоиться, я прошу слишком многого?

Эта отповедь, этот отказ от борьбы бьет Алису наотмашь. Она сжимает зубы. Она не отступит. На сей раз — не отступит.

— Просто подтвердите, что моя сестра жива, что вы ее видели. Я хочу услышать это от вас.

Люк не реагирует, он не отрываясь следит за дорогой.

— Скажите ей! — твердо повторяет Фред сзади. — Скажите правду!

Наконец Люк поворачивается к Алисе. Его серо-голубые глаза мерцают, словно морская вода.

— Она жива. Жива и здорова. Вы довольны?

Алисе кажется, что ей перерезали голосовые связки. Воскресение сестры — как вторая смерть, с неразрывно связанными с нею болью, непониманием, отчаянием. Из ее рта не вырывается ни одного звука, ей хочется задать столько вопросов сразу, что ни один не слетает с губ.

Люк взмокает все больше, рубашка прилипла к спине. Он до отказа выворачивает регулятор кондиционера.

Фред решает нарушить молчание:

— Расскажите нам о мальчике, затаившемся в Алисе.

— Что?

— Вы же знаете... Никола. Испуганный мальчуган, который появляется во время ее черных дыр. Вы наблюдали Алису в течение года, во время ваших сеансов он наверняка давал о себе знать.

— Кто вы такой? Я ничего не скажу.

— В таком случае... можно было бы заглянуть в полицию...

Люк вздрагивает:

— В полицию? Чего ради?

— Для того, чтобы понять, что связывает Доротею, вас, и все прочее.

Алиса решает вмешаться:

— Пожалуйста, доктор. Я должна знать, что происходило с моей сестрой в течение этих лет, понять, почему она пришла к вам, именно к вам. Я хочу понять, зачем вы показывали мне эти ужасные картинки во время теста стимуляции, понять, что случилось потом. И еще раньше, когда я была маленькой. Все эти черные дыры.

Люк вытирает лицо рукавом халата. Пот щиплет глаза, иногда мешает видеть. Полиция... Почему этот тип говорит о полиции?

— Более года терапии, Алиса... Как вы себе это представляете — чтобы я рассказал вам здесь о нашей работе? Я не буду делать этого ни в таких условиях, ни при незнакомом человеке. Ваша история болезни — это личное дело, и я не...

— Сделайте это! Плевать мне на эту конфиденциальность! Сейчас же, доктор!

Алиса протягивает руку назад. Фред сжимает ее пальцы.

— Я хочу, чтобы он тоже послушал, — продолжает девушка. — И я не хочу ждать, пока мы доберемся до вашего кабинета. Прямо сейчас! Сейчас, вы понимаете?

Люк Грэхем нажимает на газ, к счастью, движение не плотное.

— Мы с вами встречаемся уже двенадцать месяцев, Алиса, и на протяжении этих двенадцати месяцев мне удалось добраться до кое-каких подробностей вашей жизни, узнать о вашей юности, о детстве, о годах, проведенных на ферме, составить представление о работе и чрезвычайно сложной организации вашего мозга. Но что помните вы сами? Что осталось от сеансов, которые мы проводили через день в кабинете в Бре-Дюн?

За несколько секунд Алиса теряет всю уверенность, приобретенную за время общения с Фредом, и вновь чувствует, как ее охватывают слабость и растерянность. Люк смотрит на нее холодно, совсем не так, как обычно.

— Вы не запомнили ничего из этих сеансов. Может быть, запах старой сигары? Далекий шум моря? Шум песчинок, ударяющихся об оцинкованный желоб?

— Красную лампу, ваш треугольный стол, тяжелый коричневый ковер...

— Да, конечно, физические подробности, ваша зрительная и слуховая память в полном порядке. Но что еще? О чем мы разговаривали? Что вы мне рассказывали?

— Я рассказывала вам о своем детстве, о маме, о...

— ...кленовых ветках, которые отец бросал вашей собаке, о холме, о велосипеде Доротеи и так далее и тому подобное. Да, все те же детали, подробности, которые сохранила ваша память, потому что они достаточно приятны. Но это, Алиса, вы рассказываете всем, как заезженная пластинка. А что еще? О чем еще вы мне говорили?

Алиса замирает. Она не знает, что ответить.

— Видите? Сейчас вы опять здесь, со мной, но при этом где-то еще. Ваш разум расколот на мелкие кусочки. Это еще хуже, чем разбитое

зеркало, это непоправимо.

Алиса чувствует себя как на краю пропасти. Фред бросается на помощь.

— Что вы хотите сказать? — спрашивает он.

— Алиса неспособна управлять ситуациями, представляющими опасность для психики. Неужели вы этого не замечали?

Фред не отвечает. Грэхем сдержанно обращается непосредственно к своей пациентке.

— Все ваши неприятные воспоминания, все травмировавшие вас эпизоды из детства рассыпались, спрятались в вашей голове в результате сложных процессов, происходящих в мозге, так называемых... Черт возьми, я не хочу сейчас рассказывать вам все это! Это ни к чему не приведет! К тому же... Этот механизм способен возобладать над вашим сознанием, и тогда вы уже не будете самой собой.

Алиса больше не реагирует. Кажется, что она проиграла очередную битву.

— Но все же расскажите ей, — повторяет Фред. — Пожалуйста.

Люк холодно смотрит в зеркало заднего вида. Потом на мгновение поворачивается к Алисе:

— Ваша болезнь называется диссоциацией. У вас все перемешалось. Прошое, настоящее, будущее, вымысел и реальность. То, что вы говорите, то, чего вы не говорите, то, чего никогда не говорили.

У Алисы дрожат губы.

— Доктор, я... я не очень понимаю.

— Когда человека сбивает машина, когда его голова вот-вот воткнется в ветровое стекло, в мозгу происходит нечто немыслимое: этот человек настолько уверен в своей неминуемой смерти, что в психическом смысле он действительно умирает. Его сознание соприкасается с небытием, с тем, что находится по ту сторону смерти, с тем, чего не существует. Это небытие, травматический образ как таковой, не найдет в психике логического воплощения, он произведет такой же эффект, как камень, брошенный в болото, и будет мучить травмированного человека в течение долгих месяцев и даже лет. Например, именно это и случилось с вашим отцом.

— С моим... Моим отцом?

— Ну да, с вашим отцом, с Клодом Дехане.

Он снова давит на газ.

— У меня в кабинете хранится кассета, полученная от психиатра, который консультировал вашего отца после возвращения из Ливана. Это

результаты сеанса гипноза. Вследствие того, что пережил сам Клод Дехане и что пришлось пережить другим людям на его глазах, он столкнулся с самым худшим, с небытием. Он не смог справиться с ощущением присутствия смерти, смерти других людей, потому что жертвами психической травмы становятся не только непосредственные участники, но и зрители. Точно так же как вы чувствуете боль, когда видите, как кто-то прищемил палец дверью. Ваш отец стал идентифицировать себя с одним из членов погибшей семьи, с девочкой по имени Наджат. Видимо, между ними завязалась очень крепкая дружба.

Грэхем продолжает рассказывать хриплым, лишенным выражения голосом:

— Сознание вашего отца умерло в тот момент, когда девочка испустила дух, но тело его выжило. Психическая травма влечет за собой многочисленные и ужасные последствия для больного: кошмары, стремление к изоляции, замкнутость на самом себе, отсутствие сексуального влечения и даже нарушения социального поведения, а иногда — психические отклонения.

Он употребляет слова, которые ранят Алису, как удары кинжала. «Психические отклонения...» Вдруг она задается вопросом: а что, если отец болен не меньше, чем она сама, вдруг он страдает другой формой заболевания, более скрытой, более коварной, и именно этим можно объяснить внезапные перемены в его настроении?

— Ваш отец постоянно пытался воскресить эту погибшую девочку, выкинуть ее из головы. А рядом были вы... Вы стали живым воплощением этого сгустка, отравлявшего ему жизнь, хотя сам он этого и не осознавал. Вы были единственным средством, с помощью которого он мог растворить этот сгусток. Он обратил все свои силы на вас и больше ни на кого другого. Он стремился защитить вас, но это стремление приобрело болезненную, навязчивую форму. Его пугал каждый ваш шаг. Тот факт, что вы являетесь носителем бомбейской крови, только усугубил ситуацию. Своей защитой он изолировал вас от внешнего мира.

Алиса прижимает пальцы к губам. Она вся дрожит. Фред с застывшим лицом вжался в спинку сиденья.

Доктор продолжает:

— Душевная болезнь вашего отца оказала мощное влияние на вас, на вашу личность, на формирование вашего «я». Для вас, для маленькой Алисы всего нескольких лет от роду, механизм вышел за пределы психической травмы, оказался куда более сильным. В отличие от вашего отца вы не стали жертвой навязчивой идеи, ваш мозг убрал ваш

собственный сгусток в недостижимую область сознания и даже подсознания.

Алиса, не в силах поверить, трясет головой.

— У меня была психическая травма? Какая еще психическая травма?

— Не одна травма, а множество. Все началось, когда вам не было и пяти лет и вы стали свидетельницей полового акта между родителями, потому что спали в одной с ними комнате. Ваш отец хотел, чтобы вы были рядом с ним, потому что боялся, что ночью с вами может что-то случиться. Фрейд называет это первичной сценой... Вы интерпретировали отношения между взрослыми как проявление агрессии отца по отношению к матери и пережили сильнейшую фрустрацию. У вас был период ночных кошмаров, вы нуждались в материнской нежности, а мать не давала вам этой нежности в полной мере, потому что ее слишком занимала работа и постепенно портившиеся отношения с вашим отцом.

Алиса закрывает глаза, кровь стучит в висках.

Люк сворачивает на Фаш-Тюмениль, километрах в десяти от Клинического центра, и продолжает:

— Каждый вечер вы прятались под кроватью вместе с вашей сестрой, Доротеей, и с фигурками из пластилина. Вы это помните?

Алиса медленно кивает.

— Но Доротея всегда уходила перед тем, как возвращался отец, и оставляла вас с ним одну. Вы умирали от страха. Представьте, как на вас надвигается гигантская тень отца. Силуэты, Берди, с которым вы не можете справиться, от которого не можете убежать. Представьте также суровые, извращенные наказания вроде того, которому подверглась ваша собака в сарае.

— Извращенные наказания? Но там никогда не...

— А что вы могли сделать? Вы слишком маленькая, чтобы убежать, и главное, вы слишком боитесь рассердить отца, в котором видите воплощение абсолютной власти, наказания, осуждения. Он — это весь мир, *ваш* мир. Вы терпите невыносимые психические муки, но у вас нет никакой возможности понять, нормально ли это и хорошо или плохо то, что с вами делают. Однако вы можете сделать одно: убежать в воображаемый мир и стать кем-то другим. И если такой побег может хотя бы ненадолго прервать ваши эмоциональные страдания, вы будете снова и снова повторять его. Таким образом, уже в раннем возрасте вы выработали защитную систему, непроницаемую систему, с которой и начались ваши черные дыры. Это называют диссоциативным расщеплением личности. ДРЛ. Или, если хотите, раздвоением личности...

— Вы хотите сказать, что...

— ...что какая-то часть вашего мозга вам не принадлежит.

— Николя? — вмешивается Фред. — В этом все дело?

— Да. Восемилетний мальчик, глуповатый, живущий своей жизнью со своими условностями, своими привычками. Если он посмотрится в зеркало, то увидит такого беленького паренька, худенького, с подсохшей ссадиной на левой коленке. И сгусток, который причинил бы вам боль, напугал бы вас, его совершенно не трогает. Он не повзрослел. Он не знает, что с вашей матерью произошел несчастный случай.

Алиса с трудом может поверить в услышанное. Все это абсолютно лишено смысла. А Люк Грэхем продолжает сгущать краски:

— Он рассказал мне об этом на наших сеансах.

— Вы... Вы говорите о нем, как если бы речь шла о реальном человеке! А то, что вы рассказываете про моего отца, — это чудовищно, это все неправда. Вы сошли с ума!

— Конечно, я сошел с ума... И ваш приятель, там, сзади, тоже сошел с ума. Николя не боится Берди, сарая, дождя, его не пугает возвращение вашего отца или еще какие-то события, которые вас саму приводят в ужас. Каждый раз, когда он появляется, вы исчезаете, и он все принимает на себя. А знаете, когда чаще всего он переключает на себя ваше сознание? Когда вы слышите шум воды, падающей на твердую поверхность. Или когда велосипед подъезжает слишком близко. Не считая других обстоятельств. Потому что он может появляться и в других случаях. Например, при виде крови, при виде иглы.

Алиса ожесточенно возражает:

— То, о чем вы говорите, совершенно невозможно. Я... Я ничего об этом не помню. Я не знаю никакого Николя. Отец никогда не был жесток со мной.

— Именно в этом и состоит диссоциация. Как только отец причиняет вам боль, вы перестаете быть собой. А когда вы обретаете собственную личность, вы уже не способны владеть мыслями того, кто занимал ваше место.

Глаза Алисы затуманиваются. Все это просто невыносимо. Она словно наяву видит, как отец бросает палку Дону Диэго с вершины холма, объясняет ей, как сажают овощи, заставляет ее трудиться, но при этом никогда не наказывает ее. Все. Все, о чем говорит доктор, — это ложь.

— Я не могу вам поверить. Я... Я не позволю вам так разрушать меня.

— Будьте осторожны, у вас меняется выражение глаз... Начинается диссоциация. Вы вот-вот перестанете быть собой. У всех у нас могут быть

разные лица. И ваши лица мне знакомы.

— Да как вы смеете? Вы... Вы чудовище!

— Чудовище, согласен. И даже хуже... Если бы вы только знали.

Люк Грэхем улыбается, слова, которые он только что произнес, забавляют его самого. Это тянется уже много дней и только нарастает. И сейчас все может взорваться, он это знает.

Алиса утыкается в носовой платок:

— Вы... Вы все придумали, вы... вы пытаетесь... выставить меня... сумасшедшей. По-настоящему сумасшедшей!

Фред дотрагивается до ее плеча, но Алиса решительно отталкивает его руку:

— Нет, оставь меня в покое!

Ее голос изменился, он звучит гораздо резче. Люк Грэхем сворачивает на парковку перед супермаркетом и останавливает машину.

— «Ашан»? — спрашивает Фред, поворачиваясь к окну. — Зачем мы сюда приехали?

— Не «Ашан». Там дальше спортивный магазин. Вы оба идите за мной...

Люк снимает халат и выходит из машины. Алиса оглядывается по сторонам, смотрит на Фреда и следует за Грэхемом, который постепенно ускоряет шаг.

— Как только войдем, пробежимся по всем отделам. Мы ищем парня в халате, может быть, он напялил какую-нибудь куртку или другую одежду, чтобы не выделяться. Темные волосы, примерно метр девяносто, очень худой.

— А что с ним? — спрашивает Фред.

— Это долго объяснять. Будьте с ним поосторожнее. Он тощий, как скелет, но сильный. И буйный.

Они входят в магазин. Алиса держится немного сзади. Психиатр сворачивает направо.

— Заходите оттуда, а я пойду с другой стороны. Идите!

Алиса и Фред углубляются в разные проходы, Люк делает несколько шагов в противоположном направлении... а потом тихонько направляется к выходу. Оказавшись на улице, он пускается бежать и стрелой пересекает парковку.

Он срывается с места, чуть не врезавшись задом в другую машину, и вдруг видит, что к нему бежит Фред. Люк отъезжает от магазина и в зеркале заднего вида видит, как беснуется парень в бандане.

— Кретин, — бормочет Люк. — Это тебе за удар лопатой по лицу.

Разъяренный Фред возвращается в магазин и начинает искать Алису. Проходит довольно много времени, и... он понимает, что она исчезла и снова бросила его неизвестно где.

Скорее всего, она опять провалилась в одну из своих бесконечных черных дыр и превратилась в глупого мальчишку.

Возле решетки появляется тарелка с едой. Александр сразу же улавливает чудесный запах мяса. Он подходит, наклоняется за тарелкой и в этот момент к его плечу прикасается электродубинка, появившаяся откуда-то из темноты. Следует голубоватая вспышка, Александр на полу корчится от боли, ногти вонзаются в ладони.

Человек в капюшоне достает шприц и что-то впрыскивает ему в плечо.

— В тридцатых годах психически больным, которые отказывались принимать пищу, вводили инсулин. После этого укола ты будешь еще больше хотеть есть. Голод не убьет тебя, он будет подтачивать тебя изнутри, превратит в дикого зверя, а потом — в кусок дерьма. Голод будет твоим главным врагом. Прояви ответственность, подпиши письмо. Хоть раз в жизни признай весь ужас того, что ты совершил. И все кончится.

Боль постепенно отпускает Александра, поверхностные мышцы расслабляются, он снова может дышать.

— Пошел ты к ччч...

Человек подносит к его глазам фотографии. Александр моет машину. Александр в саду. Александр пляшет вместе с домашними в гостиной, скорее всего на Рождество. Фотографии сделаны откуда-то с улицы. Может быть, со стороны кукурузного поля.

— А теперь посмотри вот на это.

Другие снимки. Мужчина и женщина, в самых разных местах. В магазине, на улице, на кладбище. Александр сразу узнает лица. Тени из его прошлого.

— Они, ты... Ты, они... Заметил разницу? Ты всюду улыбаешься. Ты веселишься. Твоя улыбка мне омерзительна, не буду говорить насколько. А они... Они, погруженные в самый страшный мрак. Разбитые, уничтоженные. Лекарства, больницы, попытки самоубийства... Посмотри на них! Посмотри на них как следует! Ты убил всего одного человека! Ты разрушил куда больше!

— Я... Я заплатил...

— Ты заплатил? Ты заплатил? Язык бы тебе вырвать! Теперь ты поймешь, каково это — оказаться в их положении. И поверь мне, ты уже никогда не будешь улыбаться.

Мужчина выпрямляется, сжимает кулаки. Звук его дыхания... Тишина... Он забирает полную тарелку, накрывает ее и подходит к соседней камере.

Звук приборов, брошенных на землю.

— Приятного аппетита, Е. Твой сосед не голоден. Так что можешь получить удовольствие от своей последней трапезы.

Совершенно измученный Александр слышит, как пластиковая вилка царапает по тарелке. Он сплевывает, чувствуя, как подводит желудок.

— А теперь, Е., пора в путь.

Е. повинуется, как автомат. Она смирилась.

Жюстина Дюмец вышла из борьбы.

Через несколько минут соседняя дверь захлопывается. Александр снова вздрагивает, теперь он вздрагивает от малейшего шума. Он прижимается лицом к решетке, пытается что-нибудь рассмотреть сквозь слепящий свет. Е., сгорбленная, изможденная, похожа на восьмидесятилетнюю старушку.

Очень скоро он теряет ее из виду.

Александр забивается подальше в камеру и бросает о стенку маленький красный шарик, окрашенный его кровью. Шарик сделан из страницы его свадебного альбома и скреплен скотчем.

Он знает, что больше никогда не увидит Е.

У Жюстины Дюмец была жизнь, были родители, детство, были моменты радости и горя. Судя по всему, многие будут тосковать без нее.

Но если она такая же, как он, значит, Дюмец не безвинна. Она тоже что-то разрушила.

И за это ее ведут на бойню.

Жюли Рокваль свернула с шоссе и уже проехала около двух километров среди полей и холмов. Она не предполагала, что ферма Дехане находится в такой глуши.

После телефонного звонка лаборанта она не перестает задавать себе один и тот же вопрос: почему кататоник, найденный на автобусной остановке в Ильесе, был прикрыт одеялом с пятнами менструальной крови Алисы Дехане, двадцати пяти лет, живущей в сорока километрах от этого места?

Дехане. Та же фамилия, что у мужчины, пытавшегося покончить с собой, которого она видела в отделении скорой помощи в Салангро. Очень странное совпадение.

Дорога, окаймленная травой и низкими кустиками, делает последний поворот. Жюли останавливается на гравиевой площадке перед фермой. Сдвигает темные очки на голову, выходит, захлопывает дверцу и сразу же чувствует запах деревни, скошенной травы. Быстро осматривается по сторонам. Большой огород, овощи почти убраны с грядок, в глубине — темный ряд тополей, сзади — военное кладбище, коровник, а перед деревьями — большое строение, скорее всего сарай.

Машины перед домом нет, это скверный знак. Жюли поднимает воротник темно-серой шерстяной куртки — несмотря на солнце, здесь прохладнее, чем в городе, — и идет к дому из красного кирпича. Звонка нет, она стучит. В глаза бросается, что и дом, и сад, и все хозяйство содержатся в полном порядке. Ни одной лишней травинки, ни одного лишнего камушка, ни одной разбитой черепицы. У Дехане все продумано до мелочей.

Жюли ждет, но ей не открывают. Она стучит сильнее. У нее нет настроения уезжать, чтобы вернуться попозже. А о том, чтобы разобраться с этой историей по телефону, и речи быть не может.

Поскольку никто так и не появляется, она решает обойти дом. Черепица так и сверкает на ярком солнце, трава блестит. Жюли идет направо и подходит к закрытому окну:

— Ау! Есть кто-нибудь?

Блеск стекла слепит глаза. Жюли прищуривается, приставляет руку козырьком ко лбу, наклоняется поближе к окну.

Страх заставляет ее отпрянуть.

Жюли берет себя в руки и изображает на лице глупую улыбку:

— Простите! Но... Будьте так любезны, вы не могли бы мне открыть?

Фигура по ту сторону окна остается неподвижной. Жюли немного отодвигается. Кто смотрит на нее — живой человек или манекен? Чувствуя некоторое смущение, она помахивает рукой, чтобы обозначить свое присутствие:

— Ау! Эй! Будьте любезны...

Лицо за стеклом остается бесстрастным. Жюли внимательно всматривается в эту восковую персону. Белая кожа, отливающие шелком волосы, тонкие губы, темные очки, платье с неглубоким вырезом. «Кукла», — с облегчением думает Жюли. Или хитрое изобретение фермера, чтобы создать впечатление, что в доме кто-то есть.

Но ведь куклы не потеют.

«Нет... Она живая!»

Как и кататоник.

В ту же секунду любопытство уступает место неловкости. Жюли отходит, оглядывается по сторонам. Теперь в окружающем пейзаже, в тяжелых темных постройках ей мерещится что-то тревожное.

Сотрудница социальной службы возвращается к входной двери и снова стучит. Взгляд в сторону коровника, в сторону сарая... Где же хозяин? Где все? Так и не дождавшись ответа, она поворачивает круглую ручку. Дверь открывается, из дома вырывается удушающе горячий воздух. Жюли колеблется, потом входит.

Она снова окликает хозяев, заявляя о своем присутствии, о том, что вошла в частный дом без приглашения. Зайдя в гостиную, она понимает, что именно увидела с улицы. Перед окном в инвалидном кресле сидит женщина, ее голову поддерживает металлический подголовник, торс удерживается в вертикальном положении кожаным ремнем, проходящим через грудь. За все время женщина не сдвинулась и на миллиметр. Жюли быстро понимает, что она парализована с головы до ног. Не кататоничка, а замурованная заживо. Синдром «запертого внутри».

— Алиса? Алиса Дехане?

Зачем она задает этот идиотский вопрос, ведь она понимает, что женщина не может ответить и что ей, совершенно очевидно, не двадцать пять лет? Жюли осторожно снимает темные очки с лица больной и вздрагивает. Ей никогда не доводилось видеть такой застывший взгляд.

Жюли настороженно осматривает помещение. Старинная мебель. На стене висят пять или шесть чучел звериных голов, между ними — охотничье ружье с потертым прикладом. Никаких семейных фотографий,

никаких предметов, которые могли бы придать комнате немного тепла. Все безупречно чисто, все стоит на своих местах. Ей кажется, что она попала в музей, в помещение, где никто не живет.

— Я сейчас вернусь...

Она идет в западное крыло дома, дверь — достаточно широкая, чтобы в нее прошло инвалидное кресло, — ведет в большую ванную комнату. Душевая кабина приспособлена для инвалида: нескользящие коврики, плексигласовые створки, в стену вделано кресло, выложенное плиткой, металлические подлокотники с ремнями, такие же ремни на уровне груди.

Жюли становится крайне не по себе, она никак не может отделаться от ощущения, что смотрит на электрический стул. Она поспешно толкает дверь и возвращается в гостиную. Ей страшно, что вот-вот ее схватит чья-то рука. Наверное, прочиталась Стивена Кинга.

Неважно. Здесь царит какая-то странная атмосфера. Такое впечатление, что все жильцы находятся в доме, вокруг нее, но все неподвижны.

Очень жарко. Жюли находит дорогу на кухню. Наполняет стакан водой и идет обратно. Встав перед живой куклой, она наклоняется, чтобы оказаться в поле ее зрения.

— Вот... Вода...

Большим и указательным пальцами она раздвигает сухие губы, зубы, неловко просовывает между ними край стакана.

— Простите, если я...

Она осторожно наклоняет стакан, чтобы жидкость только-только капала в рот. Горло вздрагивает, вода попала куда нужно. Когда стакан наполовину пустеет, Жюли останавливается.

— Я не хочу давать вам слишком много, я ведь совершенно не представляю себе, что вы чувствуете. Я... Я могу сделать что-то не так.

Жюли ставит стакан на пол. Достает из кармана бумажный носовой платок и вытирает Бландине лоб. Время от времени женщина открывает и закрывает глаза.

«Уходите, уходите немедленно, пока вас тут не застали. Не знаю, что привело вас сюда, но смывайтесь. Вы в лапах чудовища. Вы что, настолько глупы, что не понимаете этого? Повторяю вам по слогам, кричу в самое ухо: у-би-рай-тесь!»

Ни одной искорки в ее глазах, можно подумать, что в этом теле куклы все угасло. Жюли не знает, что делать. Может быть, ей надо уйти? Вдруг эта женщина потеряла рассудок, вдруг муж просто забыл ее перед окном, а сам пошел за покупками или погулять в лесу?

Вдруг он ее «забыл»... Как странно звучит это выражение применительно к человеческому существу.

А что, если с мужем что-то случилось и эта несчастная оказалась здесь как в ловушке?

Жюли испытывает настоящее замешательство. Ей кажется, она просто обязана выяснить, что скрывается за этим явным заболеванием. Ведь никто не знает, что происходит за стенами чужого дома.

— Послушайте, мадам, я... хочу кое-что выяснить по поводу вашего... пребывания в этом доме, хорошо? Думаю, вами занимаются в каком-то специализированном центре? Скорее всего, в Берк-сюр-Мер?

«Да, да, Берк! Скорее отправляйтесь туда! Если бы вы могли еще пойти в ту комнату, в коровник. Если бы вы увидели то, что видели мои глаза... А теперь — уходите!»

Жюли вынимает блокнот и что-то записывает.

— Я все проверю, доверьтесь мне, хорошо? Если можете, моргните, чтобы показать, что вы поняли меня.

Ничего... Жюли сглатывает слюну и продолжает свой монолог, не замечая, что, пока она была на кухне, входная дверь закрылась.

— Я знаю, что вы меня поняли. Чтобы все было ясно, я представлюсь: меня зовут Жюли Рокваль, я работаю в социальной службе психиатрической клиники. Я ищу Алису Дехане, это, наверное, ваша дочка.

«Социальная служба психиатрической клиники. Не поздно ли, спустя двадцать пять лет? Неважно... Наконец до них дошло, что тут не все ладно, что существует огромная проблема, о которой все молчат. Я верю в вас, Жюли. Поговорите, узнайте все, и вы найдете это чудовище. Но только уходите!»

Жюли выпрямляется. За ее спиной, в прихожей, в полумраке появилась какая-то тень, кто-то молча наблюдает за ней.

— Я... выйду, чтобы позвонить, ладно? Я не уйду, я... хочу быстренько убедиться, что с вами все в порядке. Я не уеду отсюда, пока к вам кто-нибудь не придет.

Она поворачивается, чтобы выйти в прихожую, и вздрагивает.

Перед ней стоит какой-то человек.

Шоссе на Амьен.

Люк перестает жать на газ, автострада А1 напичкана радарам. Он едет уже почти час. Поля, дома, собор. И домик, стоящий в стороне, под сенью сосен. Люк замедляет ход, сворачивает и въезжает на участок Бланшаров. И видит перед собой две машины. На одной — номерной знак департамента Сонна, другая зарегистрирована в Нор.

Бывший кататоник уже здесь.

Он еще здесь.

И он пришел не просто поздороваться.

Доктор выходит, стараясь не хлопнуть дверцей. Натягивает свой хлопковый халат, застегивает его доверху и бежит к входной двери. И сразу же чувствует беду. Узкий витраж вдоль двери... Он разбит, вымазан кровью. Люк поворачивает ручку, дверь открывается. Освещение меняется, на смену яркому солнечному свету приходят темные краски и неестественная прохлада. Жалюзи в гостиной наполовину опущены, телевизор включен без звука. Здесь действительно пахнет трагедией.

Люк тихо идет вперед. Он узнает помещение, ничего не изменилось с тех пор, как Лоранс Бланшар рассказывала ему историю своего мужа. Депрессия, самоубийство на рельсах...

Психиатр берет кочергу, стоящую у камина.

Поднимается по лестнице, стараясь быть начеку.

Оказавшись в коридоре второго этажа, он замирает. До него доносится слабый шум. Теперь он идет, прижавшись к стене. Бюроло шел, ведя по обоям своими изрезанными пальцами, словно хотел вобрать в себя душу этого жилища.

Дверь в глубине. Психиатр распахивает ее ударом ноги, кочергу он поднял и держит на уровне правого плеча. Бюроло сидит в углу, раскачиваясь взад-вперед. Слева от него лежит мертвая Лоранс Бланшар. В разбитом черепе застряла бейсбольная бита.

Люк осторожно подходит ближе. Жандарм не реагирует на него, видимо, эффект ривотрила уже проходит.

Психиатр стискивает зубы и заносит кочергу над его головой, но никак не решается ударить. У него разрывается сердце, все это слишком тяжело.

— Почему ты вспомнил? Почему? — Он вытирает рукавом пот, текущий по лбу. — Прости меня...

Он закрывает глаза и бьет изо всех сил.

Подол халата окрашивается в ярко-алый цвет. Кочерга выпадает из рук. Психиатр чувствует, что не владеет своим телом, ноги и руки дрожат, его пронизывает леденящий холод, этот холод окутывает его саваном, стремится раз и навсегда лишить его возможности шевелиться. Если он останется здесь еще на одну минуту, он пропал.

В нем просыпается инстинкт самосохранения.

Люк поворачивается и мчится вниз по лестнице с одной мыслью: удрать. На улице сияет солнце, свежий октябрьский воздух забирается под одежду, возвращая ему ощущение собственного тела. Отличный субботний полдень, светлый и ясный.

Он переходит с бега на шаг, идет все медленнее. Кладет руки на еще теплый капот машины. Делает несколько быстрых глубоких вдохов. Успокоиться. Успокоиться любой ценой.

Если он сейчас убежит, это будет равносильно тому, чтобы оставить свою визитную карточку.

Он смотрит, как ветер колышет верхушки сосен, чувствует приятный запах травы и земли, смешанный с запахом крови. Снаружи ничего не изменилось, природа неизменна, все так же прекрасна. А вот внутри, в доме...

Кому придет в голову, что здесь, в этом укромном уголке, могла разыгаться бойня? Никому.

Да, никому. И вокруг никого. Просто деревня, поля, бескрайний горизонт. Да и чему тут меняться? С какой стати кто-то здесь сейчас появится? Зачем спешить? Люк хотел избавиться от кататоника. Дело сделано. Теперь надо только довести работу до конца. И как можно чище. Что умерло, то умерло.

Он возвращается в дом, спускается в подвал. Брезент... Банки с гербицидами, с уайт-спиритом, с бензином. Он снимает ботинки, халат, надевает рабочий комбинезон, резиновые сапоги, рабочие рукавицы. И даже запыленную бейсболку. Моет лицо и руки водой из канистры.

А потом вдруг к нему возвращается надежда. Это может сработать.

Переодевшись рабочим, он поднимается на второй этаж. Артерия на шее пульсирует, дыхание становится чаще. Люк быстро разворачивает брезент в центре комнаты и кладет на него кочергу. Потом подтягивает тело кататоника, заворачивает его в полиэтиленовую пленку, обматывает изолентой. Люк весь дрожит. Его вот-вот вывернет наизнанку.

Спуск по лестнице оказывается трудным, брезент царапает стены, по дороге Люк сбивает со стены портрет Лоранс Бланшар, он летит вниз по

ступенькам и разбивается вдребезги. На этой фотографии она улыбается.

Добравшись до своего внедорожника, Люк укладывает тело в багажник, бросает туда же комбинезон и сапоги.

К нему понемногу возвращается ясность ума, он начинает думать. Теперь, когда тело кататоника лежит у него в машине, что может указать на существование Бюрло? Конечно, украденная машина. И следы на месте преступления. Волосы, ДНК. Больше чем достаточно для ученых сыщиков.

Можно было бы забрать и тело Лоранс Бланшар, сделать так, чтобы она исчезла, но на случай, если тела найдут, лучше их разделить. Никто не должен заподозрить, что Александр Бюрло и Лоранс Бланшар как-то связаны друг с другом.

Ему в голову приходит идея получше. В его положении люди начинают мыслить масштабно. Деревянный дом должен неплохо гореть.

Но прежде всего машина, которую угнал Бюрло. Километрах в трех-четырех есть канал... Выбора нет, надо решаться.

Через пять минут Люк подъезжает к каналу. Он едет подальше от домов, к лесной зоне, туда, где поглубже, где вода помутнее. Вокруг — ни одной собаки. Он опускает все стекла, выходит из машины и, не закрывая дверцу, сталкивает ее в канал. Минута, в течение которой автомобиль погружается в воду, кажется ему самой долгой в жизни.

Задний бампер исчезает в бурлящей пузырями воде. Еще несколько всплесков. И больше ничего.

Теперь — возвращение к исходной точке. Больше трех километров пешком, он пробегает их на адреналине и постепенно понимает, что, если ему удастся дойти до конца, его никто никогда не поймает. Потому что истинного мотива смерти четы Бланшар не существует. Или, вернее, правда настолько невероятна, настолько необычайна, что никто и никогда до нее не додумается.

По дороге Люк звонит в больницу предупредить, что находится к югу от Лилля и у него спустило колесо. Ему рассказывают, что кататоника пока не нашли. Он ничем не рискует...

Через полчаса он добирается до дома по дороге, идущей вдоль поля. Проезжавшие мимо него автомобилисты видели человека в бейсболке, шедшего по обочине. Может быть, его и сочтут убийцей Лоранс Бланшар. Мужчина в бейсболке. Бродячий убийца наихудшего пошиба, вроде Франсиса Ольма.^[8] Наверное, полиция сделает слепки со следов. Сорок четвертый размер. Это им здорово поможет.

«Мужчина в бейсболке». Или «убийца в бейсболке» — это звучит лучше.

Теперь — принести поленья. Побольше поленьев. Деревянные дома обрабатывают специальным составом, чтобы они стали огнеупорными... надо помочь огню разгореться.

Люк перетаскивает не менее пятисот килограммов дров в спальню, в прихожую, на лестницу, в гостиную. Конечно, когда тело найдут, полиция увидит проломленный череп и поймет, что женщину убили. Но отпечатки, чешуйки кожи, волоски — все это исчезнет. Может быть, когда опросят соседей, кто-то подумает об «убийце в бейсболке». Тем лучше.

Люк спускается в подвал, приносит лопату и канистры с бензином для газонокосилки.

Вернувшись в прихожую, он открывает окна, потом выливает бензин на пол. Достает из кармана зажигалку и высекает огонь. Огонь занимается буквально через несколько секунд.

Он идет к машине, кладет в нее лопату и трогается с места. Первые четыре километра он проезжает, не встретив ни одного человека. Значит, никто не сможет запомнить его номер. Говорят, новичкам везет...

Люк переезжает мост, и Амьен остается позади. Красивый город Амьен, но вряд ли он когда-нибудь вернется сюда.

Он знает, что ему будет очень плохо в предстоящие ночи. Но он это уже переживал. Он знал и худшее.

Он выпутается.

Однако остается решить последнюю проблему: что делать с трупом жандарма в багажнике.

Через час он въезжает в лес под Эрменонвиллем и останавливается у одной из многочисленных тропинок. Выходит, как самый обыкновенный турист, засунув руки в карманы, углубляется в заросли. Вскоре он сходит с тропинки и находит место, которое кажется ему подходящим. Мягкая земля, много кустов, заросли ежевики. Отлично.

Теперь остается только дожидаться вечера и выкопать яму.

Люк садится под деревом. У него много времени, чтобы вспомнить прошлое.

Ту самую ночь, когда все сломалось...

Шум мотора. Жюстина Дюмец постепенно приходит в сознание и пробует пошевелить руками, связанными за спиной; при этом веревка врезается в тело. Она пытается оглядеться по сторонам, но ее глаза закрыты повязкой. Кляп заглушает ее хрипы. Она считала, что выпуталась. Она верила, что ей удалось обмануть общество, она думала, что избежит приговора после того, как стала убийцей. Но человек в капюшоне — не дремал.

Он наблюдал за ней. И теперь он ведет ее к смерти.

Дюмец уже не в состоянии вспомнить, какого цвета солнце, но перед ее глазами по-прежнему стоят два маленьких гроба. По фотографиям в газетах она представляет себе отчаяние в глазах Люка Грэхема. Конец жизней, разрушение миров. В глубине души она знает. Она платит за прошлые грехи. Она заслужила наказание.

В тот день она говорила по телефону за рулем. Она солгала суду.

Дюмец скорчивается еще больше. Дверь отодвигается с долгим металлическим звуком, потом она чувствует, как сильная рука сжимает ее плечо.

— Ну, Е., давай, поднимайся.

Конечно, она повинуется. Ей помогают выйти, суставы, спину жжет как огнем. Руки связаны за спиной, она бросается на землю и утыкается в нее лицом.

— Ну же, Е., немного выдержки.

Все тот же слегка приглушенный голос человека в капюшоне.

Он хватает ее за локоть и заставляет идти вперед. У нее болят щиколотки, дыхание со свистом вырывается из груди. У нее не осталось ни малейшего представления ни о времени, ни о пространстве.

Внезапно они останавливаются.

— Оставайся здесь.

Руки давят ей на плечи. Она падает на колени и слышит, как шаги удаляются.

Люк Грэхем в резиновых сапогах, в перчатках, в брюках из непромокаемой ткани, специально купленных в спортивном магазине, стоит, засунув руки в карманы плаща. Он принес с собой нож длиной с руку от локтя до запястья, острый с одной стороны и зазубренный с

другой. Самые лучшие ножи такого рода продаются в магазинах охотничьих товаров. Как сказал продавец, это «арденлам рэмбо», нож для выживания.

Люк смотрит на часы. Двадцать три девятнадцать. Он нажимает кнопку фонаря и еще раз сверяется с картой Генштаба, которую ему велели купить. До места встречи осталось сто метров и одиннадцать минут. Время еще есть. Он замечает вдали мечущийся слабый луч света. Гасит свой фонарь и прячется за деревом. По спине течет струйка холодного пота. Он еще может повернуться и уйти. Положить этому конец.

Он стоит за деревом. Хочет вспомнить, хочет стать непреклонным. Сегодня ночью от него не требуется быть психиатром. Он — просто человек, потерявший все. По ее вине.

Сделав глоток виски из фляжки — ему посоветовали захватить ее с собой, ему, алкоголику со склонностью к самоубийству, — он наконец выпрямляется. Поворачивается лицом к далекому сигналу и тоже включает фонарь. Теперь — условный знак. Три длинные вспышки, одна короткая. Он ждет. Ему отвечают: две длинные, две короткие. Сердце пускается в галоп.

Люк Грэхем осторожно идет к цели. Он прищуривается. Кажется, у стоящего перед ним человека голова скрыта капюшоном.

— Вы готовы?

— Да.

— Жесткий диск вашего компьютера...

Люк отдает его.

— Это не имело смысла. Я уже все стер. Все письма и все фотографии, которые вы присылали.

— Все, о чем я вас прошу, имеет смысл. Идите за мной.

Человек в капюшоне углубляется в лес. Фонарь не нужен, полная луна освещает им путь. Они идут долго. Люк пытается представить себе внешность своего спутника, но это ему не удается. Слишком много на нем надето, а свет слишком слабый.

— Отпейте еще глоточек.

Люк подчиняется. Они выходят на полянку, и он различает фигуру человека, стоящего на коленях. Блестит обритый череп, глаза скрыты под повязкой. Человек в капюшоне наконец поворачивается:

— Сегодня великая ночь...

Грэхем кивает, сжимает зубы. Он ищет еще одну фигуру, второго человека в капюшоне, который должен сторожить пленницу, но никого

нет. Почему же она не пыталась убежать?

Человек в капюшоне показывает на нож:

— Вы будете орудовать вот этим? Это не так-то просто, что бы там ни говорили.

— А что мне было взять, по-вашему?

Внезапно Люк переводит взгляд на Жюстину Дюмец. Она в пяти метрах от него, обессиленная, сгорбившаяся, с изможденным лицом. В голову сразу же приходит ягненок. Она похожа на раненого ягненка.

— Я хочу видеть ее глаза.

— Хорошо. Очень хорошо...

Шелестят листья, женщина чувствует, что кто-то к ней подходит. Кто-то прикасается к ее голове. Она сжимает кулаки за спиной. Повязку с глаз снимают. Она зажмуривается, глаза жжжет. Прежде чем она успевает что-то разглядеть, луч света ослепляет ее, из-под кляпа вырывается сдавленный крик.

Вдруг Люк Грэхем осознает, что произносит слова, о которых сразу же начинает жалеть:

— Что вы с ней сделали, почему она в таком жутком состоянии?

— Так она у меня уже много недель, а вы как думали? Не задавайте вопросов. Вы действуете, я беру на себя остальное, как договаривались. Когда будете действовать, не забывайте ни на секунду, почему она здесь. И последнее. Можете развязать ее, но не вынимайте кляп. Лишний риск ни к чему. Начинайте. Ваш час настал.

Люк Грэхем ждет, пока его собеседник удалится в темноту. Вернувшись к жертве, он видит, что его фонарь освещает землю, а женщина с бритой головой смотрит на него. Тогда он снова ослепляет ее.

— Сейчас же прекратите разглядывать меня!

Она кричит через тряпку, затыкающую рот, падает на бок, извивается, как угорь, попавший в сеть. К ее голове прилипли листья и мелкие веточки. Люк смотрит, как она дергается, как она корчится.

Потом, наклонившись над ней, шепчет ей в самое ухо:

— Вы ведь меня узнали, правда? О да, вы меня узнали... И вы умрете.

Он перерезает ножом ее путы, тянет ее за руку. Она с трудом стоит на ногах, из-под клейкой ленты, бесконечными витками покрывающей ее лицо, с шумом вырывается дыхание. Он толкает ее, она падает, он ставит ее на ноги.

— Я хочу, чтобы вы сопротивлялись. Я хочу, чтобы... — он встряхивает ее, — вы меня ударили! Я хочу драки, вы поняли?

Но она не борется, ее щеки раздуваются. Дюмец — уже не человеческое существо, это просто кусок плоти. Люк вытаскивает фляжку с виски и одним глотком опустошает ее. Потом подходит поближе, поднимает левую руку. Он ждет ответных действий, но Дюмец не двигается, не защищается. Моллюск.

— Ударь меня! Ударь меня, или я тебе врежу!

Дюмец пытается что-то сказать через кляп. Тогда Грэхем кончиком ножа разрезает клейкую ленту.

— Проси прощения. Я хочу слышать, как ты просишь прощения.

Женщина приоткрывает губы. Она что-то шепчет, вынуждая Люка нагнуться к ней. Еле слышимый голос произносит:

— На что... похож шум белого паруса на ветру? Вы... вы можете мне рассказать?

Сбитый с толку Люк выпрямляется. Он не понимает этой реакции, он не может дать никакого ответа. Шум белого паруса на ветру? Что это значит?

Он не в силах вынести взгляд этой несчастной, и у него начинает гудеть в голове. Растерянный, он отступает и в свою очередь исчезает в темноте. Задыхаясь, сжимая в одной руке фляжку, а в другой — нож.

Жюстина Дюмец медленно поднимает голову, оборачивается. Никого. Она вытирает запястьем текущую из носа кровь, снова горбится, ждет, когда голос опять начнет выкрикивать приказы.

Звук шагов приближается, земля дрожит совсем близко от нее.

— Вставай и беги. Давай спасайся. Беги прямо. Я освобождаю тебя. Иди домой.

Ни о чем больше не думая, Дюмец вскакивает и бросается бежать. Ветки хлещут по щекам, колючки вонзаются в пятки, ямы, корни — неважно!

Опынев от кислорода, она огибает одно дерево, другое, потом еще одно, пока ей не становится трудно дышать, пока она не начинает ощущать нехватку воздуха в легких. Она останавливается, пытается перевести дух, но безуспешно. Из горла вырывается бульканье. В груди становится горячо. Горячо и почти приятно. Земля начинает вращаться, она все ближе и ближе. Падая, Дюмец подносит обе руки к перерезанному горлу. Жизнь медленно уходит, и последнее, что она видит, — это лезвие ножа.

Мучения наконец закончились.

Люк Грэхем стоит над ней, у него дрожат колени. За его спиной раздается шум. Он оборачивается, человек в капюшоне разворачивает

большой кусок полиэтилена.

— Я не хотел убивать ее, я...

— Не надо было убирать кляп, я же говорил вам. Теперь возвращайтесь домой. Избавьтесь от ножа и от всех следов наших встреч.

Истязатель подтягивает тело Дюмец, фотографирует его под разными углами и заворачивает в пластик.

— Не волнуйтесь, дрожь пройдет. А потом вам станет лучше, вот увидите. Вы будете хорошо себя чувствовать, вы будете счастливы... Ну, в общем, вы в этом лучше меня разбираетесь, правда? Вот, держите платок. И не забудьте: я связан с вами так же прочно, как и вы со мной.

Люк слабеющей рукой берет платок.

— Боже мой... Но кто вы такой?

— Человек, такой же, как все остальные.

— Но почему я? Почему вы выбрали меня?

Человек показывает на левое запястье Люка.

— Потому что вы уже умерли. И вам больше нечего терять.

Он уходит, уносит тело.

Сначала Грэхем стоит неподвижно, не в состоянии сделать ни шага, потом находит в себе силы уйти и раствориться в темноте леса.

Сумрак овладел им.

И останется с ним навсегда.

Как и та недоступная пониманию фраза, которую произнесла женщина, убившая его семью: «На что похож шум белого паруса на ветру?»

Жюли Рокваль проходит в центр столовой. Через какое-то время ее глаза привыкают к свету, и теперь она лучше различает силуэт на фоне открытой входной двери.

— Прошу прощения. Дверь была открыта, и я...

Тень отделяется от стены.

— Открыта? Не думаю.

Молчание.

— Кто вы?

— Жюли Рокваль. Сотрудница социальной службы психиатрического отделения.

Встревоженная Доротея подходит ближе.

— Что вы делаете в нашем доме?

Резкий тон, не оставляющий никаких сомнений. Теперь женщины стоят лицом к лицу.

— Я пришла, чтобы увидеться с Алисой Дехане. Это, случайно, не вы?

Доротея подходит к инвалидному креслу, огибает его и встает так, чтобы мать могла ее видеть.

— Привет, мама.

Она целует мать в щеку. В этом жесте чувствуется что-то натянутое, Жюли не может понять, что именно. Доротея выпрямляется, потом, сжав руки за спиной, бросает взгляд в окно.

— Алиса — моя сестра, она не живет здесь уже больше года.

Она резко оборачивается:

— Что вам от нее надо?

Жюли, злясь на саму себя, прикусывает изнутри щеку. Конечно, распечатка с адресом, полученная от лаборанта, устарела, бомбейскую кровь переливают не каждый день. Еще одно доказательство плохой работы больничной администрации.

— Я должна задать ей несколько вопросов, связанных с делом, которым я занимаюсь. Вопросы весьма личного свойства. У вас нет ее нового адреса?

Доротея, выпрямившись, чуть прогнув спину, надменно смотрит на нее:

— У моей сестры какие-то проблемы?

— Не совсем у нее.

— Что значит «не совсем»?

— Не совсем, и все тут.

Доротея берет листок бумаги из ящика, что-то пишет на нем и протягивает собеседнице.

— Вот. Достаточно было открыть телефонную книгу, и вы бы нашли этот адрес. Теперь уезжайте.

Не трогаясь с места, Жюли кивает в сторону Бландины:

— Вы сами ухаживаете за матерью?

— Как когда. Я, мой отец, Мирабель... Мама живет то здесь, то... в другом месте.

— Ваш отец — это Клод Дехане?

— Он самый.

— А где он?

— Не знаю, его фургона тут нет. Вы кого хотите видеть — его или Алису?

Жюли, раздраженная дерзостью молодой женщины, внезапно меняет тон:

— Обоих. Ваша мать была тут совсем одна. С ней рядом должен постоянно кто-то находиться.

Доротея подходит к креслу и снова поворачивает его к окну.

— Когда мама еще могла говорить, она больше всего любила вид из этого окна. Она просиживала тут часами в качалке и читала любовные романы. И что-то напевала.

Слова звучат фальшиво, женщина говорит словно заученными фразами. Как можно наслаждаться видом военного кладбища?

— У вашей матери синдром «запертого внутри», верно?

— Да, правильно.

— Нарушение мозгового кровообращения?

— Несчастный случай.

— С кем я могу связаться, чтобы получить информацию о ней? С медицинским центром в Берк-сюр-Мер?

Доротея хмурится:

— А зачем вам информация? Вы думаете, нам тут нужна социальная служба?

— Человек, пытавшийся покончить с собой, вряд ли может заниматься уходом за такой тяжелой больной. По правде говоря, я не понимаю, почему клиника не...

— Моя мать получает отличный уход, за ней наблюдают компетентные специалисты по лечебной физкультуре, физиотерапевты, врачи. Мой отец

полностью переоборудовал все в доме, чтобы у мамы были все возможные удобства, разве вы не видите? Вы представить себе не можете, как он о ней заботится. Уже много, много лет все идет прекрасно. А теперь — уезжайте!

Доротея поворачивает инвалидное кресло.

— Посмотрите на маму, вам кажется, что она истощена? Нет? Вы представляете себе, что это такое — уход за больной с синдромом «запертого внутри»? Представляете себе, чем он пожертвовал? Так что нечего приезжать сюда и угрожать нам. Я вам искренне советую — уезжайте, пока отец не вернулся.

— Почему? Он что, склонен к насилию?

Доротея, не мигая, смотрит на нее.

— Что вы пытаетесь узнать? Почему моя сестра никогда и никому о вас не говорила?

Жюли выдерживает ее взгляд.

— По той простой причине, что мы с вашей сестрой еще не знакомы.

— Вот как. Я могу на вас пожаловаться. С чего мне вам верить? Откуда мне знать, что вы не желаете моей сестре зла?

Румянец заливает бледные щеки Доротеи, ее взгляд полон холодной злобы. Жюли решает разрядить обстановку:

— Помимо всего прочего, я работаю в клинике Фрейра, это психиатрическая больница в Лилле. Несколько дней назад мы нашли на автобусной остановке мужчину, совершенно неподвижного, не способного говорить. Такое состояние называется кататонией. Он был голый, только прикрыт одеялом.

— И что?

— На этом одеяле были следы менструальной крови, и анализ показал, что она принадлежит женщине с редчайшей группой крови, так называемой бомбейской.

Доротея выглядит растерянной. Жюли продолжает, она понимает, что действует в правильном направлении.

— Выяснилось, что в этой области живет только одна женщина с такой группой крови, и это — ваша сестра.

Внезапно Доротея испытывает острое желание прислониться к стене.

— Когда? Когда вы нашли этого мужчину?

— Утром во вторник. Вас что-то тревожит?

Кажется, что Доротея унеслась мыслями куда-то очень далеко, у нее забегали глаза. Она трясет головой. Вокруг темнеет, тяжелые облака заволакивают небо.

— Конечно, это меня тревожит. То, что вы рассказываете, так...

запутанно.

— Но это правда.

Доротея ходит взад и вперед, сжимая и разжимая руки. Все та же напряженная походка, горделивая осанка.

— Ну хорошо, бомбейская кровь. А почему женщина с этой кровью должна обязательно жить в этой области? Разве моя сестра — единственная в мире?

— Результат простых логических рассуждений. Но вы правы, стопроцентной уверенности нет. Однако, если потребуется, мы сделаем анализ ДНК.

— Анализ ДНК моей сестры?

— Да.

Доротея мечется как лев в клетке, в ее поведении чувствуется что-то взрывное. Жюли неоднократно наблюдала больных маниакально-депрессивным психозом в маниакальной стадии, и они вели себя точно так же, это были люди с обнаженными нервами.

Внезапно Доротея подскакивает к Жюли, кладет руку ей на спину и направляет в сторону кухни.

— Не нужно, чтобы мама все это слушала, зачем ее напрасно волновать?

— Ох, простите, я...

— Вы не обратили внимания, это естественно. В детстве я вела себя так же.

Доротея открывает шкаф и достает два стакана.

— Садитесь. Воды? Сока?

— Стаканчик воды, спасибо. Такая жара...

— Мой отец все время мерзнет, поэтому у него постоянно включено отопление.

Она идет к холодильнику. Жюли смотрит на нее с завистью. Очаровательная женщина, с изящной фигуркой, идеальными чертами лица. Она могла бы быть стюардессой или манекенщицей.

Доротея наполняет стаканы.

— Думаю, что эта история касается меня в такой же степени, что и Алисы, так что можете мне все рассказать. Мы с ней — гомозиготные близнецы, и у нас одна группа крови.

Жюли чуть не давится.

— Про... простите меня! Я...

— Меня не было в вашем списке?

— Нет.

Светлые глаза Доротеи устремляются куда-то за спину Жюли.

— Наверное, потому что я практически никогда не ходила к доктору Данби.

Жюли ни на минуту не забывает о своей цели: понять.

— А ваша сестра часто ходила... к врачу?

— В детстве Алиса без конца болела. Ангины, простуды, даже летом. Я не припомню, чтобы у меня хоть раз брали кровь на анализ. Может быть, когда я была совсем маленькой... совсем не помню.

— В любом случае, вы не занесены в регистр.

Жюли залпом допивает воду, ей кажется, что она попала в какую-то совершенно нереальную ситуацию. Синдром «запертого внутри», бомбейская кровь, теперь еще и близнецы... Она достает из кармана фотографию кататоника.

— Вот мужчина, о котором я говорила, вы его знаете?

Доротея берет снимок, внимательно разглядывает.

— Ни... никогда не видела.

— Вы ответили неуверенно.

Доротея снова склоняется над фотографией, слегка хмурит брови.

— Да, я немного колебалась, потому что у меня вдруг возникло странное ощущение. Но я его точно не видела. И кто это, как вы предполагаете?

— Вот этого-то мы и не знаем. Я думала, что вы или ваша сестра в курсе.

Доротея качает головой:

— Увы, нет. Что касается сестры, я бы очень удивилась, если бы она оказалась как-то замешана в эту историю. Она живет в Булонь-сюр-Мер и редко выходит из дома.

Жюли слегка кивает, убирая фотографию, потом достает другую.

— А это вы узнаете?

Доротея бросает взгляд, снимок явно поразил ее.

— Нет-нет... Я... Я никогда не видела этого одеяла.

— Вы уверены?

Доротея медлит с ответом. Она лжет, Жюли готова дать голову на отсечение.

— Вполне.

— Если бы вас попросили сдать кровь на анализ ДНК, вы бы согласились?

Девушка не отвечает.

— Мадемуазель?

Доротея овладевает собой, ее голос снова звучит дерзко:

— А зачем? Вы считаете, что я вру?

— Я этого не говорила.

— Может быть, вам сказать, когда у меня была менструация?

Она упирается, это доказывает, что с фотографией Жюли попала в десятку. Девушка узнала одеяло с голубыми полосками. Это совершенно очевидно.

— Ну вот что, мадемуазель, я закончу свое маленькое расследование по поводу вашей сестры, а потом решу, что делать.

Доротея сжимает кулаки.

— В ваших же интересах не донимать ее этими глупостями. У моей сестры и так достаточно проблем.

— Какого рода?

Доротея приставляет палец к виску.

— Вот такого...

— Расстройство психики?

— Если вам нужны подробности, пойдите сначала поговорите с ее психиатром, тогда вы поймете, насколько она уязвима. Я не хочу, чтобы вы нагрянули к ней, как сюда.

— Она лечится? Как долго?

— Не меньше года.

— И чем именно она больна?

— Вообще-то ничего серьезного. Она просто плакса. Думает, что ей во всем не везет, вечно плохо себя чувствует. Алиса видит жизнь в черных красках, постоянно. Особого повода для тревоги нет, но, как я вам уже сказала, лучше не нагнетать.

Жюли понимает, что перед ней сложный случай, девушка настолько же готова защищать сестру, насколько ненавидит ее, к тому же она действует под влиянием импульса. Она разговаривает, потом начинает угрожать, а через минуту предлагает стакан воды... Возможно, она тоже посещает психиатра.

Жюли достает бумагу с адресом Алисы и ручку.

— Можете назвать мне ее психиатра?

— А, ну да, ее психиатр... Люк Грэхем.

Шок. Ручка дрожит в пальцах Жюли. Доротея хмурит брови:

— Что такое? Вы с ним знакомы?

— Я работаю с ним в клинике Фрейра. Он как раз занимается кататоником, которого нашли в окровавленном одеяле. Это... очень странно.

Доротея встает, по лицу видно, что она ошеломлена:

— Покажите-ка мне еще раз фотографию больного!

Она хватает снимок, который протягивает Жюли.

— Когда вы показали фотографию в первый раз, она мне смутно что-то напонила, а потом я подумала: «Нет, наверное, я его с кем-то спутала». Но сейчас я уверена, я видела его у Грэхема.

Теперь встает и сотрудница социальной службы, она тоже поражена:

— Вы видели кататоника у Грэхема?

Доротея опирается на подоконник и смотрит в сторону коровника. Потом поворачивается к Жюли:

— Я не знаю, где сейчас мой отец, но уверена, что он очень скоро вернется, он никогда надолго не оставляет маму одну. Вам надо уехать. Я останусь, помою посуду, все уберу. Надо, чтобы все выглядело как обычно.

— То есть как?

— Пойдемте!

Они идут по аллее, где стоят их машины. Доротея взволнованно просит Жюли:

— Дайте мне ваш мобильный, быстрее!

Жюли, оглушенная новыми открытиями, машинально протягивает ей телефон. Доротея отходит и, поколебавшись какое-то время, набирает номер. Грэхем говорил, чтобы она не пыталась связаться с сестрой ради их общего блага, а также ради успеха лечения. Но Грэхем остался в прошлом, Грэхем — гнусный лгун.

Итак, она набирает номер сестры, у нее перехватывает горло. Ответа нет. Она оставляет длинное сообщение на автоответчике, потом возвращает телефон Жюли.

— Я видела вашего кататоника в газетах, которые Люк Грэхем хранит в коробках у себя дома. Не помню ни года, ни названия, но в заголовке упоминалась авария в Нанте, виновником которой стал жандарм. И там была какая-то фамилия, Бланшар...

Жюли как будто ударило током. Бланшар... Имя, которое произнес кататоник. Доротея с серьезным видом ходит взад-вперед.

— Эта история с дорожной аварией — тут слишком много совпадений. Покопайтесь. Авария в Нанте и авария с семьей Люка Грэхема. У меня предчувствие. Очень скверное предчувствие, что тут все может быть как-то связано.

— Что — все?

— Все, что происходило здесь с самого моего детства. Все, чего я никак не могла понять.

— Как мне с вами связаться? Я даже не знаю, как вас зовут.

— Меня зовут Доротея, я сама вам позвоню.

— А одеяло на кататонике? Вы ведь его узнали, правда?

— Уезжайте.

Не дожидаясь ответа, Доротея идет к дому и захлопывает за собой дверь. Недоумевающая Жюли решает, что пора сниматься с якоря. Она смотрит на небо: вот-вот пойдет дождь.

В тот момент, когда она выезжает на автостраду, Клод сворачивает в сторону фермы, рядом с ним лежит букет лилий.

Он улыбается.

Алиса открывает глаза. Она уже не на парковке «Ашана» с Люком Грэхемом и Фредом. Нет... Перед ней стоит незнакомый мужчина в маленьких круглых очках и внимательно смотрит на нее. Он промок, с его плаща струится вода.

Она смотрит на землю, ее ноги опущены в какую-то мутную лужу. Наконец она понимает... Она сидит на краю канавы на обочине шоссе. В первую минуту в голову приходит мысль об аварии.

— Что... Что случилось?

Мужчина пожимает плечами:

— Понятия не имею. Шел проливной дождь. Я увидел вашу машину на обочине, решил, что у вас что-то сломалось, и остановился. Когда я вышел, то вначале никого не увидел, а потом заметил вас, вы сидели в этой канаве. Я решил, что... что вам плохо или вы попали в аварию, но... вы просто комкали землю в руках. Наверное, уже давно, судя по тому, какую яму вы тут выкопали. Посмотрите...

Алиса встает. Возле места, где она сидела, трава вырвана с корнем, на земле валяются комья глины.

— Это я сделала?

— А вы сами как думаете? Вы не помните?

— Нет...

— А минуту назад вы еще и пели. И у вас был такой... высокий, тонкий голос. Честно говоря, можно было подумать, что это ребенок поет.

Алиса не знает, что отвечать. Что сказать ему? Что в тот момент она была восьмилетним мальчиком, Николя, и что это он играл с землей?

Она смотрит на свои туфли, на руки, вымазанные землей. Она сама превратилась в кучу грязи. Она противна самой себе, у нее осталось только одно желание: сделать себе больно, измучить это тело, которое так мучит ее.

— Вы... Вам теперь лучше? — спрашивает мужчина. — Хотите, чтобы я вызвал кого-то, может быть, скорую помощь?

— Нет-нет, ни в коем случае. Спасибо, все будет хорошо. Просто скажите мне, где мы?

— На шоссе Д341, в нескольких километрах от Сен-Мартен-Булонь. Но все-таки...

— Уверю вас, честное слово, все в порядке... Я вернусь домой.

Она благодарно улыбается ему и садится в свою машину, а мужчина бежит к своей. Она чихает, смотрится в зеркало заднего вида. Ей себя жалко. Усталым жестом она снимает очки и протирает стекла бумажным носовым платком.

Потом трогается с места.

Откуда она взялась? Куда ведет ее жизнь? Алиса изнемогает, солнце проглядывает сквозь тучи и склоняется к горизонту, подводя итог дню, который снова обернулся огромной черной дырой.

Если в ней дремлет маленький мальчик, значит, Алиса его ненавидит. Он медленно разрушает ее, ворует ее душу, ее воспоминания. За что он причиняет ей такую боль? Она ненавидит его так сильно, что готова убить.

По пути домой она думает над словами Грэхема: «Сейчас вы опять здесь, со мной, но при этом где-то еще. Ваш разум расколот на мелкие кусочки. Это еще хуже, чем разбитое зеркало».

Он прав. Этими тремя фразами можно отлично описать всю ее жизнь. Вот след, который она оставит на земле. Несуществующий призрак.

«Вас нельзя вылечить... Это невозможно».

Приехав домой, она, стоя перед дверью, пытается найти в кармане ключи, но их там нет. Понятное дело, они могут быть где угодно, она совершенно не помнит, что случилось за последние дни. Какая-то гнусная головоломка, сложить которую она не в состоянии. Не в этот раз. Она сдалась, эту битву ей не выиграть.

Ключи не нужны. Она поворачивает ручку, дверь не заперта, как обычно.

Вот так. Чудовище, состоящее из грязи, из отчаяния, из одиночества, вернулось домой.

Алиса берет на кухне нож для мяса и выходит в центр гостиной. Слезы оставляют светлые дорожки на покрытом грязью лице. Разве в этой квартире, между этими безмянными стенами есть хоть что-то, принадлежащее ей? Ничего. Ничего, за что можно было бы уцепиться, ни одного сувенира, ничего, что носило бы отпечаток ее личности. Даже ни одной семейной фотографии. С грустной улыбкой она листает записную книжку. Она еще помнит, как радовалась, когда покупала ее, думала, что сможет записывать в эту книжку имена своих друзей, новых товарищей по работе, людей, которые заполнили бы пустоту в ее жизни. Но записей почти нет. Две-три фамилии врачей, бывших работодателей, служащих бюро по трудоустройству или банка.

Она думает о Фреде. Она для него — просто обуза. Она так больше не может...

В ванной она кладет нож на край раковины. Лезвие поблескивает под светом лампочек в потолке.

Алиса раздевается. Грязная мокрая одежда кучей падает на кафельный пол.

— Значит, вот так все и должно закончиться?

Она разговаривает сама с собой перед зеркалом, с отвращением рассматривает свои усталые глаза. Разве она виновата в том, что *так устроена*? Была бы она другой, если бы выросла не на ферме?

Если она и может кого-то винить, то только себя и никого больше.

Кончиками пальцев Алиса осторожно обводит контур своего лица. Ей кажется, что она прикасается к чужому телу, ничем не тронутому, но мучающему ее на протяжении долгих лет. Она заживо горит изнутри, и сегодня боль просто стала слишком сильной. Невозможно так долго терпеть страдания.

В умиротворяющей тишине она садится на пол, зажав в руке нож. Очень медленно подносит лезвие к левому запястью.

Ей уже давно следовало бы так поступить, но ей так хотелось жить, справиться со всем этим. Казаться нормальной.

Она закрывает глаза.

Ну вот, холодное лезвие прикоснулось к руке. Свобода. В конечном счете все так просто.

«Думаю, тебе не следует этого делать, Алиса».

Она подскакивает, нож падает на пол.

Она поворачивается в сторону двери.

— Кто? Кто это сказал?

Слова были произнесены шепотом, но Алиса их действительно слышала. Вот и доказательство — ее тело реагирует, покрывается гусиной кожей. Она в ужасе подбирает нож и встает.

— Кто здесь?

В гостиной никого нет, но входная дверь приоткрыта. Голая Алиса выбегает на лестничную площадку. Там тихо, на лестнице никого не видно. Но откуда же этот голос? Из-за приоткрытой двери? Или... Или ей опять все почудилось?

Но голос звучал так ясно...

На сей раз она запирает задвижку. Вернувшись в комнату, замечает, что на телефоне мигает сигнал автоответчика.

Она машинально нажимает кнопку. Два сообщения. Первое — от Фреда. Фред...

Алиса, это я, Фред. Где ты? Я заходил, никого не было. Я очень волнуюсь. Пожалуйста, позвони мне поскорее. Мне тебя не хватает.

Алиса снимает телефонную трубку, теперь она испытывает необходимость позвонить ему, услышать его голос. Но вначале она решает прослушать второе сообщение. Номер телефона ей незнаком.

Алиса, это Доротея, твоя сестра... Я знаю, между нами все должно было сложиться иначе, но я звоню тебе не затем, чтобы попросить прощения за все те годы, когда ты верила, что я умерла. Это все папины хитрости... Слушай, я не могу долго объясняться, все очень сложно. Знай только, что Люк Грэхем тоже участвует в этой игре, он постоянно препятствовал нашей встрече, скрывал от тебя, что я жива. Потому что он, как мне кажется, замешан в чем-то ужасном, что касается нас обеих, тебя и меня.

Алиса, ничего не видя перед собой, сползает по стене. Сообщение продолжается:

Прежде чем ты обратишься к настоящему психиатру, тебе придется сделать для меня одну вещь. Несколько месяцев назад я отдала Грэхему мой дневник, он пообещал, что это поможет ему тебя вылечить. Я никогда никому не рассказывала об этом дневнике, ни папе, ни тебе. Всегда прятала его на шкафу у себя в комнате, знаешь, над всеми моими тетрадками и пособиями по заочному образованию? Наверное, у меня не будет времени его забрать, ты должна сделать это вместо меня. Он в частном кабинете Грэхема в Бре-Дюн. Войдешь сзади, разобьешь стекло и вернешься. Прочти этот дневник, теперь это необходимо. Прости, что оставляю тебе такое сообщение. Мы с тобой никогда особенно не дружили. Но знай, что я пожертвую жизнью, чтобы защитить тебя. Хочешь верь, хочешь нет, но в этом — единственный смысл моего существования.

Алиса потрясена. Услышать именно сейчас, здесь, голос сестры, ее интонации, неповторимый ритм ее речи... Услышать голос умершей.

Она берет себя в руки и набирает номер, с которого отправлено

сообщение. Кто-то берет трубку.

— Доротея?

— Нет, вы ошиблись.

— С вашего телефона звонила моя сестра, Доротея. Я хотела бы поговорить с ней.

— Вы — Алиса Дехане?

Алиса замолкает, не сводя глаз с лежащего на полу ножа.

— Да. А кто вы?

— Меня зовут Жюли Рокваль. Я — сотрудница социальной службы при психиатрической клинике. Я встретила с вашей сестрой на ферме вашего отца, я хотела повидаться с вами. Мне бы очень хотелось сделать это как можно скорее.

— А вы... Вы и вправду говорили с моей сестрой?

Алиса слышит в трубке шум мотора.

— Да, конечно.

— Где она?

— Где мы можем встретиться? У вас? Мне надо задать вам несколько вопросов.

Алиса ногой отталкивает нож, он отлетает под кресло.

— Я... жду вас у себя дома. Но только попозже вечером, мне надо кое за чем съездить. Вы не могли бы заехать часов в восемь? Это не...

— Отлично, — отвечает Жюли, — меня это устраивает. Я в пяти минутах езды от дома, посмотрю тут кое-что и потом приеду к вам. Ваша сестра дала мне адрес. Булонь-сюр-Мер... До вечера.

Алиса вешает трубку и бросается в ванную. Открывает кран, чтобы вода текла тоненькой струйкой, дожидается, пока она нагреется, кладет два полотенца на край и наполняет ванну. Потом начинает растираться мочалкой-варежкой и тщательно моется с головы до ног. Сообщение от Доротеи ее ошарашило. Что предстоит ей прочесть в этом дневнике? Почему Грэхем прячет его?

Сколько же еще неизвестного...

Доротея... Жива... «Но знай, что я пожертвую жизнью, чтобы защитить тебя». Защитить — от чего? От кого? От отца?

Ей так хотелось бы обнять сестру. Сейчас, здесь...

Через двадцать минут она натягивает вельветовые брюки, белую футболку и толстый вязаный серый свитер. Надевает очки, зимнее пальто — единственное, что у нее осталось чистого, — и выбегает на лестницу. Подумать только, каких-то полчаса назад она была готова вскрыть себе вены. Сейчас это ее пугает.

Но теперь она вышла на финишную прямую, у нее осталась последняя попытка, и она это знает.

Бетюн. Жюли Рокваль быстро идет по узкому переулку. Сухие листья порхают над мостовой, шуршат под ее туфлями. В город тоже пришла осень. Сотрудница социальной службы отпирает дверь своего дома, маленького, на две семьи, из красного кирпича, с бордюром из белого камня и решетчатыми ставнями. Повесив куртку на спинку стула в гостиной, она включает телевизор, чтобы не сидеть в полной тишине.

Прежде всего она включает компьютер, а потом идет на кухню, наливает стакан воды и выпивает его залпом. Она вконец иссохла на этой проклятой ферме. Из головы не идет лицо сидящей перед окном несчастной женщины в инвалидном кресле.

Вообще-то интерес вызывает вся семейка Дехане. Доротея, странная сестра со всеми ее тайнами... Алиса с редчайшей группой крови и больной психикой... Склонный к самоубийству и внушающий страх отец... Прикованная к коляске мать...

Жюли выходит в интернет и набирает в поисковой строке Гугла ключевые слова: «Бланшар», «жандарм», «дорожно-транспортное происшествие», «Нант». Появляются ссылки на информационные сайты. Получилось!

Не выпуская изо рта сигарету, Жюли открывает первую ссылку и видит статью, датированную 2004 годом: «Ужасное дорожное происшествие в Нанте».

Несколько движений мышкой, и ее сердце начинает колотиться сильнее. Она в изумлении откидывается на спинку кресла. Невероятно! Она поспешно берет фотографию кататоника и подносит ее к экрану компьютера.

Конечно, это один и тот же человек. Несмотря на разницу в весе, черты лица не изменились. Жюли не может прийти в себя.

Она не понимает, почему молчит Люк Грэхем.

Она начинает читать статью. Несчастные родители Поль и Лоранс Бланшар. Их дочь, двенадцатилетняя Амели, сбита машиной жандарма... Его имя нигде не указано. Жюли снова обращается к поисковику и находит форумы, на которых обсуждается это дело. Участников обсуждений объединяют возмущение и злость. Жюли переходит с одного сайта на другой. И наконец находит фамилию Бюрло.

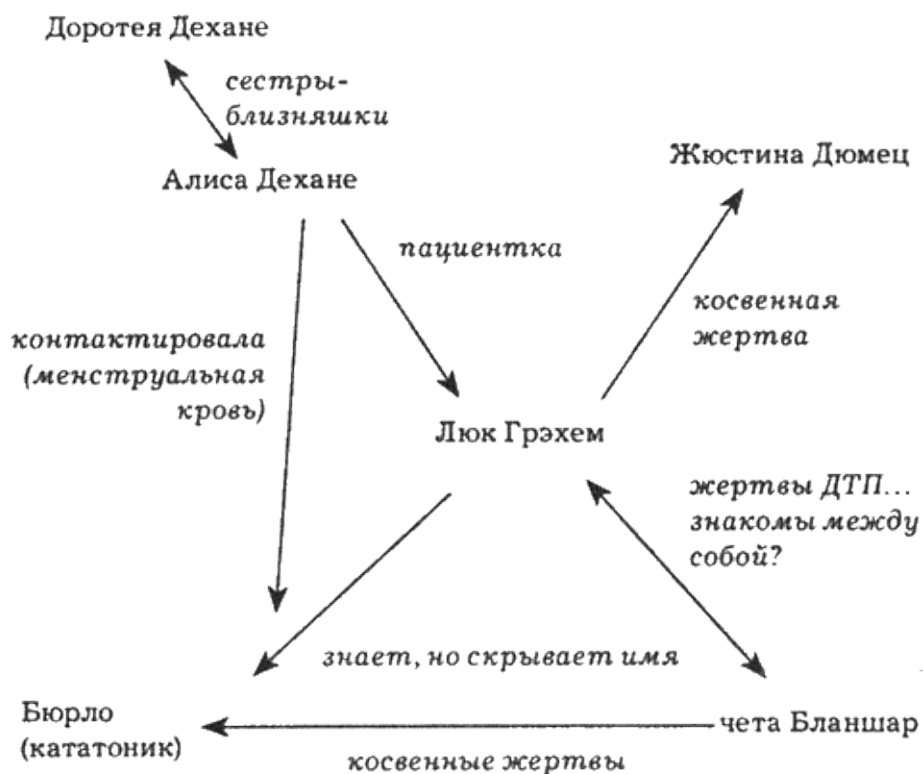
«Жандарма Бюрло отпустили». «Негодяй Бюрло».

Ну вот, теперь ей известно имя больного из палаты A11.

Александр Бюрло.

Сотрудница социальной службы задумывается, делает длинную затяжку. Люк Грэхем... Он все знает, и возможно, с самого начала. Как бы случайно Грэхем занимается больной, чью кровь находят на одеяле, в которое был завернут Бюрло.

Но, что бы она ни думала, понять этого она не в состоянии. Чем оправдать поведение Люка Грэхема, скрывавшего личность больного? Тем, что он совершил профессиональную ошибку? Жюли пытается обобщить все, что ей известно, сложить имеющиеся в ее распоряжении куски головоломки.

Вечером в лесной чаще Люк бросает последнюю лопату земли на тело Бюрло. Он почувствовал, что не в силах дожидаться ночи с трупом в багажнике. Теперь все кончено...

Он возвращается к машине, умирая от жажды. Воду взять негде.

Он включает мобильный и прослушивает сообщения. Жюли... Она хотела бы увидеть его как можно скорее. Чего еще ей от него надо?

Люк вытирает лоб и трогается в путь. По рулю течет пот. Он весь взмок.

Люк смотрится в зеркало заднего вида. Быстро приглаживает волосы, снова вытирает лоб, поправляет воротник рубашки. Ну вот, все в порядке. Никаких следов того, чем он занимался.

Все еще может прийти в норму. Все *обязательно придет* в норму.

Он подъезжает к дому, и у него едва не останавливается сердце.

Она ждет его перед домом.

Жюли Рокваль. Та песчинка, из-за которой все может сломаться.

Люк останавливается на подъездной аллее. Делает глубокий вдох, последний раз смотрится в зеркало, потом решается. С улыбкой выходит из машины.

— Жюли? Мне и в голову не могло прийти, что я увижу вас здесь.

Жюли обхватила себя руками. Ей холодно. Люк подходит ближе.

— Вы здесь, и это значит, что вы нашли нашего больного?

Она смотрит ему в глаза и сухо отвечает:

— Еще нет. А вы?

— Честно говоря, и я тоже нет. Иначе вы бы узнали первой.

Он кладет руки в карманы.

— Я бы с радостью пригласил вас в дом, но... у меня были кое-какие проблемы с машиной. Я жутко устал. Увидимся завтра, в клинике?

Он поворачивается к ней спиной, вставляет ключ в дверь.

Его оглушают неожиданные слова Жюли:

— Вам что-то говорит имя Александра Бюрло?

Он судорожно сжимает дверную ручку. Пытаясь сохранить спокойствие, произносит, стараясь, чтобы голос звучал нормально:

— Совершенно ничего. А должно?

— Хватит лгать, Люк. Прошу вас... Доротея Дехане мне все рассказала. Она видела у вас газеты со статьями про Бюрло и Бланшаров.

Люк готов взорваться. Доротея Дехане...

Психиатр входит в дом, оставив дверь распахнутой, словно приглашая ее войти следом. Жюли идет за ним и закрывает дверь. Люк сидит в кресле, обхватив голову руками. Сотрудница социальной службы видит возле камина пресловутые коробки с газетами. Люк кивает в их сторону:

— Я их собирал... Все статьи с описанием жутких происшествий, после того как потерял в аварии семью. Там все... На протяжении долгих месяцев после аварии у меня было одно наваждение, один спасательный круг: узнавать о несчастьях других людей, разбираться в них и, главное, находить облегчение в страданиях близких. Например, свидетельство несчастного, потерявшего жену и сына в лобовом столкновении. Он выплескивал на страницы газет свое горе, а я впитывал в себя его отчаяние. Вдыхал его, чтобы рассеять собственный мрак. Я говорил себе, что... что я не один такой.

Он засучивает левый рукав. Жюли тихонько подходит. Люк проводит пальцем по шрамам.

— Я думал, что эти газеты помогут мне справиться... Но ничего не изменилось.

— Когда вы пытались покончить с собой?

— В самом начале...

— Когда узнали, что Жюстина Дюмец понесет чисто символическое наказание?

— Что вы о ней знаете? — спрашивает Люк.

— А что я должна знать?

Психиатр встает, отходит, наливает себе стакан джина. Жюли еще не знает, что Дюмец была объявлена без вести пропавшей, но рано или поздно она это выяснит.

— Да, я узнал лицо кататоника. Да, я ничего не сказал и оттягивал тест с ривотрилом. Потому что я не хотел его лечить, он этого не заслуживал. Он убил девочку. Так же, как Жюстина Дюмец убила мою семью. И он избежал наказания.

Он смотрит на свой стакан дикими глазами. По телу Жюли пробегают дрожь, когда она слышит, как жестко звучит его голос.

— Вам следовало поставить на первое место работу, а не чувства. Этот больной заслуживал вашей заботы и помощи, как любой другой.

— Нет! Нет, не заслуживал! Посмотрите, как он улыбается на этих фотографиях!

Жюли садится рядом с ним, кладет руку ему на плечо.

— Люк... Вы же понимаете, что надо обо всем сообщить в полицию?

Бюро где-то прячется, он может быть опасен. И дело не только в этом. Помните пятна на одеяле? Там действительно была кровь, менструальная кровь.

— Что вы такое несете?

— И это кровь одной из ваших пациенток, кровь Алисы Дехане.

Стакан падает из руки Люка. Он, шатаясь, встает. Он вот-вот потеряет сознание.

— Вы... Вы кому-нибудь рассказывали о том, что выяснили?

Жюли смотрит на валяющийся на полу стакан, потом переводит взгляд на лицо психиатра.

— Что происходит, Люк? Что связывает Бюро и Алису Дехане?

Люк бросается в прихожую.

— Посидите, я сейчас вернусь. Никуда не уходите, хорошо?

Он бежит вверх. Карабкается по лестнице, забирается на чердак, идет в дальний угол. Задыхаясь, приподнимает стекловату, достает какой-то предмет, завернутый в тряпку, разворачивает его. Нож «арденлам рэмбо». Чуть не плача, он прячет его под куртку и возвращается в гостиную.

Жюли, пытаясь согреться, растирает ладони.

— Люк, вы меня пугаете. Что происходит?

Психиатр решительно подходит к ней. Резко хватая ее за руку и тянет в прихожую, потом в гараж.

— Люк!

Она в ужасе стоит перед ним.

— Умоляю, поговорите со мной!

Люк сует руку под куртку. В голове звучат крики. Он видит кроткие, как у лани, глаза Жюстины Дюмец, лежащей на сухих листьях, видит, как под ударом кочерги раскалывается череп Бюро. До чего еще ему предстоит дойти? Сколько потребуется смертей, чтобы он избавился от своего прошлого?

Он бросается к Жюли, толкает ее к двери гаража и открывает ее.

— Убирайтесь отсюда, Жюли. Немедленно.

— Люк? Но...

— Валите отсюда!

Он орет. Захлопывает дверь у нее за спиной. Оставшись одна, растерянная Жюли колеблется, берется за ручку двери, чтобы вернуться, потом резко поворачивается. Рыдая, она скрывается в темноте.

Люк, совершенно убитый, возвращается в гостиную.

Теперь он знает, что правда вот-вот выйдет наружу.

И что у него не хватит смелости, чтобы встретиться с ней лицом к

лицу.

Александр достает маленький красный шарик. Он разваливается. Скотч отклеился, бумага обесцветилась. Он лижет скотч, пытается восстановить миниатюрную копию мячика своего сына, но ничего не получается.

Он смотрит на дырочку в стене слева, и где-то глубоко в памяти всплывает образ его несчастной соседки. Теперь она свободна. Свобода... Сегодня он в полной мере осознает значение этого слова.

Отныне, когда Александр слышит шаги или скрип двери, он скорчивается в углу и закрывает уши руками.

Ему требуется почти нечеловеческое усилие, чтобы вытянуть перед собой руку, сжать и разжать кулак, размять затекшие мышцы. Болит все тело. Если так пойдет и дальше, скоро он будет ни на что не годен. Он не сможет ни вставать, ни есть, ни даже думать.

Он смотрит на письмо, лежащее между двумя решетками, на этот кусок бумаги, который он не решается порвать из страха перед наказанием.

Александр делает глубокий вдох. Он подпишет.

Но, конечно, не для того, чтобы преподнести им свою смерть на блюде. Ни за что!

Сжав губы, человек с обритой головой упирается ладонями в пол, сдвигает ноги и сгибает руки. Отжимается один раз, второй... Падает лицом на землю. Пытается возобновить упражнения, но безуспешно. Он подбирается на четвереньках к остаткам еды и кончиком языка подбирает крохотные кусочки мяса, сохранившиеся на костях. Каждый грамм белка дает еще один шанс. Как крупинка угля в топке.

Ведь это письмо не означает, что жизни пришел конец. Это просто единственный способ выйти из-за решетки. Вырваться отсюда, пока он не разрушился полностью.

Он подползает к письму, разворачивает его и оставляет открытым по ту сторону решетки.

Все, он выкинул белый флаг.

Остается короткая передышка, а потом — конец. Отрезок жизни, за который он попытается тайно восстановить силы.

Чтобы застать врасплох своего палача.

Когда заканчивается сезон, Бре-Дюн словно умирает. В октябре пульс городка совсем замедляется. Серебристое море, пустынная дамба, жалюзи на магазинах опущены. Алиса стоит перед зданием в нескольких кварталах от центра города, поделенным на три врачебных кабинета. В этих стенах принимают дантист, специалист по болезням стопы и психиатр. Люк Грэхем занимает две комнаты в правом крыле первого этажа: это приемная и собственно кабинет для консультаций. Сейчас уже больше пяти часов вечера...

Алиса заходит в нишу в боковой стене здания и берется за нижнюю планку жалюзи. Небольшое усилие, и ей удается ее приподнять. Ослушаться, попасться на месте преступления... Нет, этого она сделать не может. Она отворачивается, делает несколько глубоких вдохов. Все ее тело напряжено. Это слишком опасно. Пальцы судорожно вцепляются в брюки. Она уже готова уйти, но в голове звучит повелительный голос Доротеи: «Прочти этот дневник, теперь это необходимо».

Борясь с собой, снедаемая жаждой понять, докопаться наконец хотя бы до крупицы истины, Алиса принимает решение. Она прижимает куртку к окну и изо всех сил бьет по ней кулаком. Звон разбитого стекла. Стараясь не порезаться, она просовывает руку в дыру и поворачивает оконную ручку.

Не проходит и двадцати секунд, как она забирается в кабинет, немного опускает жалюзи, чтобы в помещение проникал дневной свет. В воздухе плавает неизменный одуряющий запах холодного табака. Красное ковровое покрытие... Кожаное кресло в углу... Маленькая обнадеживающая вселенная, где она провела столько времени... Алисе здесь хорошо, она чувствует себя в безопасности. Ее мысли пускаются в галоп, рассеиваются. Люк Грэхем...

Она боязливо осматривает комнату, видит толстые книги по психиатрии, несколько журналов, внушительный шкаф. Первым делом Алиса выдвигает ящик письменного стола. Листки бумаги, ручки, скрепки, старый магнитофон. Она закрывает ящик. Взмолнованно роется повсюду, припоминает слова сестры. В шкафу она видит множество папок, расставленных в алфавитном порядке. Буква «Д»... Вот, нашла, «Дехане». Ее пальцы нащупывают толстую школьную тетрадь с обтрепанными углами.

Дневник сестры.

Алиса улыбается. Она сразу узнаёт эту тетрадку в сине-белой обложке, ведь у нее была точно такая же. Вынимает тетрадь, гладит ее, вдыхает ее запах, она приятно пахнет канцелярским клеем, диктантами, чернилами. Несмотря на ссоры и насмешки, ей всегда нравилось в школе. А он забрал ее оттуда...

Он не оставил ей никаких шансов.

У нее перехватывает горло, когда она читает заголовок: «Моя разбитая жизнь. Доротея Дехане». Алиса с волнением узнает почерк Доротеи, ее особую манеру писать букву «У»: заглавные «У» выходят за линейку, словно крылья птиц. Доротея всегда хотела улететь.

Сунув тетрадку под куртку, девушка уже готова закрыть дверцу шкафа, как вдруг замечает еще одну папку под литерой «Д». На папке написано: «Клод Дехане». Нахмурившись, она берет папку и открывает ее. Внутри лежат письмо и старая аудиокассета.

Алиса аккуратно вытаскивает из конверта листок бумаги и читает:

Дорогой коллега.

По вашей просьбе направляю вам копию записи сеанса гипноза, проведенного мною с Клодом Дехане 18 ноября 1982 года, примерно через два месяца после его возвращения из Ливана. Как вы можете убедиться, в данном случае я столкнулся с глубокой психической травмой, сопровождающейся симптомами вины, характерными для ситуации «выжившего». Этот случай особенно тяжел и необычен, так как больной создал собственную версию истины в отношении одного из эпизодов бойни в Сабре и Шатиле и выстроил защиту для своей психики на основе ложных воспоминаний.

По неизвестной мне причине несколькими неделями позже больной решил прервать лечение, я больше никогда его не видел, и его история болезни осталась недописанной.

С профессиональным уважением,

д-р Янник Леруа.

Алиса откладывает письмо и задумывается. Она слышала, как отец, напившись, рассказывал, что во время войны в Ливане присутствовал при изнасилованиях и убийствах. О каких же ложных воспоминаниях может идти речь?

Девушка берет из ящика стола магнитофон. Осторожно вставляет в

него кассету, делает глубокий вдох и нажимает кнопку «Воспроизведение».

Сначала она слышит голос доктора Леруа, он говорит долго. В самом начале он просит Клода расслабиться, и ему удается ввести его в состояние гипнотического сна, а потом и транса. Алисе кажется, что она находится где-то рядом, она слышит, как бьются сердца, улавливает звуки дыхания. Она представляет себе черные глаза отца, его самого двадцать пять лет назад. Тогда она только-только родилась.

— *Вы не в этом кабинете, Клод. Стены медленно сдвигаются, пол под вашими ногами исчезает, становится гораздо холоднее. Это холод земли, холод дыры, пробитой в бетонной стене. Это тихое убежище прикрыто пластиковой скатертью, выстилающей дно стенного шкафа, маленького белого стенного шкафа в глубине кухни. Вокруг вас слышны голоса, это голоса семи членов палестинской семьи. Пахнет рисом и пряностями.*

— *Еще пахнет оливковым маслом, вяленным мясом, которое хранится в стеклянном сосуде. Такое впечатление, что где-то разлагается труп животного. Мне отвратителен этот запах.*

— *Шкаф плотно закрыт?*

— *Да. Но вообще-то не совсем. Между створками осталась вертикальная щель.*

— *Малака плохо прикрыла дверцы?*

— *Ну, скажем, не до конца.*

— *Вы можете видеть сквозь эту щель?*

— *Да.*

— *Что вы видите?*

— *Сначала кухню, потом... потом, дальше, крохотную гостиную, где набросаны куски железа и меди. Я вижу сиденье от «мерседеса», угадываю силуэты отца Малаки и братьев, которые перестали играть с банками из-под пива.*

— *Больше никого? Где Наджат и Малака?*

— *Недалеко. У окна. Они волнуются.*

— *Подходят солдаты?*

— *Я слышу их голоса с улицы. И еще слышу, как проезжают джипы и легкие бронемшины.*

— *Что происходит, когда военные выламывают дверь?*

Сидя в кресле психиатра, Алиса грызет ногти. Из магнитофона слышится взволнованное дыхание отца. Она ненавидит, когда он дышит вот так, словно какой-то зверь.

— Я боюсь.
— Чего?
— Что они сделают со мной что-то плохое.
— Они вошли?
— Да.
— Что вы видите сквозь щель?
— Фалангистов. У них на плече вытатуирован кедр, и они... у них в руках ножи. Боже мой, они... они покрыты кровью!
— Не волнуйтесь, вы в укрытии, никто не может вас увидеть.
— Нет, меня никто не увидит.
— И что делают фалангисты, войдя в дом?

Алиса представляет себе, как искривилось лицо отца, она угадывает его реакции, его выражения. Она дрожит. Она больше не хочет слушать, но что-то удерживает ее на месте.

— Они поднимают ножи. Автомобильное сиденье падает набок, старик валится на пол. Его глаза широко открыты и неподвижны. Из раны на горле течет кровь. Я... Я слышу вопли, мальчики кричат, я... я вижу, как двое из них падают, потом...

Застывшая Алиса впивается зубами в свой кулак. Отец рассказывает, как жестоко солдаты обращаются с женщинами. Клод безостановочно всхлипывает. Психиатр вмешивается:

— Клод, Клод, давайте вернемся назад, хорошо? Успокойтесь, успокойтесь, дышите глубже... Вот так... Ничего этого нет, Малака просто просит вас спрятаться в глубине стенного шкафа. Она приподнимает скатерть, велит вам скорчиться, а потом аккуратно опускает скатерть на место. Подумайте о том, как вам спокойно в этом шкафу, припомните все жесты Малаки, это очень важно. Вы их помните?

— В точности.
— И вы слышите, как закрываются дверцы?
— Да.
— Дверцы закрыты. Они хорошо закрыты, не так ли?
— Да.
— И как же вы видите, что творится снаружи? Подумайте, прежде чем ответить, Клод.

Клод задумывается.

— Нет, все темно. Совершенно темно.

— Очень хорошо. Значит, вертикальной щели нет?

— Нет...

— И значит, вы ничего не видите.

— Совершенно ничего. Щели нет.

— Ее нет... Ее никогда не было... Когда солдаты входят в дом, вам очень страшно. Вы не осмеливаетесь пошевелиться.

— Я забиваюсь еще глубже в дыру, я не касаюсь скатерти. У меня замерзли ноги.

— Что вы слышите?

Клод издает негромкие неразборчивые звуки, можно подумать, что он вот-вот заплачет. Наконец он отвечает:

— Крики, удары ножей. Все кричат.

— Вы что-то различаете?

— Нет-нет... Абсолютно ничего.

— Через несколько секунд, когда всех мужчин в доме уже убили, один из фалангистов открывает дверцу шкафа. Вы слышите скрип.

— Я слышу... Я... Я не могу пошевелиться.

— Вы видите, как под скатерть пробивается луч света, вы видите, как появляется щель. Припомните каждую деталь. Запах вяленого мяса, запах спиртного, исходящий от солдата. Потом Наджат... Наджат кричит... Наджат не умерла. Еще нет.

Алисе становится холодно, она трет плечи. Вся дрожа, она смотрит в потолок.

— И что происходит в этот момент, Клод?

— Внезапно становится светло. Мои волосы! Солдат тянет меня за волосы, а я умоляю, чтобы он не убивал меня!

Алисе плохо, она страдает вместе с отцом, но она чувствует на своих волосах не чужие руки, а руки Клода. Она отбивается непонятно от кого.

— Ко мне подходят остальные, они кричат что-то, чего я не

понимаю! Они бьют меня бутылками. Они бьют меня ногами! Связывают мне спереди руки ремнем!

Внезапно перед глазами Алисы возникают ее собственные стянутые ремнем запястья, она видит пар, окутывающий ей грудь, чувствует обжигающие струи, бьющие по плечам. Ее пытаются, отец втолкнул ее под горячий душ! Сквозь пар она различает его глаза, она кричит, но он не двигается, напротив, он не спускает с нее глаз...

— *Почему вас не убивают?*
— *Они все хотят этого! Я... Я знаю, что умру!*
— *И однако, вы не умрете. Почему?*
— *Их главный, тот... лысый, что-то говорит. Удары прекращаются, и они... они раздевают меня.*
— *Что происходит?*
— *Они... подталкивают ко мне Наджат. Затыкают ей рот тряпкой, потом... заставляют меня... лечь на нее... Они...*

Его душат рыдания. Алиса сжимает в руках дневник и закрывает глаза.

— *Они требуют, чтобы вы... что-то сделали. Сделали, чтобы спасти свою жизнь.*

Долгий стон, почти что вой.

— *Иначе они убили бы меня! А ее бы все равно изнасиловали! Это дикие звери, ими движет что-то, чего я не понимаю, чего никто не может понять. Для них не существовало пределов, эти люди превратились в чудовищ. Они творили это все вместе. И я... я присоединился к ним. Я стал одним из них. У меня не было выбора.*

— *У вас не было выбора, никакого другого выхода. И вы подчинились. И сколько... Сколько времени это продолжалось?*

— *Две, три... десять минут. Или двадцать.*

— *А потом?*

— *Они вкладывают мне в руки нож. По их жестам я понимаю, что... что мне надо...*

Он замолкает, давится рыданиями, и тогда психиатр подсказывает:

— И тогда вы сделали это. Вы убили.

— У меня не было выбора!

— Я знаю, иначе они сразу прикончили бы вас. Потом они велели вам отрезать у девочки прядь волос и положить в карман в качестве сувенира. И эта прядь до сих пор у вас. Верно?

— Да, да.

— Потом они взяли вас с собой и занялись другими женщинами.

— Да. Там были десятки женщин. Это продолжалось всю ночь, потом весь день и еще одну ночь.

— И скольких же вы убили, Клод?

— Там царило безумие, это была... какая-то истерия, там пахло злом, его можно было осязать. Для этих людей не существовало закона. Они убивали и смеялись. Мы... Мы уже не были людьми.

— Скольких?

— Я... Я...

Звук отодвигаемого стула, потом звук падения.

Услышав щелчок магнитофона, Алиса открывает глаза. Пошатываясь, она встает.

Отец не просто столкнулся с ужасом. Он принимал в нем участие. Он нес смерть, он отнимал жизнь.

И все это ради того, чтобы выжить.

Алиса задыхается, широко открывает рот, но воздух не проходит в легкие. Она кое-как добирается до окна и переваливается через подоконник на улицу. Она еще видит ремни на своих руках, чувствует обжигающую воду. Теперь Алиса знает, что действительно перенесла эти гнусные наказания, картинки возникают перед ней совершенно четко, словно лицо, медленно проступающее на поверхности воды. Она видит капли пара, оседающего на белой плитке, слышит скрип резиновых ремней на коже, чувствует обжигающие струи на своем детском теле. А перед собой, в клубах пара, она видит силуэт отца.

Он привязывал девочку в душе, приспособленном для ее матери, и включал горячую воду.

Все это происходило в действительности. Таким было ее детство. Ее детство и детство Доротеи.

Она пускается бежать сама не зная куда. Бьющий в лицо ветер придает ей сил. Она мечется без какой-либо конкретной цели, слабый шепот моря притягивает, направляет ее. Ей бы так хотелось уйти в темноту, в глубокие волны, и никогда не возвращаться. Ей хотелось бы привести свои мысли в

порядок.

Выбившись из сил, она бредет по узкой дорожке между дюнами. Ветер становится все сильнее. Алиса поднимается по склону дюны до полузасыпанного песком блокгауза.

Она плачет. Плачет долго и навзрыд, до изнеможения, пока ею не овладевает ненависть. Что за человек ее отец, если он убивал детей и их матерей, пусть даже под угрозой смерти? А потом прижимал к своей груди собственных новорожденных детей?

Прислонившись к бетонной стене, она сползает на песок, ее взгляд устремлен вдаль, тетрадку она зажала между коленями. Ей страшно. Какие еще ужасы скрываются за ее черными дырами? Какие еще наказания?

Она гладит обложку дневника Доротеи. Ей бы очень хотелось открыть его, но это слишком трудно. Слишком трудно, потому что оттуда может вырваться наружу весь *внутренний мирок Алисы*. Дон Диего, бегущий за палкой, мать, не отводящая глаз от кладбища, отец, склонившийся над овощными грядками...

Доктор Грэхем прав: все те же образы.

Ветер мрачно завывает, порывами врываясь в блокгауз. Внезапно Алису охватывает ужас, она вскакивает. Этот пляж, вода вдали, пугающие тени, отбрасываемые дюнами. Может быть, где-то совсем рядом притаился Берди.

Алиса бежит к дороге. Она хочет найти свою машину. Скрыться. Она быстро садится за руль и трогается с места. Читать дневник сестры она будет не здесь. Только у себя дома, в единственном на свете месте, где она чувствует себя в относительной безопасности.

Лишь забившись под кровать, она осмелится вновь встретиться со своим прошлым.

Там, где Берди не настигнет ее.

Последняя трапеза осужденного.

Александр, закутавшись в одеяло, жадно ест горячую пищу, просунутую ему сквозь прутья решетки. Рыба с рисом, на тарелке, с пластиковыми приборами.

От теплой еды в животе словно разгорается огонь. Лежа на полу, одними губами он шепчет: «Спасибо». Не по принуждению, не из страха быть избитым или подвергнуться пыткам, нет, он действительно благодарен.

Кончиками пальцев Александр подбирает последние рисинки, кладет их в рот, потом вылизывает тарелку, чтобы не пропала ни одна капля подливы.

Он съедает банан быстрее, чем успевает его очистить. Захлебываясь, выпивает стакан воды.

Александр прекрасно может стоять, хотя и притворяется, что это не так. Более того, он, не падая, отжимается восемь раз подряд, причем последние два раза — с отрывом ладоней. Потом, придя в себя, начинает ходить. Помногу. Восемь шагов от стены до стены. Поворот. Восемь шагов в обратную сторону. Таким образом в камере можно пройти много километров.

Человек в капюшоне не заметил, что он ведет эту тайную борьбу. Доносящееся издали лязганье металлических дверей оставляет Александру время, чтобы забиться в угол новой, более просторной камеры, куда его поместили, в ней есть даже рубильник, и он может менять освещение по своему выбору. Шикарные условия. Но, когда палач проводит свои тщательные проверки, жандарм ложится на бок и принимает позу раненого, обессиленного животного.

Александр ставит тарелку на пол и снова ложится под одеяло. На стене перед ним видна буква Е. — шестая буква алфавита, выцарапанная ногтями.

А потом в другом месте в своей камере, ближе к полу, он заметил надпись на известняке. Другое имя.

«Алиса».

Алиса начинается с буквы А... Алиса... Она была тут первой?

Александр чувствует, как у него сводит желудок. Его охватывает неукротимая ненависть. Раньше он никогда в жизни не молился, а теперь

уже шесть дней шепчет молитвы, сжимая в руке шарик из красной бумаги.

Ручкой пластиковой вилки он начинает процарапывать рядом с Е. свою букву... К.

Издали доносится лязг металла. Александр быстро прячет шарик и ложится.

За решеткой появляется тень.

— Время пришло, К.

Все органы чувств напряжены. Всплеск адреналина, кровь быстрее бежит по венам. Александр ползет к боковой стене камеры.

— Ну же, К. Надо бы поторопиться. Тут, за мной, кто-то ждет. И этот человек хотел бы сделать тебе небольшой подарок.

Александра распирает от желания встать, прижаться к решетке и рассмотреть, кто же там ждет его. Кто еще может быть замешан в этом кошмаре?

Но он овладевает собой и очень медленно поворачивает голову. Если он покажет, на что способен, ему конец. Может быть, это еще одна ловушка. Когда он открывает глаза, мужчина уже ушел, но где-то рядом Александр слышит шум. У него хватает времени, чтобы спрятать шарик под комбинезоном. Он хочет сохранить его при себе до конца... Его сын...

Мучитель появляется снова, он тянет за собой что-то непонятное, скрытое под одеялом. Теперь он откидывает капюшон, лоскуты ткани, закрывавшие ему рот, падают на землю.

Свет позволяет Александру рассмотреть наконец лицо чудовища.

Не в силах совладать с собой, он сжимает кулаки. Это самое обыкновенное, чересчур обыкновенное лицо.

Господин «кто угодно», и Александр его не узнает.

— А чего ты ждал? Зверя?

Ответа нет.

— Вот именно поэтому полиция никогда и не могла меня найти, вот потому-то мы и не знакомы. И у меня нет никаких мотивов. Я — порядочный отец семейства, живу в глубинке, куда никто и никогда не заглядывает. Честно говоря, меня просто не существует.

Клод Дехане кладет руку на неподвижное одеяло рядом с собой. Медленно стягивает его, и показываются колеса... инвалидное кресло.

— Это — моя жена. Она тоже пришла, чтобы судить тебя. Она здесь, потому что должна увидеть, на что похоже лицо убийцы.

Глаза Бландины устремлены в центр камеры. На ней красивое желтое платье в синий горошек. Кожа покрыта мурашками, кричат не

голосовые связки, а все ее тело. Это инвалидное кресло уже и легче, чем то, к которому она привыкла. Более маневренное. На коленях у нее лежит букет лилий.

Клод берет цветы и кидает их через решетку. Лилии падают на пол.
— Это тебе. От нее.

Александр уверен, что он уже умер, что он бредет где-то во мраке, в мире, полном огня и безумия. Так, значит, вот в чем было самое страшное. Перед этой бедной женщиной прошли они все, один за другим. А., Б., В., Г., Д., Е., Ё., Ж., З., И., Й... И вот теперь — К...

— Боже мой! Как же вы можете заставлять ее переживать такое?

Александр отползает, опираясь на руки. На четвереньках забивается в угол.

— Посмотри, Бландина. Посмотри на него, на этого убийцу детей. И благодаря мне он за это заплатит. Благодаря мне справедливость восторжествует.

— Хватит! — вопит Александр. — Сжальтесь, хватит!

Александр ползком мечется взад-вперед. Клод смотрит на него тяжелым взглядом, фиолетовая вена вздулась у него на лбу, зрачки превратились в два маленьких сверкающих камушка, и в них не светится ничего человеческого.

— Ну же, К., собирайся. Пора в дорогу, нас уже ждут. Я люблю приезжать на встречи заранее. Подойди поближе. Пойдем.

Он снимает висящий на шее ключ, вынимает револьвер и ждет. Александр поднимает голову, сейчас наступит долгожданный момент. Тот, к которому он так готовился. Может быть, единственный его шанс выйти отсюда. Он встает, сгорбившись, словно раб, делает несколько малюсеньких шажков к решетке. Видит темную тень электрической дубинки в руке Клода, потом... потом веревки, лежащие на полу. Множество веревок, которые столько раз не давали ему пошевелиться. Надежда на побег разбивается вдребезги, Александр знает, что на него обрушатся разряды, после которых он придет в себя спутанным по рукам и ногам, неспособным пошевелиться. На что он надеялся?

Его бледные потрескавшиеся руки, сжатые у горла, дрожат. Мозг работает на пределе возможного. Что делать, что делать? На полпути, достаточно далеко от решетки, он садится, прислонившись к стене, прячет голову между коленей.

Только бы заставить этого мерзавца отпереть решетку.

— Вставай, кому я сказал! — приказывает Клод.

Нарушить распорядок. Заставить льва войти в клетку. Клод теряет

терпение, топают правой ногой:

— Вставай, или я буду стрелять!

Александр зажимает руками уши. Он не выстрелит, он не может, он блефует, об этом свидетельствует подписанное письмо. Это должен сделать кто-то другой, не он.

— Жду одну минуту, потом считаю до трех. Подумай хорошенько...

Бландина не сводит глаз с Александра. «Он выстрелит! Встаньте, прошу вас! Он это сделает! Пожалейте меня, не заставляйте меня стать свидетельницей вашей смерти, я уже достаточно насмотрелась. Давайте покончим с этим. Встаньте и уходите оба. Уходите, как ушли другие, и воспользуйтесь шансом умереть, сознавая все. Послушайте, месье, послушайте меня, если это может придать вам мужества. Вы же слушаете меня, правда?»

Александр опускает голову, его глаза встречаются с глазами Бландины. И он понимает... Теперь он угадывает, какую нескончаемую муку терпит эта женщина.

«Да, да, вы меня слушаете! Моя психологическая пытка длится уже долгих шестнадцать лет. Шестнадцать лет, вы можете представить себе каждый час, каждую минуту моей жизни, когда он увозит меня из центра в Берке? Шестнадцать бесконечных лет, с тех пор как этот монстр толкнул меня с лестницы, а потом убедил свою собственную дочь, будто она виновата в том, что со мной случилось. Он вынашивал свой план много недель... Убить меня в день рождения дочери... Он прошептал это мне на ухо, когда понял, что я никогда не смогу общаться, моргая глазами. Вы отдаете себе отчет в том, насколько он жесток, насколько извращен? И все это потому, что он узнал, что я встречаюсь с другим. Но кто поступил бы иначе, имея такого мужа? Я хотела уйти, оставить его и сказала ему об этом. Это стало моей самой большой ошибкой».

— Тридцать секунд. Сейчас я начну отсчет, К.!

«Зачем он оставляет вам минуту, прежде чем начать считать до трех? Почему не начинает сразу? Он думает не так, как вы и я, он устроен по-другому. Этот человек стал воплощением зла, для него больше не существует границ».

— Раз...

«Я имела несчастье не умереть после падения. И посмотрите на меня! Посмотрите также и на это чудовище! Как ему удавалось творить все это и ни разу не попасться? Да просто дело в том, что Клод внушает

страх, у него есть что-то такое во взгляде. Он действует на всех вокруг как вампир. Он кусает вас один раз, это очень больно, но на второй раз вы сами подставляете шею. Да, он — вампир, людоед, дьявол».

— Два.

«Однако я рассказываю вам все это, а вы вот-вот умрете. Простите меня за мой эгоизм. Я схожу с ума, как и он. И как бы я хотела уже окончательно сойти с ума...

Мы закончим наши дни как чета безумцев.

Чета...

В радости и в горе...»

— И три.

Александр сжимается, ему кажется, что его тело сейчас взорвется, что вот-вот прозвучит выстрел. Но в уши ударяет другой звук, звук ключа, поворачивающегося в скважине.

Ловушка сработала...

Как только он подходит достаточно близко, Александр изо всех сил отбрасывает одеяло влево и стремительно выпрямляется. Из-под шерстяной ткани слышен треск дубинки, обритый череп врезается в живот палача. Потерявший равновесие, захваченный врасплох Клод Дехане падает на спину. Пуля задевает ногу Александра, он выскакивает за решетку и бросается влево, толкнув по дороге кресло Бландины.

Лучше убежать, а не драться. Он слишком слаб для борьбы.

Сразу же начинает колотиться сердце, ослабевшие мышцы горят.

Перед ним открываются три пути. Где другие камеры? Где выход? Он бежит наугад, направо. Лестницы идут вниз, к туннелям, где вырезаны гербы, названия новозеландских городов. Окленд, Гамильтон, Веллингтон. И даты, послания. Великая война.^[9] Какая ирония судьбы, в его тюрьме люди сражались за свободу.

Он чувствует запах, дикая вонь заставляет Александра натянуть на нос ворот комбинезона. Чем дальше он уходит, тем сильнее этот запах, можно подумать, там могила. Он видит круглый каменный выступ. Колодец. А вокруг — мешки, из которых высыпается белый порошок. Надписи на мешках. Негашеная известь.

Шатаясь, он подходит к колодцу, склоняется над ним.

Задерживает дыхание.

Это неопишимо. Там лежит гора трупов. Сваленные одно на другое тела, разлагающаяся незахороненная плоть. Килограммы ужаса.

Десять первых букв алфавита.

Содержимое желудка подступает к горлу.

Значит, ему предстояло закончить свои дни в этой мерзкой яме. Как Жюстина Дюмец. Как другие. Трупы, которые никто и никогда не найдет.

Нет трупа, нет подозреваемого, нет расследования.

Обессилев, он продолжает идти вперед, в обход колодца. Снова темнота. Ощупывая рукой стену, он идет вслепую, идет еще долго, потом вдали появляется свет, и в нем возрождается надежда. Он ускоряет шаг, свет становится ярче... Осталось повернуть вправо, и он выйдет к его источнику. И убежит.

Когда наконец Александр достигает угла, его ждет страшное разочарование.

Там, в нескольких метрах от него, стоит инвалидное кресло.

Ничего не изменилось. Александр сделал круг.

Он не успевает обернуться. Электродубинка обжигает его между лопаток, боль обвивает позвоночник и отключает нервную систему. Он падает, теряя сознание, не способный пошевелиться.

Перед его лицом лежит связка веревок.

— Ты понимаешь, что мы из-за тебя опаздываем? И наш общий друг рискует окончательно потерять терпение.

Клод подходит ближе.

— Ты ведь знал, что я не выстрелю, а? Потому что я — не убийца, и, что бы ты там себе ни вообразил, я не способен убить кого бы то ни было. И я делаю все это не ради себя, а чтобы помочь людям. Тем, у которых ты отнял все.

Алиса спряталась под кроватью. Теперь она чувствует, что готова. Она открывает дневник Доротеи на первой странице.

12 января 1995 года

Дорогой дневник!

Вот мы и встретились. Меня зовут Доротея, мне тринадцать с половиной лет, и я хочу написать тебе. У меня есть сестра по имени Алиса, папа по имени Клод и мама-инвалид по имени Бландина. Ты знаешь, я пишу тебе, потому что...

Алиса улыбается, плачет, охваченная воспоминаниями. Все кажется таким далеким, неясным, размытым. Эти страницы навевают столько ароматов, столько образов, а за ними скрывается столько ран, столько непонятных страхов! Доротея пишет об их матери, о ее синдроме «запертого внутри», о посещениях центра в Берке... Потом она рассказывает о волшебных узах, связывающих близнецов, обо всем том, что их объединяло и разъединяло. *Внутренний мирок Алисы* обретает цвет и форму.

6 апреля 1995 года

...Больше никогда, милый дневник, я не буду рассказывать про Николя, этого дурачка, который обижает мою сестру и делает ее такой несчастной. Он все время жалуется, этот законченный трус, это ничтожество. Я его ненавижу.

Николя... Этот малыш, о котором говорили и ее друг Фред, и доктор Грэхем. Существо, высасывающее из нее жизнь, превращающее ее в психически больную. Значит, Доротея знала, что в ней, тогда еще маленькой, прятался Николя. Почему же ей никогда о нем не говорили? Почему ее отец не сделал ничего, чтобы прогнать Николя?

Алиса еще больше съеживается. Она с жадностью впитывает каждую строчку, углубляется в детали уже несуществующего мира. Доротея рассказывает о стольких вещах, которые сама Алиса успела забыть. Потом

следуют болезненные эпизоды, например смерть Дона Диего, приступы злобы отца и его рыдания, которые она слышала из своей комнаты. Дни и события сменяют друг друга.

Она переводит дыхание. Приближается роковой месяц: сентябрь 1997 года. Дата смерти Доротеи. Перед этим Доротея много писала.

19 августа 1997 года

Дорогой дневник!

Сегодня я опять ждала Алису, и сегодня она опять не пришла. Папа говорит, чтобы я не волновалась, что в конце концов в один прекрасный день она вернется. Но я все же волнуюсь. Где она? У папы нет ответа. Неделю назад она просто взяла и исчезла. Вчера я видела по телевизору ужасные вещи про зло, которое некоторые люди причиняют детям. Это меня испугало. А вдруг Алису похитили? Вдруг с ней сделали что-то плохое? Почему папа не вызывает полицию? Это очень странно, дорогой дневник, потому что папа ведет себя так, как будто ничего не случилось. Он работает в саду, насвистывает, привозит маму из Берка и отвозит ее обратно, но очень редко говорит про Алису.

Я знаю, что мало пишу, но у меня нет настроения из-за всего того, что тут творится.

Алиса затаила дыхание. Исчезла? Она переворачивает страницу. Одиннадцать дней спустя.

30 августа 1997 года

Дорогой дневник!

Последние дни папа не так строг со мной. Думаю, это во многом заслуга Мирабель. Она проводит с ним все больше времени, и, по крайней мере, меня оставляют в покое. Ну и болтуня же она! Она разговаривает даже с мамой, все время разговаривает! О своей ферме, о своем покойном папаше и так далее и тому подобное...

Папа каждый день заставляет меня делать уроки, мне по-прежнему хорошо даются математика, физика и английский, и по-настоящему мне нравятся только эти предметы. Особенно

английский. Я то и дело тренируюсь в произношении разных слов. Еще я могу слушать музыку, папа купил мне маленький приемник. Теперь я провожу там большую часть времени. Там и рядом с мамой, когда надо за ней ухаживать. Мне пятнадцать лет, и живется мне не очень-то весело.

Короче, по-прежнему нет настроения.

See you soon, [\[10\]](#) дорогой дневник.

Алиса хмурится. Почему Доротея больше не говорит о ней? О ее странном исчезновении?

2 сентября 1997 года

Дорогой дневник!

Мне действительно жалко, что здесь нет Алисы. Может быть, мы часто ругались, но, по крайней мере, раньше папа оставлял меня в покое.

Три дня назад он разозлился. Ты же знаешь, что, когда он орет, поднимаясь по лестнице, это всегда плохой знак. Он отпер дверь и стащил меня за волосы вниз, не объясняя за что. Я кричала, я очень громко кричала, и мама, которая сидела там в кресле, все слышала. Я увидела мамины глаза. Я поняла, что она хотела прийти мне на помощь. Но ты же знаешь, она не может...

Мне еще больно даже оттого, что я пишу. Папа втащил меня в ванную комнату на первом этаже, привязал ремнями, а потом... Ты не поверишь, но он открыл на полную мощность горячую воду. Я была одета, но мне казалось, что меня режут ножом. Я так громко кричала, что сорвала голос, а руки и лицо у меня стали ярко-красными. Он звал Алису, он без конца звал ее и плакал. Потом он отвел меня в мою комнату и снова запер.

Можно подумать, что он считает меня виноватой в исчезновении Алисы. Я возненавидела его и думала о том, что хочу его убить. Всю ночь я представляла себе, как в его живот втыкается большой нож. Еще раз, и еще, и еще... Прости меня за такие мысли, дорогой дневник, но сегодня мне стало немного лучше.

На другой день после душа (вчера вечером) он поцеловал меня в щеку и попросил прощения. Он опять плакал. Он ушел спать в сарай.

Дорогой дневник, я начинаю бояться. Он никогда не поступал со мной так раньше, когда здесь была Алиса. Я бы очень хотела, чтобы она вернулась.

Но она все не возвращается. Думаю, что она уже никогда не вернется.

Потрясенная Алиса роняет голову на пол. Ей кажется, что в руках у нее не дневник, а граната, зловеющая головоломка, в которую она не решается поверить. Клод Дехане пытал душем и ее сестру. Это написано здесь черным по белому. Пытать свою пятнадцатилетнюю дочь...

Теперь Алиса знает: самое ужасное таится в ней самой. Она знает, что ее болезнь берет исток в психических потрясениях, которым отец постоянно подвергал ее. Наказания, притеснения. «Он никогда не поступал со мной так раньше, когда здесь была Алиса...» И само это исчезновение. Где она была? Что ей пришлось вынести? Алиса не помнит ничего. Ничего...

Она снова утыкается в тетрадь.

8 сентября 1997 года

...Папа продолжает закрываться в коровнике со своим грузовичком, это просто невероятно — сколько времени он там проводит. При этом он каждый раз запирает меня в комнате. Это продолжается уже несколько месяцев. Иногда он закрывает маму одеялом, а потом везет ее туда же, в коровник. Может быть, когда-нибудь придет и моя очередь. И еще... Я все чаще замечаю у себя под окном второго человека. Станный тип в капюшоне, который вместе с папой уходит к коровам. Это слишком, слишком странно, дорогой дневник!

Алиса слегка наклоняет голову. Человек в капюшоне... И правда, она вспоминает, что видела его из своей детской.

Мне бы очень хотелось выйти с фермы и чтобы папа не ходил со мной повсюду. Я чувствую, как во мне пробуждается желание уехать куда-нибудь. Куда? Как? Я не знаю. Но точно знаю, что он этого никогда не захочет. Может быть, если я на это осмелюсь, он убьет меня. А вдруг Алису просто взяли и убили? А вдруг она осмелилась сделать то, на что я никогда не решусь?

Нет-нет, я пишу это, но я знаю, что это невозможно. Алиса никогда ни на что не отважилась бы, думаю, что, если бы папа поджег ее комнату и велел ей оставаться внутри, она бы послушалась.

14 сентября 1997 года

Я тайком выпила вина, мне хотелось попробовать. Сначала было противно, но потом стало очень весело. Папа увидел это и наказал меня.

Сегодня папа отправился в коровник вместе с мамой.

Я больше никогда не буду делать этого, обещаю.

17 сентября 1997 года

Я боюсь, милый дневник, я боюсь того, что здесь случится. Сегодня утром папа уехал в город и забыл запереть двери коровника, как он всегда делает, когда уезжает. И я пошла посмотреть, что там внутри. Почему папа и человек в капюшоне проводят там по многу часов, иногда вдвоем, иногда каждый по отдельности? Почему папа иногда заводит туда грузовичок? Может быть, он что-то перевозит? Я хотела понять. Это как-то связано с коровами? Но что можно делать с коровами, а? Я вошла, мне было так страшно, что он вернется, что я пошевелиться не могла. Я перерыла там все и ничего не поняла, потому что ничего странного там не было. Коровы, кормушки, доильный аппарат, какие-то инструменты. Потом вдруг я увидела кое-что действительно непонятное: стойло в глубине коровника. Оно никогда не использовалось. Папа устроил три стойла, но мы никогда не держали больше двух коров. Так почему же все эти годы туда стелили свежее сено? Зачем менять сено в стойле, которое никогда не используется? Я подошла, отодвинула сено. Его там было много, толстый-толстый слой. И тут я нашла кое-что странное. Там были вырезки из газет, наклеенные на пол, как мозаика. Я нагнулась — в них шла речь только о несчастных случаях, о врачебных ошибках, о судах и приговорах. И всюду фотографии. Разбитые машины, плачущие люди, всякие мрачные вещи — это просто ужасно. На некоторых вырезках были черные пятна. Кровь, дорогой дневник, это была кровь, я почти уверена!

Зачем он наклеил это на пол, зачем он это прятал? В некоторых местах бумага совсем истлела, порвалась. Я была в таком ужасе, так перепугалась, что я слишком поздно услышала звук мотора. Мне стало так страшно! Я выскочила, помчалась домой и закрылась в комнате.

Но, милый журнал, я сделала одну глупость. Большую, огромную глупость. Сено... Я забыла положить его на место. Когда папа пойдет в коровник, он непременно это заметит, он всегда все замечает. Тогда мне несдобровать.

Думаю, сегодня я буду плохо спать. Я больше никогда не пойду в коровник.

See you soon, дорогой дневник.

Алиса переворачивает страницу. Вот оно... День смерти Доротеи...

29 сентября 1997 года

Милый дневник!

Сегодня мой день рождения.

Самый страшный ужас в моей жизни.

Папа сходит с ума. Он наказывает меня все чаще, он хочет, чтобы вернулась Алиса, он думает, что во всем виновата я. Он меня просто ненавидит... Это ужасно, милый дневник, но сегодня утром он позвал меня, он находился в саду. Шел сильный дождь. Я пошла, и он показал мне могилу.

Мою могилу.

На ней было написано мое имя и дата «29 сентября 1997 года». То есть сегодня, в день моего пятинадцатилетия. Ты не можешь себе представить, что я почувствовала.

Он ушел, не сказав мне ни слова. Я осталась в саду, мне было холодно, но я осталась. Мое имя на могильном камне.

Почему папа так поступил со мной? Почему он винит меня в исчезновении Алисы настолько, что готов изгнать меня из своего сердца и убить? Я надеюсь, что в один прекрасный день она вернется. Раньше я никогда не молилась, но теперь каждый день прошу, чтобы злодей, который держит у себя мою сестру, отпустил ее. Ведь только очень злой человек мог сделать это.

Я не очень хорошо себя чувствую, дорогой дневник, и я больше не буду писать, потому что сегодня я умру. Все это ни к

чему не приведет, и вокруг все становится хуже и хуже. Я долго об этом думала. Я прощаюсь с тобой.

Алиса грызет ногти. Эти откровения захватывают ее, переворачивают ей душу. Так вот откуда взялась могила! Еще одно безумие, рассчитанное на то, чтобы сломить Доротею? Как можно дойти до такого?

Ливан... Наверное, все идет оттуда. Там истоки зла.

Алиса переворачивает страницу. Ничего. Ни на ней, ни дальше.

Она закрывает лицо дрожащими руками. Кругом одно безумие.

Молодая женщина не успевает зайти дальше в своих раздумьях. Кто-то стучит в дверь. Она хватается за дневник, выбирается из-под кровати и бежит в прихожую.

Алиса открывает дверь. Сердце замирает от изумления. От очень приятного изумления.

— Фред...

Когда на лице Фреда появляется слабая улыбка, Алиса задерживает дыхание, сердце начинает колотиться еще сильнее. Его улыбка ее успокаивает, по телу разливается тепло каждый раз, когда она видит его.

Она обнимает его, и от этого ей делается лучше. Он так красив. Светлые волосы спадают на плечи, щеки покраснелись от холода. Теперь он медленно идет к ней, и Алисе больше не хочется убегать.

— Мне что, так и бегать за тобой повсюду?

Алиса смотрит на свои ноги, пожимает плечами, потом смущенно глядит прямо ему в глаза. Фред замечает ее волнение, нежно берет за руку. Алиса чувствует себя лучше, ей не страшно, она не сердится. Она ощущает какое-то умиротворение. Это чувство, может быть, похоже на любовь.

— Ты не можешь так и бегать за мной повсюду, Фред. Я не подхожу тебе. Да и никому другому.

Фред нежно проводит по ее щеке кончиками пальцев.

— Ты плакала?

Алиса отрывает тетрадку от груди и гладит ее.

— Это принадлежит моей сестре. Там говорится о моей юности, о нашей юности.

Фред хочет прочесть, но она не выпускает дневник из рук.

— «Моя разбитая жизнь. Доротея Дехане». Это дневник?

— Я нашла его в кабинете доктора Грэхема. Там написаны чудовищные вещи... Про моего отца. Про то, как он наказывал нас на ферме. Про его дикое, странное поведение.

Она глубоко вздыхает.

— Ох, Фред, сегодня я узнала про него столько страшного. Про то, что он делал в Ливане. Он ставил нас под горячий и холодный душ. Безумный...

Фред прижимает ее к себе, потом они идут в гостиную. Алиса продолжает свой рассказ:

— Понемногу я кое-что вспоминаю. Все, что со мной случилось, — это из-за него. Доктор Грэхем говорил о загнанных вглубь воспоминаниях. Он все знает, этот дневник был у него. Я должна повидаться с ним.

Фред вынимает из кармана какую-то бумагу.

— Я кое-что разузнал о нем. Его семья погибла в дорожной аварии. Жена и двое детей...

Алиса вздрагивает:

— Это ужасно.

Он протягивает ей листок:

— Держи... Это его адрес. Его не было в телефонном справочнике, но я разузнал. У уборщика в больнице всегда найдется пара-тройка знакомых — так можно раздобыть любые сведения о врачах.

Алиса берет бумажку.

— Смотри, — добавляет Фред, — похоже, твой психиатр живет в нескольких сотнях метров от своего кабинета. В Бре-Дюн...

— Он... Он должен был рассказать мне про этот дневник, про то, что творил мой отец. Он не имел права молчать.

— Может быть, у него были на то причины? Что, если он не хотел, чтобы ты столкнулась с теми кошмарами, о которых прочитала? А вдруг он просто хотел защитить тебя?

Алиса больше не знает, что думать, не знает, чему верить. Фред берет ее руки, сжимает их.

— Если хочешь, я провожу тебя к Грэхему.

Она смотрит в окно, выходящее на порт.

— Нет. Туда я должна пойти одна.

За окном солнце клонится к горизонту, облака окрашиваются в сочные фиолетовые тона. Что-то очень теплое прикасается к ее щеке, она поворачивается и со вздохом закрывает глаза.

— Я думаю, что... что я люблю тебя, Фред.

Она хватает свою куртку и, прижимая к себе журнал, выходит на лестницу. Они идут на улицу, она впереди, он за ней.

Алиса захлопывает дверцу машины. Фред стучит в окно:

— Скажи мне, что мы скоро увидимся...

Она опускает ресницы, потом снова обращает к нему огромные

голубые глаза:

— Очень скоро. Твое предложение поработать на ассоциацию и пожить у тебя остается в силе?

— Конечно.

— Тогда я вернусь.

Она трогается с места и долго смотрит в зеркало заднего вида.

Ей так хочется снова оказаться в его объятиях.

Бре-Дюн... Алиса снова в городке, из которого уехала совсем недавно. С помощью карты она сразу же находит нужную улицу. На тротуаре стоит синяя машина Люка Грэхема. Дом зарос сорняками, деревья плохо подстрижены, а деревянные ставни серьезно пострадали от просоленного ветра.

На втором этаже горит неяркий свет. Семь вечера, в октябре в такое время уже темно.

Алиса выходит из машины, опускает воротник куртки. В руке у нее — дневник сестры. Она идет по аллее, чувствуя, что моральные силы уже на исходе. Ей кажется, ее тело весит несколько тонн, но сегодня вечером борьба должна закончиться. Она пойдет до конца, даже если это нанесет ей новые раны, даже если Люк Грэхем расскажет что-то невообразимое. Она хочет знать, что представляла собой ее жизнь, почему и каким образом отцу удалось превратить ее в призрак, слоняющийся среди живых.

Ей надо знать, должна ли она проклинать Клода Дехане.

Алиса звонит в дверь. Она уже представляет себе, как психиатр стоит перед ней с выражением упрека в серо-голубых глазах. Она ждет, но никто не отвечает. Она отходит, бросает взгляд на второй этаж.

— Доктор?

Никакого движения в ответ, но свет в окнах свидетельствует о том, что в доме кто-то есть. Она снова подходит к двери, звонит, с силой стучит в старое дерево. И вдруг дверь со скрипом открывается сама собой. Девушка робко просовывает голову в образовавшуюся щель, вновь зовет, и вновь никто не отзывается.

Любопытство и недоумение заставляют ее войти. Она идет мелкими шажками, ей не по себе. Все вокруг выглядит таким застывшим, таким холодным...

Никого. Она уже готова выйти из дома, но вдруг замечает на вешалке знакомый серый плащ.

— Доктор? Вы тут? Это Алиса. Алиса Дехане.

Теперь она идет к прихожей, ей вдруг почудилось там какое-то движение. Ускоряя шаг, она поднимается на второй этаж.

Тонкий луч света пробивается из-под закрытой двери. Алиса зачем-то стучит, хотя понимает, что не дождется ответа.

Она решается войти.

Внезапно чья-то рука хватает ее за щиколотку. На полу лежит умирающий Люк Грэхем.

— Алиса...

Девушка наклоняется:

— Доктор!

Грэхем из последних сил тянет ее к себе. Он пытается что-то прошептать. Хватает ее за руку и окровавленным пальцем выводит на ладони алую букву «Х».

— Сарай... Вы должны... туда...

Глаза закатываются, пальцы разжимаются. Он выпускает дух. Алиса пытается приподнять его и видит, что он лежит в луже крови. На спине у него — глубокая рана.

Крик не успевает сорваться с ее губ.

При виде крови мгновенно происходит диссоциация сознания.

Алисы здесь больше нет.

Николя пятится назад и через секунду уже сидит, прижавшись к стене. Взгляд испуганно мечется по сторонам. Со скоростью ящерицы Николя заползает под кровать. Там он съезживается и начинает тихонько напевать с закрытыми глазами, сжимая и разжимая кулаки, словно разминает глину.

— Чтобы орехи домой принести, домой принести, домой принести. Чтобы орехи домой принести... Надо орешник сперва потрясти, сперва потрясти...

Николя кое-как приходит в себя, он всегда поет песенки, когда ему страшно, когда папа может разозлиться. С песенкой легче все вытерпеть. Заигравшись с ворсом ковра, он не замечает, как возле двери появляются две ноги, обутые в защитные бахилы.

Ноги в бахилах становятся по обе стороны тела Люка Грэхема, рядом с ножом, который валяется рядом с психиатром.

— Ну что, Николя, пойдешь ко мне? — спрашивает приглушенный голос. — Я отвезу тебя обратно на ферму. Если мы тут задержимся, знаешь, что может случиться?

Николя нервно почесывает несуществующую корку на коленке. Он не хочет, чтобы папа заставлял его стоять с тяжелыми книгами в руках или запихнул его одетым в душ и ошпарил.

— Ты кто? — спрашивает он, не выходя из своего убежища.

Под кровать заглядывает голова в черном капюшоне. Николя слабо улыбается.

— Я уже видел твой капюшон рядом с папулей из окна своей комнаты, правда?

— Правильно.

Николя расслабляется. Он показывает пальцем на труп Грэхема:

— Почему с ним такое сделали? Это же хороший дядя.

Рука в черной перчатке манит его из-под кровати. Вторая рука хватает тетрадку в сине-белой обложке.

— Потому что он это заслужил, он не слушался. Ну, давай пойдем. Нам уже пора уезжать.

Николя выкатывается из-под кровати и встает, наклонив голову, слегка согнув ноги. Мужчина медленно поглаживает его по подбородку, потом берет за руку и подтягивает к трупу. Потом достает из кармана карамельку чупа-чупс:

— Это тебе.

Николя неуверенно протягивает руку. Мертвец похож на кроликов, которых убивал папа. Мужчина поднимает руку.

— Но сначала я хочу, чтобы ты взял этот нож. Просто возьми в руку, а потом отпусти. Понял?

Николя решительно мотает головой:

— Нет, это нехорошо.

— Ну постарайся, Николя. Будь умником.

— Я хочу домой.

Мужчина в капюшоне вздыхает. Крепко сжав запястье Алисы, он вынуждает ее встать на колени. Девушка с невероятным проворством пытается укунить его за руку, но мужчина реагирует мгновенно. Он ладонью припечатывает ее лицо к полу и всем своим весом наваливается на нее.

— Идиотка. Рано или поздно это должно было случиться. У меня больше нет выбора. Но ничего, обойдется, этот бардак скоро кончится.

Не давая Алисе возможности вывернуться, он садится на нее верхом и прижимает нерв и мышцы на предплечье, заставляя ее разжать кулак. Потом кладет ладонь Алисы на рукоятку ножа. Когда он выпускает ее руку, пальцы девушки инстинктивно сжимаются. Мужчина осторожно поднимает руку Алисы с зажатым в ней ножом.

— Очень хорошо. Ну вот... Сначала безумная больная ударила отца ножом в грудь, потом убила психиатра, а после покончила с собой... Твои воспоминания, Алиса, становятся слишком опасными.

Мужчина поворачивает нож острием к Алисе и наклоняется вперед, чтобы увеличить силу давления. Конец ножа приближается к сердцу. Алиса кричит, мотает головой. Николя недостаточно силен, он слишком хрупкий, слабый, слишком напуган, чтобы сопротивляться.

И тогда, как это случилось в Исследовательском центре, Николя и Алису поглощает мощная темная масса, сумеречное чудовище, притаившееся в глубинах подсознания.

Другая личность.

Берди...

На глазах мужчины обращенное к нему лицо меняется, на шее проступают жилы. Алиса вцепляется в капюшон, отрывает от него кусок ткани, стягивает его до подбородка. Колено врезается мужчине между ног, от страшной боли он складывается пополам, откатывается в сторону. Обрывки ткани, заглушавшей его голос, падают на пол.

— Ах ты, сука подлая, мразь! — выкрикивает он своим настоящим голосом.

Берди вскакивает и выбегает из комнаты. Через какое-то время уже Алиса поднимается в своем доме по ступенькам, не понимая, каким образом она тут очутилась, даже не помня о том, что Люк Грэхем мертв и что человек в капюшоне стремится уничтожить ее любой ценой.

Озадаченная Алиса останавливается, не дойдя до конца лестницы.

Еще одна черная дыра.

В бешенстве она бьет кулаками по стене. Куда подевался дневник Доротеи?

Она бежит к машине, ищет на пассажирском сиденье, в бардачке, в багажнике Ничего! Стоя посередине улицы, она испускает яростный крик и чуть не падает в обморок, когда на ее плечо опускается чья-то рука. Она поворачивается. Жюли машинально отступает, а потом внимательно смотрит на девушку:

— Алиса Дехане?

Алисе кажется, что весь окружающий мир сжался в одну точку. Жюли спрашивает:

— Что-то случилось?

Сотрудница социальной службы чувствует, что девушка в паническом состоянии, в ужасе.

— Не трогайте меня! Не трогайте!

Жюли поднимает руки и пятится:

— Успокойтесь, пожалуйста.

Выдержав паузу, приличествующую ситуации, она обращается к Алисе сдержанным, успокаивающим тоном:

— Это мне вы звонили. Ваша сестра Доротея воспользовалась моим мобильным, чтобы связаться с вами. Припоминаете?

При упоминании имени сестры выражение лица Алисы меняется, становится более мягким.

— Вы... Да, я вспоминаю, вы виделись с моей сестрой. Ой, а как она? Где она живет? Что...

— Может быть, поднимемся к вам домой и поговорим?

Алиса кивает. Она в последний раз смотрит на открытый бардачок, а потом идет к дому. Сотрудница социальной службы следует было за ней, потом поворачивается к машине и, нахмурившись, склоняет голову. Алиса ждет ее на ступеньках, ведущих к дому:

— Ну, вы идете?

Войдя в квартиру, сотрудница социальной службы внимательно осматривается. О людях можно многое узнать по их жилищу. Но в этой комнате нет ничего по-настоящему личного. Ни безделушек, ни

фотографий, ни даже дисков или DVD-проигрывателя...

Алиса внезапно останавливается и смотрит на свою ладонь. Кровавая буква «Х». Она наклоняет голову.

— Как балки в сарае...

Жюли подходит поближе:

— Что, простите?

— Это голос доктора, он звучит где-то у меня в голове. Балки в сарае...

Она подносит руку к лицу. Похоже на кровь.

— Вы знаете, что означает этот знак — «Х»?

— У нас на ферме есть сарай, и там балки именно так перекрещены. Да, точно, я должна туда поехать. — Она поворачивается к Жюли: — Что вам известно о моей сестре?

— Не так уж много. Мы встретились на ферме вашего отца. Она вкратце рассказала мне о вашей матери, о вашем психиатре, Люке Грэхеме, потом попросила у меня мобильный и позвонила вам. После этого мы расстались.

Алиса по-прежнему смотрит на свою ладонь.

— Как она выглядела? Она не больна?

— Вроде бы в хорошей форме. И весьма взволнована.

— Взволнована?

— Я не знаю точно, но думаю, это как-то связано с моей проблемой. С тем делом, по поводу которого я вас разыскиваю.

— Вы разыскиваете меня?

Жюли решает больше не тянуть. Она вынимает фотографию одеяла кататоника и показывает ее Алисе.

— Вам доводилось видеть это одеяло?

Алиса берет снимок и кивает головой:

— Песочного цвета, с голубыми полосками. Такое же, как в шкафу у меня в комнате. Ну, я имею в виду — в моей бывшей комнате, на ферме. А что?

Поморщившись, Жюли протягивает ей фотографию Бюрло:

— А это лицо вам знакомо?

— Первый раз вижу.

Честный ответ, без обиняков.

— Вы абсолютно уверены?

— Абсолютно.

Жюли проводит рукой по лицу.

— Хорошо... А если я расскажу вам, что этого человека нашли

накрытым этим одеялом и в очень тяжелом состоянии, а на одеяле были следы менструальной крови — вашей крови, что вы на это скажете?

Алиса начинает дрожать всем телом. Услышанное произвело на нее эффект разорвавшейся бомбы.

— Когда его нашли? — спрашивает она.

— Когда?.. Честно говоря, я ждала от вас другой реакции.

— Скажите — когда?

— Во вторник утром, девятого октября.

На следующий день после теста в Исследовательском центре. Во время ее черной дыры.

Алиса чувствует, что ее шатает.

В ее рассудке что-то сломалось.

Теперь она выпрямляет спину, отводит плечи назад, выпячивает грудь. Глаза загораются огнем, в них появляется жизнь, злость. Она аккуратно снимает очки, прикрепленные к тонкому коричневому шнурку, и сует их под свитер. Она смотрит на Жюли как-то странно, словно не понимает, почему та здесь.

Это уже не Алиса.

И ее сменил не Николя, это не его роль.

Он уступил место Доротее, теперь она управляет телом Алисы.

Александр слышит, как отодвигается задняя дверца фургончика. Совсем недавно его швырнули в машину, потом опустили брезентовую занавеску, создав своего рода тайник, в котором его невозможно найти. Кроме того, он слышал, как отвинчивали и привинчивали номерной знак. Все делалось быстро и ловко. Работа профессионала. Специалиста по смерти.

В том месте, где он лежит, брезент обклеен фотографиями. Это портреты девушки, у которой он отнял жизнь. Она снята в три, в четыре года, в пять, в семь лет...

Человек в капюшоне, сидя на корточках, поднимает железную перегородку в фургоне. Александру освобождают ноги и завязывают веревку вокруг пояса, и его снова охватывает ужас: его везут на казнь. Перед глазами вновь встает изуродованное тело, лежащее на куске черного брезента. Сейчас Клод Дехане берет под мышку точно такой же брезент, только чистый и блестящий.

Это невыносимо. Александр падает и начинает умолять палача.

— Ну же, води себя прилично! Когда ты убил эту малышку, ты так не ныл!

Естественно, ответить он не может — рот затыкают кляпом. Клод подталкивает пленника перед собой, и они углубляются в чащу в северной части леса под Сент-Аман-лез-О.

Проходит довольно много времени, и Клод останавливается. Он крепко привязывает Александра к дереву и уходит. Тот пытается освободиться, но силы быстро оставляют его. Пути врезаются в тело, да и если бы ему удалось вырваться, бежать он уже не в силах. Теперь уже нет.

Клод быстро доходит до места, где деревья немного расступаются. Оттуда он в разных направлениях посылает условный сигнал. Две длинные вспышки, две короткие, одна длинная. И ждет.

Наконец приходит тот, кого он ждал.

Клод протягивает руку. Поль Бланшар машинально пожимает ее.

— Можно погасить фонарь, луны достаточно. Вы принесли жесткий диск?

Бланшар отдает диск. Клод прячет его под курткой.

— Нервничаете?

— Где он?

— Идите за мной. Вы выбрали... бейсбольную битую?

— Вы сказали, что нужно обойтись без шума. Я с самого начала решил, что надо использовать битую. Но...

— Что — но?

— Ничего.

Его голос заметно дрожит. Бланшар, судя по всему, плохо владеет собой. Клоду это не нравится, он расставляет точки над «i»:

— Не забывайте о том, что он сделал. Вспомните его порочную улыбку. Он отнял у вас самое дорогое, что у вас было, а сам наслаждался счастливой жизнью с женой и сыном. Что мы с вами сейчас делаем?

Выражение глаз Бланшара меняется.

— Мы вершим суд.

— Мы вершим суд. Мы спасаем вашу семью.

Пока они идут, Клод не замолкает ни на минуту. Нужно, чтобы в памяти всплыло все самое горькое, чтобы человек пришел в бешенство. Бланшар открывает бутылку, делает большой глоток. Внезапно он замечает тело, лежащее у подножия большого дерева. Его охватывает злость.

Он сделает это. Он пойдет до конца.

Клод становится перед ним.

— Что бы ни случилось, мы не станем отвязывать его от дерева. Он выглядит слабым, но это одно притворство. Этот человек очень, очень опасен, и вы это знаете.

Не услышав ответа, Клод подходит совсем близко.

— Не трогайте кляп... Да, и последнее. Если вам будет трудно нанести последний удар, просто отведите глаза. Все произойдет само собой.

Бланшар кивает. Клод упирается двумя пальцами в его подбородок и заставляет поднять голову:

— Скажите мне, что вы довольны, что вы рады быть здесь.

Бланшар отталкивает его руку. Он молча, не шевелясь, смотрит на скорчившегося человека. Потом медленно идет к нему.

Александру хватает нескольких секунд, чтобы понять: это он. Отец сбитой им девочки.

В тот же миг он чувствует, как из желудка к горлу поднимается жгучая жидкость. Он кашляет, задыхается, его щеки надуваются, рвотные массы забивают дыхательные пути. Из ноздрей течет красно-коричневая жижа.

Бланшар отступает на два шага, он явно в панике. Он оборачивается к Клоду, который стоит неподалеку, прислонившись к дереву.

— Он захлебнется своей рвотой, черт возьми!

— Поднимите биту. И убейте его.

Бланшар бросается вперед и становится на колени. Он отдирает слои клейкой ленты, ему удастся вытащить кляп. Александр откатывается на бок и сплевывает. У него нет сил подняться, он лежит, словно выброшенная на берег умирающая рыба.

Бланшар пятится. Какое жуткое зрелище, какой кошмар! В человеке, лежащем у его ног, не осталось ничего от омерзительного, наглого существа, превратившего его жизнь в ад. Он в ужасе поворачивает голову.

Рука Клода тяжело ложится на его затылок.

— Уже поздно отступить, не так ли? — сухо говорит Клод. — Я знаю, что это трудно, но вы хотели этого не меньше, чем я.

— Я... Я ничего не хотел. Вы сами нашли меня. Вы...

Клод толкает его вперед.

— Давайте, быстро и сильно, одним ударом. И покончим с этим. Дороги назад уже нет — вы поняли? Он разрушил вашу жизнь, жизнь вашей жены! Убейте его!

Бланшар нехотя идет вперед, его раздирают противоречивые чувства. Он стоит рядом с Александром, а тот медленно поворачивает к нему голову.

— Не смотри на меня! — орет Бланшар. — Ты... Ты это заслужил!

Он стискивает биту. Александр пытается что-то сказать. Бланшар наклоняет голову:

— Что ты говоришь?

Он нагибается чуть ниже и разбирает слова:

— У меня под комбинезоном... Возьмите...

Бланшар, недоверчиво глядя на него, выполняет просьбу. Берет в руку шарик из красной бумаги, в недоумении рассматривает его.

— Мячик... моего сына... — шепчет Александр. — Вы... не могли бы... отдать ему? Ему... восемь лет. Он... ждет, что мы... поиграем в футбол...

Бита падает на землю. Бланшар отступает, спотыкается о корень, а потом мотает головой:

— Я не могу. Нет, нет, я не могу...

Рука хватает его за плечо, поднимает с земли.

— Вы должны лишить его жизни, — настаивает Клод. — Он

сотворил зло! Он сотворил зло!

Бланшар поднимает биту, смотрит Клоду в глаза и протягивает биту ему:

— Я не могу, это слишком трудно. Сделайте это сами.

— Но... Я не могу убить его, я всего лишь посредник! Это ваше дело! Вы должны сделать это!

— Да идите вы к черту!

И он убегает в лес, унося с собой бумажный шарик.

Клод, не веря своим глазам, смотрит, как он исчезает в ночи. Потом поднимает голову. Справа, с кучи листьев, вроде бы доносится смешок. Александр плачет и смеется одновременно в присутствии палача, не способного испытывать жалость.

Клод хватается за голову, широко открывает рот, но не может издать ни звука. Неужели он ошибся?

Почему? Почему? Почему?

Он угрожающе смотрит на Александра. Все, ради чего он существует вот уже столько лет, внезапно превратилось в пыль. Он медленно поднимает биту, сует ее в мешок, потом отвязывает веревки от дерева.

— Встать.

Его голос ничего не выражает, он кажется мертвым. Он хватается Александра под руку и волочит его по сухой листве — десятки, сотни метров.

От человека в капюшоне осталась только тень.

Опускается брезентовый тент фургона, хлопает дверца. Раньше Клод привозил тела обратно только в мешке. Он выезжает из леса, возвращается в цивилизованный мир, городские огни снова придают ему сил. Пальцы, мертвой хваткой вцепившиеся в руль, понемногу расслабляются. Мысли проясняются, и вскоре к нему возвращается уверенность в собственных силах. В конце концов, этот тип — всего лишь песчинка, случайно попавшая в отлаженную систему. Рано или поздно такое должно было случиться. И даже если этот сукин сын заговорит, никто никогда не сможет выследить его, его пленников... В любом случае, он никогда ничего не скажет.

Что же касается К., то до конца своей жизни он будет раскаиваться в подземелье.

Вскоре Клод приводит своего пленника обратно в подземную тюрьму, в бесконечные коридоры, вдоль которых тянутся камеры. Пальцы с черными ногтями хватаются за прутья, серые лица прижимаются к

холодному металлу, наблюдая за возвращением человека, которому не посчастливилось умереть.

Белый как мел Александр поворачивает голову. Он кричит, бьется, а потом, израненный, падает на пол. Его потерянный взгляд встречается с глазами других пленников.

Его проводят мимо камеры, потом тянут в другую сторону. Он знает... Он знает, что к человеку в капюшоне, демонстрирующему его другим несчастным, вернулась прежняя жестокость.

Он разбит, он обезумел, но все же чувствует, как его раздевают и швыряют в другую камеру.

Может быть, его изолировали от остальных, чтобы наказать. Наверняка чтобы свести с ума. Но Александр больше не боится безумия. Напротив, он ждет его.

Совершенно голый, он подползает к задней стене камеры и съезживается там, обхватив руками обритую голову.

Он ищет красный шарик, но его больше нет.

Сегодня вечером Александр не получил право стать свободным.

И в этом он может винить только Блانشара.

Если он когда-нибудь выйдет отсюда, он убьет его.

На этот раз Доротея решает не убегать, как она делает обычно при каждом своем появлении, если ситуация оборачивается не в ее пользу. Она быстро окидывает взглядом место, где оказалась. Квартира ее сестры... Ее глаза встречаются с глазами Жюли Рокваль.

— Вижу, вы нашли мою сестру.

Жюли немного подается назад:

— Что... Что вы такое говорите?

— Вы же в гостях у Алисы, не так ли? Из этого я делаю вывод, что вы ее нашли.

Сотрудница социальной службы не может прийти в себя. Тон голоса, ритм речи, поведение — все внезапно изменилось. Перед ней стоит не застенчивая Алиса, а гордая Доротея. Жюли только что своими глазами наблюдала редчайшее явление: смену личности.

— Вы... Вы — Доротея?

— А кто же еще?

Жюли потрясена. Да, в университете ей приходилось слышать о диссоциативном расстройстве личности, и ее это очень занимало. Она хорошо помнит о на шумевших в свое время случаях, например об Анне О. или о Сибил, женщине с шестнадцатью личностями. Но ей никогда, никогда не доводилось встречать подобных больных. Теперь она лучше понимает одержимость Люка Грэхема. Такой редкий, такой странный случай...

Доротея указывает пальцем на зажигалку, торчащую из кармана Жюли.

— У вас сигаретки не найдется?

Жюли по-настоящему сложно вернуться к нормальному разговору.

— Да-да, конечно. А ваша сестра, Алиса, по-моему, не курит?

— Она никогда и не пробовала. Из нас двух Алиса всегда была хорошей девочкой, такой, как нравится моему отцу.

Это совершенно поразительный случай. Расщепление доходит до того, что одна часть мозга Алисы Дехане зависима от никотина, а другая — нет. Что же заставляет появляться Доротею: злость, страх или откровения, которые Алисе слишком трудно перенести? Происходит ли расщепление личности каждый раз, когда она ощущает себя в психологической опасности? Но как объяснить очки?

— Вы... Вы знаете, где сейчас Алиса?

Доротея берет сигарету и закуривает. Потом, закрыв глаза, делает длинную затяжку.

— Думаю, она поехала к Грэхему. Там вроде бы что-то стряслось.

— Что?

Доротея пожимает плечами:

— Ой, да это просто Николя, этот плакса влез куда не надо. А потом еще этот Берди.

— Берди?

— Дежурный злодей. Как правило, он не показывается.

— Вы рассказываете мне о других личностях? О других персонажах, живущих внутри Алисы?

Доротея нервно присвистывает:

— Как это — другие персонажи? Вы прямо как Грэхем. Я говорю вам о людях, а не о персонажах или как вы их там называете.

Она поворачивается кругом.

— Разве похоже, что меня нет? Разве я похожа на сестру? Посмотрите на мои красивые ногти, сравните их с Алисиными, — вы увидите, кто из нас болен. Алиса мало заботится о своей внешности, она себя запустила. Ой, все это так глупо. Все время приходится оправдываться.

Ногти у нее короткие и обгрызенные, но, судя по всему, Доротея видит их по-другому.

— Вам удалось что-то узнать о происшествии с семьей Грэхема и о человеке из статьи?

Жюли кивает и пытается поверить, что разговаривает не с Алисой, а с Доротеей. С совершенно другой, независимой личностью, с собственными условиями, собственными воспоминаниями, собственным характером. Да, интересно, должно быть, на сеансах психотерапии у Грэхема!

— Вы правы. Человек с вашим одеялом, которого мы подобрали на автобусной остановке, в две тысячи четвертом году стал виновником дорожного происшествия. Он насмерть сбил девочку.

— Алиса рассказала вам про одеяло?

— Вы узнали его, но ничего мне не сказали, когда я показала вам снимок.

— Клянусь вам, я не знаю, откуда у этого типа взялось это одеяло. Я не хотела подвергать опасности мою сестру.

— Так значит, это ваша... ваша сестра Алиса накрыла им моего больного?

— Об этом я ничего не знаю. Может, это сделал Берди, кто знает? Я не в курсе того, что они там делают, говорю вам. У меня своя жизнь.

В голове у Жюли царит полная неразбериха. Она совершенно не понимает, как работает психика Алисы Дехане. По большей части при диссоциативных расстройствах основная личность не знает о существовании второстепенных персонажей, но иногда один из них знаком с остальными. Случай Доротеи более или менее укладывается в эти рамки.

Облачко табачного дыма закрывает лицо девушки. Она разгоняет его рукой и смотрит прямо в глаза Жюли:

— А что насчет Грэхема? Вы нашли информацию о его семье?

— Об этом я и так знала. Двое его детей и жена погибли, когда машина сорвалась...

— Я говорю не о них. О человеке, ставшем причиной несчастья.

Жюли замирает. Она достает лист бумаги со схемой и внимательно изучает его.

— Вы имеете в виду Жюстину Дюмец? Ах, черт, ведь и верно... Мне не пришлось в голову выяснить, что с ней стало. Вы думаете, тут есть какая-то связь? Что она тоже могла исчезнуть, как и Бюрло?

Доротея идет к окну, открывает его и встряхивает сигарету. Пепел улетает на улицу.

— А вы можете быстро проверить?

Жюли достает мобильный телефон.

— У меня есть знакомый в уголовной полиции Лилля.

Доротея хватается за руку и тянет к выходу. Потом захлопывает дверь квартиры, не запирая ее.

— Позвоните с дороги. Мы поедем в машине моей сестры.

— Куда?

— В сарай. Я уверена, что мой отец замешан в чем-то ужасном.

Подойдя к старому «фиату», Доротея садится на место пассажира и протягивает Жюли ключи.

— Если есть выбор, я предпочитаю не вести сама. Не люблю это дело.

Не задавая новых вопросов, Жюли заводит машину и трогается с места.

За ними едет другой автомобиль.

На пассажирском сиденье лежит черный капюшон.

Автомобиль Алисы выезжает на автостраду A26 и направляется в сторону Арраса. Жюли выключает мобильный и кладет его на сиденье между ног.

— Как только мой знакомый доберется до работы, мы получим ответ относительно Жюстины Дюмец. Послушайте, Доротея, вы должны мне рассказать, каким образом вы и ваша сестра оказались замешанными в эту историю.

Жюли бросает взгляд в зеркало заднего вида и начинает рискованный обгон. Доротея прислоняется затылком к подголовнику.

— Все дело в стечении обстоятельств, а началось это восьмого октября. В тот день доктор Грэхем увез Алису в Исследовательский центр под Парижем, чтобы провести какое-то тестирование. В лаборатории случилось что-то, в чем я никак не могу разобраться.

— Вы сопровождали сестру?

— Нет, но я более или менее в курсе того, что она делает.

— В курсе? Каким образом?

— Ну, в курсе, и все тут, не пытайтесь понять, ладно?

Жюли молча кивает. Она вроде бы припоминает, что люди, страдающие расщеплением личности, используют в качестве защиты парадоксы, разрешить которые они не в состоянии, и уходят от ответов на смущающие их вопросы. Доротея продолжает объяснять:

— После этого тестирования у меня тоже был провал в памяти, черная дыра, как у Алисы. Это случалось со мной раз или два в жизни, когда я была моложе, и потом сегодня, у Грэхема. Ясное дело, это все из-за Берди. Он вернулся. Каждый раз, когда он появляется, я не знаю, что он делает.

— А откуда он появляется?

— Не знаю, но совершенно точно, что он опасен для моей сестры. Восьмого вечером, явно под влиянием Берди, она дважды ударила ножом моего отца. Хотела его убить.

Жюли пытается сохранять спокойствие и не выказывать своего потрясения. Алиса Дехане признается ей в попытке отцеубийства. И что теперь можно сказать о ее отце, который утверждал, что пытался покончить с собой? Может быть, он защищал дочь?

— Почему она захотела его убить?

Глаза Доротеи загораются.

— Потому что Берди решил, что отец заслужил это, вот и все. Он сделал то, на что я никогда не решалась...

В салоне машине так спокойно и уютно, фары встречных машин оказывают гипнотическое действие. Теперь Доротея говорит медленно, обстоятельно, без злости:

— Восьмого вечером Алиса ударяет отца ножом. Ночью я нахожу в ее душе окровавленную блузку. А девятого утром вы и ваши люди находите человека, накрытого ее одеялом. Совершенно ясно, что мою сестру, моего отца и вашего больного что-то связывает. А что именно — знает Берди.

Жюли очень хочется, чтобы все совершилось поскорее, чтобы откровения хлынули дождем, но она понимает, что должна проявить терпение и позволить всему идти своим чередом. Все ключи к разгадке таятся в мозгу сидящей рядом с ней молодой женщины, но она не может правильно воспользоваться ими. Может быть, Грэхем знает, как это сделать. Может быть, он знает правду, но скрывает ее. Это объяснило бы его странное поведение, когда она заезжала к нему.

— А у вас есть какое-то представление о природе этой связи?

Доротея вздыхает:

— Дело было лет десять назад, на ферме... Мне не разрешали заходить одной в хлев, но однажды в отсутствие отца я все-таки это сделала. Я нашла там странные статьи из газет. Они были аккуратно вырезаны и приклеены к полу под сеном. Во всех этих статьях рассказывалось о боли и злости жертв. Точно так же, как в газетах в доме Грэхема.

— Жертв... Вы имеете в виду жертв дорожных аварий?

— Дорожных аварий, врачебных ошибок, судебных ошибок. Там говорилось о невинных людях, которых посадили в тюрьму, о сломанных жизнях, о судьбах, изуродованных в результате чьей-то небрежности или насилия. Папа наклеивал все эти статьи как одержимый, их были десятки, сотни. Именно поэтому у меня что-то щелкнуло, когда вы стали говорить про Грэхема и фотографию кататоника. Одеяло с пятнами крови, взятое на ферме и найденное при человеке, который был виновником дорожного происшествия.... Статьи, наклеенные на полу в хлеву...

Она замолкает. Мирное почихивание мотора действует на нее расслабляюще.

— Я почти уверена, что...

И снова тишина. Доротея похожа на шарик, из которого выпускают воздух. Она сводит плечи, горбится, все чаще моргает. Потом сощуривает глаза, как будто их раздражает свет фар. Нащупывает висящие на шее очки

и надевает их. Потом поворачивается, оглядывается по сторонам и с тоской смотрит на Жюли:

— Что мы тут делаем?

Жюли старается сосредоточиться на дороге, по мере приближения к Аррасу поток машин становится все плотнее.

— Алиса?

Молодая женщина в отчаянии проводит рукой по лицу:

— Николя опять приходил?

Жюли не знает, что ответить. Она знает, как хрупки эти больные, знает, как мучительно им осознавать свои проблемы. Поэтому она только слегка кивает и отвечает вопросом на вопрос:

— Что вы припоминаете?

— Мы... Мы разговаривали у меня дома. Вы показали мне фотографию одеяла, и...

— И?

Алиса чувствует, что от ее одежды пахнет табаком.

— Я... Я больше ничего не помню. Что произошло? Куда мы едем?

— К вашему отцу.

Она показывает на ладонь Алисы.

— Помните, насчет сарая...

— Ах да, сарай. Балки, перекрещенные, как буква «Х»...

Жюли пытается привести в порядок собственные мысли. Понять.

— Когда я виделась с вашей сестрой Доротеей, она упоминала о каком-то Берди. Это имя вам что-то говорит?

Алиса дышит на стекло, сжимает кулаки.

— Он всегда пугал меня. С самого детства я боялась ходить в некоторые места, в частности в сарай, хлев или душ, потому что знала, что он там меня поджидает. И он мне постоянно снится. Я думаю, он хочет причинить мне зло. Но...

Она вдруг умолкает, медленно поворачивает голову к Жюли, а в это время машина съезжает с автострады.

— Я ведь даже не знаю, кто вы. Просто еще одна незнакомка, появившаяся в моем мире. Почему вы здесь, вместе со мной?

— Потому что именно к вам ведут все ниточки того дела, над которым я работаю. Мне нужно, чтобы вы указали мне дорогу. Я ее не помню, а свой навигатор я забыла.

Алиса подробно описывает маршрут и окончательно погружается в молчание. Они отъезжают все дальше от города. Впереди вырисовывается лес, освещенный полной луной. Мобильный телефон Жюли начинает

вибрировать.

— Простите...

Алиса нервничает. Она знает, что сегодня вечером она рискует встретиться с отцом, она уже представляет, как он стоит перед ней, упершись в бока кулаками, и ждет, чтобы она заговорила. Решится ли он наставить свое ружье на нее, как он это сделал с Фредом?

Сидящая рядом женщина с встревоженным видом отключает мобильный.

— Что-то случилось? — спрашивает Алиса.

Погруженная в свои мысли Жюли не отвечает. Жюстина Дюмец, виновница аварии, в которой погибла семья Грэхема, пропала в середине 2004 года, почти через год после трагедии. В четверг вечером она вышла с работы, и больше ее никто никогда не видел. Точно как в случае с кататоником. Два виновника дорожных происшествий, два пропавших без вести. Это не может быть простым совпадением. Сотрудница социальной службы снова набирает номер.

— Да, это снова я... Прости, ты не мог бы кое-что для меня узнать?.. Я в курсе, что уже поздно... Очень мило... Да, так, значит, надо, чтобы ты покопался в случаях нераскрытых исчезновений, где-то примерно с двухтысячного по две тысячи седьмой... Проверь, не были ли пропавшие без вести замешаны в каких-то трагедиях типа дорожных происшествий или... Слишком общо? Такого рода сопоставления сделать нельзя? А, черт! Подожди... Подожди пару секунд...

Жюли стискивает зубы, ищет ответ в глазах Алисы. Она вспоминает слова Доротеи о статьях, наклеенных на полу в хлеве. Трагедии, суды, врачебные ошибки... Она щелкает пальцами.

— Хорошо, тогда посмотри, не был ли кто-то из пропавших связан с медициной. Хирург, врач, анестезиолог. Если найдешь, постарайся выяснить, не замешан ли этот человек в деле о врачебной ошибке. А если да, то высылай машину на...

Она диктует адрес фермы.

— ...Я знаю, знаю... Ресторан? Почему бы нет? Если найдешь. Жду звонка.

Она отключается и берется за руль.

— Ни о чем не спрашивайте меня больше, Алиса, договорились? Еще ничего не ясно, но обещаю, что вы узнаете все, что можно, как только я получу побольше информации.

Она едет по маршруту, указанному Алисой. Через два километра машина выезжает на грунтовую дорогу, которая ведет вниз по склону

холма. С его вершины хорошо видна ферма. Алиса зажимает руки между коленями и слегка съеживается.

— Этот дом внушает вам страх?

Алиса на несколько секунд задумывается, потом отвечает:

— Это не страх. Я не могу описать это чувство. Как будто вокруг горла затягивается веревка. И так было всегда, с самого раннего детства.

Дорога, ведущая вниз, покрыта грязью. Жюли сбавляет скорость и подъезжает к ферме. Когда Алиса выходит и захлопывает за собой дверцу, ее охватывает тревога. Вдали в темноте стоит сарай. Прямо за ним — освещенная луной разрытая могила Доротеи. Дом с большими темными окнами отбрасывает тень на землю. Ряды военных захоронений...

Жюли не выключает фары и смотрит на окна фермы. На сей раз там, кажется, никого нет. В доме погашен весь свет. Алиса указывает пальцем:

— Смотрите.

К хлеву ведут грязные следы. Из-под двери пробивается свет.

— Наверное, отец заперся там со своим фургоном.

Жюли бросает взгляд на часы:

— Так поздно?

Алиса решительно идет вперед и пытается открыть дверь, но безуспешно.

— Открой, папа! Я знаю, что ты там!

Никакого движения. Она снова стучит, стучит непрерывно, но Клод не отвечает.

— Вы уверены, что он там?

— Грязь еще свежая. И двери заперты изнутри. Он всегда так делает, он там запирается.

Она прикладывает ухо к двери. Слышно, как мычит корова.

— Папа, я не уеду! В этот раз — не уеду! Мне надо поговорить с тобой!

Она стучит в дверь изо всех сил, потом, вне себя, отходит и бросает взгляд влево, в сторону сарая. Большого, пугающего строения, где ее ждет Берди.

Но она знает, что никакого Берди на свете нет. Если он когда-то где-то и существовал, то только в ее воображении.

— Я пойду в сарай.

— Я с вами, — предлагает Жюли.

— Лучше оставайтесь перед хлевом и предупредите меня, если отец выйдет. Я знаю, что он прячется внутри. Иначе и быть не может.

Жюли соглашается, хотя и без особой уверенности, потом

прислоняется к каменной стене и закуривает.

Алиса медленно идет к высокой деревянной двери, изо всех сил борясь с подступающим страхом. Она кусает пальцы, чтобы не утратить ощущения реальности, чтобы не позволить черной дыре поглотить ее, чтобы быть уверенной в том, что в сарай войдет именно она, полностью владея своим сознанием. Она оглядывается на стоящую в отдалении Жюли, потом, сделав глубокий вдох, входит в сарай. Нажимая на выключатель, она твердит про себя: «Я — Алиса, и этот сарай не может сделать мне ничего плохого».

В глубине сарая, под потолком, она видит балки, перекрещенные в форме буквы «Х». И что в них особенного?

За ее спиной скрипит дверь. Алиса распахивает ее настежь и подпирает старым номерным знаком. Сердце колотится так, словно готово выскочить из груди. Маленькая красноватая точка вдалеке свидетельствует о том, что Жюли стоит на месте.

Сотрудница социальной службы запахивает поплотнее полы своей куртки. Здесь сырой холодный ветер чувствуется особенно сильно. Кругом темно, единственными источниками света остаются фары автомобиля, луна и вот еще рыжеватый квадрат распахнутой двери сарая. От сознания того, что за фермой раскинулось военное кладбище, делается не по себе. Мрачное ощущение, что из могил вот-вот встанут мертвецы и протянут к ней руки, испуская рычание, словно дикие звери... Жюли идет к хлеву — ей вдруг почудилось, что оттуда донесся какой-то скрип. Внезапно она вскидывает голову и смотрит на вершину холма, откуда спускается грунтовая дорога. Ей показалось или она разглядела там какой-то силуэт? Затаив дыхание, она взволнованно всматривается в горизонт. Нет, конечно, никакого движения. Очередной всплеск воображения, безусловно вызванный этим зловещим пейзажем.

Из коровника снова доносится скрип. Жюли настороженно вслушивается в мычание коровы, потом различает звук шагов по соломе. Она пятится, бросает взгляд в сторону сарая, куда вошла Алиса, а в это время прямо перед ней в двери поворачивается ключ. Двери открываются, и в глазах вышедшего мужчины отражается удивление.

— Так-так, значит, мы опять встретились... Да, интересная игра случая.

Голос Клода холоден как лед. Он поворачивается вправо, в сторону освещенного квадрата, и выражение его лица меняется. Теперь оно искажено злобой. Жюли в ужасе смотрит на его окровавленные руки.

— Одна из коров заболела. Теряет много крови. Боюсь, ее придется забить...

Жюли наклоняет голову набок, чтобы заглянуть в коровник. Клод отстраняется:

— Заходите посмотрите, если не верите.

Внезапно Жюли теряет остатки уверенности в себе.

— Я вам верю.

— И чего же вы хотите?

— Я приехала с вашей дочерью. Я — одна из ее подруг.

— Ну конечно, подруга...

Не дав ей времени на ответ, Клод делает несколько шагов назад и исчезает внутри коровника. Через пару секунд он выходит и наставляет на нее ружье:

— А теперь мы зайдем туда вместе.

Алиса задерживает дыхание. В сарае все окрашено в коричневатые тона, включая облачка пыли, поднимающиеся от ее шагов. Ей хочется убежать, но желание узнать правду, понять пересиливает ужас. И тогда, вместо того чтобы броситься прочь, она решается идти дальше.

Страх понемногу рассеивается. Перед ней вздымаются перекрещенные балки. Она поднимает глаза и видит аквариум. Алиса поспешно хватается за лестницу и начинает новую битву, на сей раз с высотой. Ноги дрожат, каждое движение превращается в бесконечную пытку. Алиса знает, почему этот аквариум стоит так высоко. Чтобы она не могла до него добраться, она, трусливая девочка, боящаяся всего на свете.

Больше отец никогда не будет играть на ее страхах.

Она поднимает глаза к потолку, к неровному железу, откуда все еще свисает старый заржавленный крюк. Приподнявшись на цыпочки, достает пластиковый конверт. Спуск вниз оказывается долгим и трудным.

Задышавшись, Алиса выходит из сарая. Луна над холмом светящимся покрывалом окутывает все вокруг. Девушка чувствует, что чернильный пузырь совсем близко. Каждую секунду ее сознание может отключиться. Она берет себя в руки, вдыхает прохладный воздух. С ней ничего не случилось, с ней ничего не случится.

Она бросает взгляд в сторону фермы. Никаких следов Жюли. Двери коровника по-прежнему закрыты. Куда делась сотрудница социальной службы?

Немного придя в себя, Алиса садится на траву, слабо освещенную отсветами лампочки в сарае. Она горбится, втягивает голову в плечи.

Она — Алиса. По-прежнему Алиса, ею она и останется.

Девушка осторожно снимает резинки, удерживающие клапан конверта. Она чувствует, что готова. Готова встретиться лицом к лицу с ужасами своего прошлого.

Она сразу узнает четкий почерк отца. Рукописные страницы без фотографий. Большими буквами — хлесткий заголовок: «КРЕСТНЫЙ ПУТЬ ПЕРУАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ».

Репортаж из Перу... написанный в 1980 году. То есть за два года до ее рождения, за четырнадцать лет до того, как она провела там каникулы вместе с отцом. А ведь он утверждал, что никогда раньше там не бывал.

В первых же строчках статьи упоминается деревня Ккатка в трех часах езды от Куско, то самое место, где они провели несколько дней во время этого путешествия.

То место, где у нее заболел живот. Где ее оперировали.

Алиса чувствует, что ее ждет страшное открытие. Ее отец никогда в жизни ничего не пускал на самотек, и эти каникулы наверняка стали частью заранее продуманного плана.

В первых абзацах описываются высокогорья Анд, лачуги с соломенными крышами, а потом в центре внимания автора оказывается женщина по имени Часка из деревни Ккатка. Тридцатидвухлетняя мать двоих детей. Однако глаза Алисы уже выхватывают из текста слова: «анестезия», «операционная», «шрам».

Она продолжает читать, и сердце колотится все сильнее. Отец рассказывает о диспансере, где ее оперировали по поводу аппендицита, куда люди приходят пешком, приезжают на лошади или на машине из соседних деревень. Он описывает строения, стоящие вокруг центрального двора, который служит залом ожидания, где люди греются на солнце. Диспансер работает круглосуточно, без выходных. Одновременно там могут находиться двое стационарных больных, имеется примитивная лаборатория, амбулатория и мотоцикл для поездок. В статье особо указывается, что официально в диспансере нет ни рентгеновского аппарата, ни аппарата для ультразвуковых исследований, ни операционной.

Как это — нет операционной? Алиса уже не уверена, что правильно понимает написанное.

Затем отец подробно описывает кампании по вакцинации, перечисляет основные заболевания и инфекции, угрожающие населению перуанских гор, — тиф, респираторные инфекции, дифтерия, туберкулез.

После этого он приводит рассказ Часки:

Я пошла в диспансер, чтобы проверить здоровье моих детей, Манко и Ингилла, и сделать прививку от столбняка. И там нас, трех женщин из трех разных деревень, вдруг заперли. Дети остались с сельской медсестрой в другой комнате. Нам сказали, что им сделают прививку, а нам проведут более тщательное обследование. Потом за мной пришли и отвели в операционную, которая находилась в той части диспансера, куда никого не пускали. Там были разные хирургические инструменты, большая лампа под потолком, все было чистое, совсем новое, окон не было. Меня положили на стол, покрытый зеленой тканью, и сказали, что сейчас придет врач и меня прослушает. Медсестра, которая сопровождала меня с самого начала, ушла, вместо нее остался какой-то человек в хирургическом костюме. Потом все случилось очень быстро. Мне на лицо положили маску, и я уснула.

Алиса словно заново переживает свою собственную операцию. Запах антисептиков, белая, безупречно чистая комната, блестящие инструменты и склонившийся над ней человек в синей одежде.

Кусая ногти, она читает дальше:

Я проснулась в постели, рядом были другие больные. Я ничего не понимала. Что произошло? У меня очень сильно болел живот, я посмотрела. Прямо над пахом я увидела шов. Я заплакала, спросила, что случилось, но мне так ничего и не сказали. Через несколько часов пришел мой муж, взял меня за руку и отвел в деревню, не говоря ни слова. Шов страшно болел, я ничего не понимала. Только на следующий день муж рассказал, что ему предложили много еды — риса, масла, зерна, сахара на несколько месяцев и что какой-то человек из правительства прилетел на вертолете и передал все это мужчинам. И тогда мой муж дал согласие на то, что со мной сделали. Мне перевязали трубы. Больше у меня никогда не будет детей.

Алисе кажется, что из нее выпустили всю кровь, она роняет листы бумаги. Она чувствует, что ее шатает, но встает и с силой сжимает ручку двери.

— Только не в этот раз! Я — Алиса!

На виске у нее пульсирует вена. Она борется, дыхание выравнивается,

хотя по-прежнему остается шумным. Она часто моргает, дуэль с самой собой кажется бесконечной. Голоса в голове понемногу затихают, волны откатываются, и наконец она открывает глаза.

Сарай, полная луна, валяющиеся на земле листки со статьей — ничего не изменилось. Алисе удалось избежать чернильного пузыря, она не поддавалась действию внутренних сил. Впервые в жизни ей кажется, что она посмотрела в лицо своей трагедии, полностью осознала ее влияние на свою жизнь. И это причиняет ей муку, боль все нарастает, словно какой-то яд выжигает ее изнутри. Но лучше боль, чем все черные дыры мира.

Ей перевязали трубы.

Она разражается слезами.

Через несколько секунд она замечает тень, скользящую вдоль ее ног. Грозный силуэт, знакомый ей с детства, нависавший над ней, когда она забивалась в свою детскую. Вытаскивавший ее за руку из-под кровати, чтобы поцеловать.

Алиса медленно поднимает голову.

Перед ней стоит Клод Дехане. Он прижимает к груди старое ружье «экспресс беттинзоли». На прикладе из орехового капа расплылось красное пятно, оно странно блестит под светом далекой лампочки.

— Папа? Что ты сделал? Боже мой, что же ты сделал?

Клод поддевает ногой листочки, разбросанные по земле.

— Ах, так вот оно что, ты еще и суешь нос в мои дела! Ты смелая, Алиса! Нарушить правила до такой степени.

Все тот же монотонный голос, лишенный какого бы то ни было тепла.

— Правила, которые ты мне вечно навязывал, чтобы контролировать мою жизнь!

Она хочет выпрямиться, но он давит прикладом ей на плечо, вынуждая ее сидеть.

— Где... Где женщина, которая со мной приехала? Где Жюли?

Он смотрит на Алису с улыбкой, которую она видела слишком часто. Это улыбка из ее кошмаров.

— Ты лучше о себе побеспокойся.

Девушка трет щеки тыльной стороной ладони.

— Я знаю, что ты сделал со мной. Я знаю правду. Всю правду.

— Всю правду, ты в этом уверена?

Алиса натывается на стену, и от этого ей особенно больно. Клод не испытывает ни малейшей жалости, ни малейшего сострадания.

— Ты повез меня в Перу с единственной целью — стерилизовать меня. Единственные каникулы, которые ты мне устроил! Я... Я была там

счастлива, папа! Я любила тебя!

Как ни странно, внезапно Клод Дехане позволяет себе выразить нечто вроде сожаления.

— Я тоже любил тебя. О, если бы ты знала, как я тебя любил!

Теперь Алиса испытывает острое желание выцарапать ему глаза.

— Ты меня любил? Да как ты смеешь говорить такое?

— Благодаря тебе я вернулся живым из Ливана, ради тебя я обрел мужество, чтобы жить дальше. Когда ты родилась, я сразу понял, что буду жить ради одной-единственной цели — вырастить тебя. Я все бросил, со всем покончил ради тебя.

Неужели его волнение — это всего лишь очередное притворство? До чего он дойдет в своей лжи?

— Но... надо же было случиться, чтобы твоя мать родила ребенка с редчайшей группой крови — бомбейской. Меня словно... дубиной по голове ударили. В больнице мне рассказали, какая ты хрупкая, какие опасности будут угрожать тебе при каждом неверном шаге, с какими трудностями ты столкнешься, взрослея. И тогда я понял, что могу в любой момент потерять тебя, что... — У него дрожат губы. — ...что моя собственная дочь может умереть у меня на глазах и сломать мою жизнь, как Наджат. Я должен был защищать тебя днем и ночью, постоянно чувствовать, что ты рядом со мной. Только тогда я был спокоен.

Алисе наплевать на его слезы, она ненавидит его.

— Защищать меня тем, что наказывал? Тем, что стерилизовал?

— Я видел, на что способны люди. Твой ребенок никогда не был бы в безопасности в этом мире. А вдруг и он бы родился с бомбейской кровью? Ты бы потеряла его, Алиса. У него не было бы ни малейшего шанса. Я не хотел, чтобы это выпало на твою долю.

— Ты чудовище. Как ты мог жить, воспитывать нас, после того как насиловал и убивал невинных в Ливане?

Клод с угрозой стискивает кулак, его лицо приобретает оттенок расплавленной стали.

— Ты сама не знаешь, что говоришь.

— Не прикидывайся, что не понимаешь! Ты сам, своими руками убил Наджат! Чтобы спасти свою шкуру! У меня есть доказательства на кассете!

Клод, не задумываясь, наводит на нее ружье.

— Нет! Ты врешь!

Алиса не отводит глаза. В первый и, безусловно, в последний раз в жизни она не боится отца.

— Ты разрушал все, что могло встать между тобой и мной! Все, что

мне было дорого, все, что я могла любить! Ты мешал мне расти, заниматься спортом или играть. Ты забрал меня из школы, удерживал здесь, ты морально уничтожил меня.

— У доктора Данби и твоих учителей возникли определенные сомнения по поводу твоего поведения, я должен был что-нибудь придумать, иначе нас могли разлучить. Как правило, мне хватало угроз... Чего ты хотела? Закончить свои дни в психушке? Я бы не смог жить без тебя. Алиса, маленькая моя...

Алиса чувствует, как злость разгорается в ней ярким пламенем. Ее мышцы напрягаются, а сердце начинает биться заметно медленнее. Она поднимает голову, сжимает челюсти, резким движением сбрасывает очки. Они повисают на шнурочке у нее на груди.

Клод, посмеиваясь, отходит. Теперь он крепче сжимает ружье.

— Ага, вот и Доротея пришла на помощь. Это впечатляет, ты появляешься с той же легкостью, что и прежде. Ну, как поживает моя дочь-врушка?

Доротея смотрит на него в упор:

— Будь проклят, я ненавижу тебя.

— Меня многие ненавидели, но теперь их нет и они про это не расскажут.

Он по-прежнему целится ей в лицо и закрывает один глаз. Доротея не мигает:

— Ты не осмелишься выстрелить. Я твоя дочь! Ты... не можешь убить меня!

Он подходит, хватая ее за подбородок и заставляет смотреть себе прямо в глаза. В другой руке он сжимает ружье.

— Тебя я ненавижу больше, чем кого бы то ни было. Ты украла душу моей дочери. Мне действительно следовало убить и закопать тебя, и уже давно.

Доротея оглушена. Каждое слово, вылетающее из уст этого извращенца, отдается в ней проклятием.

— Николя и ты — вот самые страшные паразиты. Вы украли у меня моего ребенка! — продолжает он.

Прежде чем он успевает нажать на спуск, она бросается на него и пытается вцепиться ему в горло. Она кричит. Но ей удастся лишь задеть его ногтями. Сильный удар прикладом по запястью, второй — по затылку, и она падает на землю, уткнувшись лицом в густую траву.

— Идиотка.

В тот момент, когда он приставляет дуло ружья к затылку дочери, в его

кармане начинает вибрировать телефон. Он поднимает ружье, отходит на шаг и достает мобильный Жюли. В трубке звучит мужской голос:

— Жюли? Я тут для тебя выяснил...

Клод смотрит на неподвижно лежащую дочь.

— Жюли сейчас занята. Она просила меня принять сообщение.

Собеседник на мгновение замолкает.

— Хорошо. Скажите ей, что анестезиолог по имени Жерар Вийемон пропал в марте две тысячи пятого года и с тех пор не подавал признаков жизни.

— Как вы сказали — Жерар Вийемон?

— Да, правильно. Вийемон был замешан в уголовном деле, которое рассматривалось в суде Нантерра в феврале две тысячи второго года. Муж умершей женщины обвинил его в ошибке во время родов, приведшей к смерти и матери, и ребенка. Дело было рассмотрено, и вину врача или клиники не признали.

Клод потирает подбородок.

— Очень хорошо. Но... Она сейчас в ванной, она мне ничего не говорила про это расследование. Вы знаете, в чем тут дело?

— Точно — нет. Вроде бы она расследует какие-то исчезновения, но больше я ничего не знаю.

— А как ваше имя?

— Тьерри Воске.

— Хорошо. Спасибо, Тьерри, я ей передам.

— А, вот еще. Машина в Аррас выехала.

— Как вы сказали, машина? Хорошо...

Клод швыряет мобильный на землю и яростно давит его каблуком. Его дочка с трудом поворачивается. Сгорбившись, она начинает мять пальцами глину.

— Я помню этого Вийемона. Пришлось потратить много времени и *труда*, чтобы этот мерзавец признался в том, что совершил врачебную ошибку, и согласился подписать письмо. Он проскочил через сети правосудия, но меня обмануть нельзя. Он сломал жизнь семьи, а через две недели пошел играть в гольф. Когда человек, у которого он отнял все, шестнадцать раз ударил его ножом в чаще леса, он уже так не смеялся...

Он делает глубокий вдох.

— Я с тобой разговариваю, но ты же ничего не понял, а, Николя?

В грязи сидит маленький мальчик.

— Ты меня больше не будешь наказывать, *папуля*? Я не сделал ничего плохого.

— Знаю, знаю, мой мальчик. Здесь никто и никогда ничего плохого не делает.

Клод подходит и ласково гладит его по голове. Потом занимает позицию. Твердо упирает приклад ружья в плечо, кладет палец на спусковой крючок. Закрывает один глаз.

Выстрел слышен даже на краю кладбища.

Мрак разрывается, и в тот же момент брызжет кровь. А потом снова воцаряется тишина, все вокруг погружается в мрачное спокойствие.

Внезапно слышатся шаги. Николя поднимает голову, его руки все еще прижаты к ушам. Его отец, хрипя, катается по траве. На его груди расцветает красный цветок.

Из темноты выходит человек в капюшоне, при свете луны видно, что из ружья, которое он держит рукой в черной перчатке, еще идет дымок. Он нагибается и протягивает ружье Николя:

— Бери и беги. Давай же, скорее...

Голос звучит глухо, неузнаваемо. Николя оцепенел от страха. Его глаза, увидевшие сегодня слишком многое, устремлены на лежащего отца, он весь дрожит. Человек успокаивает его:

— Твой папа больше не сделает тебе больно, он больше никогда не будет тебя мучить. Уходи. Беги к лесу, хорошо? И не забывай, Николя, я — капюшон из твоего сна, я прихожу, когда все плохо. Если тебя спросят, ты так и отвечай.

Ничего не понимая, мальчик берет разряженное ружье и уходит. Он идет неуклюже, несколько раз чуть не падает. Человек снимает капюшон и садится на корточки перед Клодом. Тот шумно дышит.

— Твоя дура дочь сама бросится в пасть волку. Ты только посмотри, как она бежит с ружьем, эта дебилка. Извини, но иначе это закончиться не могло. Все стало слишком опасно.

— Грязная...

Клод умирает, он не в силах закончить фразу. Человек смотрит на раздавленный телефон.

— Из-за этой чертовой блондинки из соцслужбы и бардака, который оставил после себя Грэхем, полиция точно докопается до наших дел. К счастью, все это свалят на тебя, им и в голову не придет, что было два человека в капюшонах.

Захлебываясь кровью, Клод отвечает:

— Они... сопоставят с тобой.... Они... поймут, когда...

— Нет-нет. Для этого им надо найти колодец с трупами. Никто не знает, где он. Но даже если допустить... Я принял меры. Пока ты был в

больнице, я забрал того, который имел ко мне отношение, и закопал очень далеко отсюда. Знаешь, приятного мало — рыться в этой тухлятине, пришлось их там поворачивать, черт бы их побрал. Столько лет прошло, а на скелете еще были видны следы от моего топора. На черепе, на бедренной кости, на голени и почти на всех ребрах. По ним я его и узнал.

Он наклоняется к уху умирающего:

— Я здорово его уделал, а? Когда ты увидел, как я с ним обошелся, там, в лесу, ты сразу понял, что я тебе нужен... У тебя всегда был нюх на всякие мерзости.

При каждом вдохе из горла Клода вырывается свист. Человек в черном потирает руки, словно пытается избавиться от невидимой грязи.

— Я боялся, что у нас будут проблемы из-за этого психиатра. Он хорошо поработал с Алисой...

Ему хочется надавить башмаком на грудь Клода, но в последний момент он удерживается. Нельзя оставлять следов.

— Кретин, этого никогда бы не случилось, будь ты поосторожнее! Надо было держать этого Грэхема на коротком поводке. Ты что, в самом деле думал, что все уладишь, когда отправился к нему домой и там сунул ему ствол под нос? Надо было с самого начала запретить ему доводить до конца лечение Алисы!

У Клода не остается сил, чтобы ответить. Его лицо белеет. Он перестает дышать, его тело выгибается. Человек смотрит на него с удовлетворением.

— Ну вот, все и закончилось, очень красиво закончилось. Твоя дочка примет на себя и грех мозгоправа, и твой грех. В конечном итоге я предпочел оставить ее в живых, чтобы она могла рассказать о твоих безумствах и представить тебя еще хуже, чем ты есть. А я в этом деле — всего лишь тень. Даже если меня будут допрашивать, я уже заготовил ответы. К тому же слова бедной психически больной девочки не перевесят ужаса фактов. Самое жуткое, что есть человек, которому известно все, но сказать она никогда ничего не сможет. Это твоя жена. Подумать только, ты любил ее, вот ведь...

Клод мертв.

— Ладно, не бойся... Я продолжу нашу работу, но уже в другом месте. Нет большего кайфа, чем заставить страдать тех, из-за кого страдали другие, Клод Дехане.

Он выпячивает грудь, вырывает «экспресс беттинзоли» из неподвижных рук Клода и бросает взгляд в сторону коровника. Осталось уладить последнее дело.

Он идет к дому. Заходит, берет патроны, рассовывает их по карманам. Ему понадобится много патронов.

В тот момент, когда он направляется в сторону коровника, он слышит шум мотора. Вдали появляется свет фар... К ферме едет автомобиль.

Поколебавшись какое-то мгновение, он бросается к Клоду, кладет ружье рядом с ним и бежит в сторону кладбища.

Он не довел последнее дело до конца, но это не так уж важно. Сотрудница социальной службы и остальные пленники десять раз успеют умереть от жажды, прежде чем их найдут.

Алиса трясет головой и кричит. Немедленно позади нее открывается дверь, за ней стоят двое мужчин в форме. Психиатр, у которого на бедже написано: «Доктор Брока», машет им рукой:

— Оставьте нас...

Перепуганная Алиса надевает очки, болтающиеся у нее на шее, и оглядывается по сторонам. Она опять оказалась в незнакомом месте. Темная комната, окна с частым переплетом плохо пропускают солнечный свет. Старая мебель, безвкусная обстановка, сильно пахнет воском. За окном она видит сланцевые крыши со слуховыми окнами и антеннами. Слышен шум города. Где она?

По-прежнему дрожа, девушка разглядывает свои руки, потом вдруг замечает, что на ней чистая одежда из ее собственного гардероба.

— Что... Что случилось? Где я?

Доктор Брока, ответственный за проведение психиатрической экспертизы суда высшей инстанции Лилля, внимательно смотрит на нее. На него возложена трудная и деликатная миссия. Он должен ответить на следующие вопросы: представляет ли данный субъект какую-либо опасность? Подлежит ли данный субъект уголовному преследованию? Возможно ли рассчитывать на излечение или реадaptацию данного субъекта? В распоряжении врача имеются: короткий отчет, предоставленный специалистами медицинского центра в Лилле, два заключения медико-правовой экспертизы, один из которых ему доставили только что, и множество протоколов, составленных судебной полицией.

— Алиса Дехане?

Девушка читает дату на отрывном календаре: вторник, 16 октября 2007 года. Она встает и опирается руками о стол.

— Где мой отец? Что я тут делаю? Кто вы такой?

Доктор совершенно спокоен.

— Сядьте, пожалуйста.

Охваченная ненавистью Алиса колеблется. Человек в белом халате смотрит на нее без всяких эмоций.

— Что последнее вы помните?

Алиса садится и старается не заплакать.

— Я... Дело было вечером в субботу, тринадцатого. Почти три дня назад. Где Жюли Рокваль?

— Та женщина, которая в тот вечер сопровождала вас на ферму к отцу?

— Да.

— А мы как раз надеемся, что вы сможете ответить на этот вопрос.

Алиса чувствует себя совершенно потерянной. Она вспоминает. Находка в сарае... Перевязанные трубы... Она лежит на траве, отец стоит перед ней, целится в нее из ружья. Но после этого — ничего. Черная дыра.

— Думаю, что отец сделал с ней что-то плохое. Она стояла перед дверью в коровник, а потом исчезла.

Брока скептически поглаживает свою козлиную бородку.

— Вы совершенно ничего не помните после того вечера тринадцатого? Ни полицию, ни допросы, ни как вас обследовали?

У Алисы возникают самые ужасные предчувствия.

— Полиция? Допросы? Но... Где мой психиатр? Где доктор Грэхем? Я хочу поговорить с ним! Что случилось?

— Прежде чем я отвечу на все ваши вопросы, попрошу вас прочитать вот это. Не спешите, я хочу, чтобы вы хорошенько все поняли.

Он протягивает ей листок бумаги. Он следит за каждым ее жестом, за каждой реакцией на его слова, он копается в ее сознании. Алиса пытается успокоиться и внимательно читает первый и второй абзацы статьи 122.1 Уголовного кодекса:

— «Не подлежит уголовной ответственности лицо, которое в момент совершения им поступков находилось в состоянии психического или нервно-психического расстройства, повлекшего за собой утрату рассудка или контроля за своими действиями...»

Она внезапно замолкает, но доктор побуждает ее продолжать.

— «...лицо, которое в момент совершения им поступков находилось в состоянии психического или нервно-психического расстройства, повлекшего за собой утрату рассудка или контроля за своими действиями, остается наказуемым; однако при определении меры наказания или установлении режима суд должен принимать во внимание это обстоятельство».

Алиса поднимает голову:

— Что это значит?

— Это значит, что в ближайшие шесть недель вы будете находиться под моим наблюдением и наблюдением двух моих коллег с тем, чтобы мы могли оценить степень вашей ответственности и понять мотивы ваших поступков.

— Каких поступков?

— Я должен также уточнить, что, в отличие от того, чем занимался ваш бывший психиатр, в мою задачу отнюдь не входит лечение и что содержание всех наших бесед будет передаваться судье. Мне придется также передать ему отчет с данными, полученными в ходе психиатрической и медико-психологической экспертизы, и, главное, сообщить вашу биографию. Вы все это понимаете, мадемуазель Дехане?

Алиса выпрямляется:

— Я... не понимаю. Я хочу поговорить с... с доктором Грэхемом. Он... сможет все объяснить вам и...

Эксперт со вздохом складывает лежащие перед ним листочки.

— Ваш психиатр умер.

Алиса закрывает глаза, слова эхом отдаются в ее голове и разлетаются, как осколки стекла. Это все дурной сон. Она проснется, найдет своего врача, они вместе что-то придумают.

— Отчего?

Брока слегка наклоняется. Поразительные изменения в поведении девушки в течение этих трех дней могут быть вызваны целым рядом причин. Истерия, истерический невроз со склонностью к театрализации, расстройства личности или, в случае особой извращенности, симуляция диссоциативного расстройства личности. Брока не допускает, чтобы увиденное как-то повлияло на него. Он уже имел дело с симулянтом, который откусил себе язык, чтобы изобразить кризис, а американские исследователи установили, что умные люди вполне могут симулировать ДРЛ.^[11] Поэтому он продолжает без обиняков:

— Первые результаты расследования показали, что, вероятно, его убили вы.

Алиса вонзает ногти в свою руку:

— Нет!

Ей кажется, что она уходит и возвращается, словно кто-то внутри ее пытается преодолеть барьер ее сознания и снова погрузить ее в черную дыру.

Врач кладет перед собой листок бумаги:

— Экспертиза показала, что в качестве орудия убийства был использован нож, принадлежащий Клоду Дехане, на котором обнаружены ваши отпечатки. Кроме того, следы укуса на правом предплечье доктора сравнили со снимками ваших зубов. Они полностью совпали. А также Фредерик Дюкорне сообщил нам, что в субботу вечером вы были полны решимости пойти к вашему врачу и вы были очень обозлены.

— Прекратите!

Доктор делает паузу.

— Давайте спокойно рассмотрим последовательность событий, которую удалось восстановить к настоящему времени, согласны? Утром восьмого числа вы находились вместе с вашим психиатром в Национальном центре научных исследований в Булонь-Бийянкур, где должны были пройти личностное тестирование. Вечером восьмого вы нанесли вашему отцу два удара ножом в грудь, в результате чего он был госпитализирован.

Алиса мотает головой. Она закрывает лицо руками, она не может ничего понять. Ей врут, ее пытаются вывести из равновесия. Скорее всего, это один из их мерзких психологических тестов.

— Не отрицайте. Вчера Доротея подтвердила нам это.

— Доротея вам...

— Позвольте мне продолжить. Ваш друг Фредерик Дюкорне рассказал, что подобрал женщину, бродившую по набережной в Кале, судя по всему, в состоянии шока. Полицейские осмотрели вашу машину, вашу квартиру: эксперты-криминалисты нашли в вашем душе, а также в багажнике следы крови и волокна ткани. Кровь двух разных групп. Вашего отца и... ваша. Доротея говорила о блузке, которую она сожгла, чтобы защитить вас. Вы отрицаете, что видели эту блузку у себя дома?

— Нет. Я действительно видела ее в душе. Но потом она исчезла.

— Продолжим. Вы находились в квартире этого человека, Фредерика Дюкорне, с ночи понедельника восьмого октября до среды десятого, а потом снова убежали.

— Он и мне это рассказывал, но я так и не смогла вспомнить.

— Это неважно, он помнит. После десятого вы вернулись к нему домой по собственной инициативе, чтобы попытаться понять, что скрывает от вас ваша память. Он помог вам, сопровождал вас. В разговорах вы признались ему, что сердиты на своего отца и на своего психиатра. Это так или нет?

Алиса падает на пол. Врач бросается, чтобы поднять ее.

Доротея резким жестом сбрасывает очки, они повисают у нее на груди.

— Уберите от меня ваши грязные лапы! И оставьте нас в покое раз и навсегда!

— Прошу вас, сядьте.

Психиатр возвращается за стол, а Доротея рвется в дверь, но наталкивается на двух полицейских.

— Я хочу выйти! Довольно меня здесь удерживали!

— Извините, мадемуазель, это невозможно.

Красную от злости Доротею хватают и вынуждают сесть на место. Психиатр отмечает явное изменение поведения пациентки, эти бесконечные метания между несколькими «я», которые уже в течение двух с половиной дней наблюдаются у Алисы Дехане и не дают ей времени высказаться.

— С вашего позволения я продолжу излагать факты. В субботу вечером вы отправились к Люку Грэхему. Вы проникли в его дом, вы...

— Почему вы говорите «вы»? Я не ездила к Люку Грэхему, туда поехала Алиса.

Доктор тщательно анализирует все ее поступки и жесты.

— Итак... Алиса проникла в дом Люка Грэхема, чтобы получить какие-то сведения относительно своего психического состояния. И там... Там случилось что-то, о чем Алиса не помнит, я прав?

— Я ничего про это не знаю, меня там не было. Вы начинаете разговор с Алисой, а заканчиваете с мной, я что-то не улавливаю. Вы что, хотите нас сбить с толку? Моя сестра — существо очень хрупкое, оставьте ее в покое.

Доктор помнит, что эта молодая женщина может притворяться и прятаться за разными стилями поведения, которыми она великолепно овладела.

— Вы знаете, куда делось досье на Алису, которое вел доктор Грэхем? Его записи, магнитофонные записи сеансов терапии?

— Нет.

— Как вы думаете, ваша сестра могла их украсть? Как по-вашему, способна она, например, разбить окно, чтобы проникнуть в кабинет своего психиатра?

Доротея стискивает зубы, она чувствует, что ее загоняют в ловушку. Наверное, они уже допросили Алису, и она, конечно, все им рассказала. Может быть, у них даже есть отпечатки ее пальцев.

— Это я виновата. Я попросила ее забрать мой дневник. Это я сказала ей, чтобы она влезла в окно.

Доктор, кажется, оценил ее искренность.

— И где же теперь этот дневник?

— Понятия не имею.

Покусывая кончик ручки, врач переворачивает страницу.

— В тот же вечер Алиса в сопровождении Жюли Рокваль отправилась к вашему отцу. Вы там тоже были, не так ли?

— Частично. Я нередко туда езжу.

— А вы можете мне объяснить, что именно там произошло?

Доротея обхватывает голову руками и упирается локтями в ляжки:

— Я не очень хорошо помню. Я... Я лежала на траве, Алиса, по-моему, только что уехала. И я увидела, как отец целится в меня из ружья, из старого дедушкиного «экспресс беттинзоли». Потом... Я не знаю, кажется, он меня ударил, но пришел Николя, и я тоже убежала.

— Вы убежали? Куда же?

— Я... Я не знаю. Не припомню.

— А у вашего отца есть другое ружье, кроме «экспресс беттинзоли»?

Доротея отвечает не задумываясь:

— Да, «суперпоз дарне» двенадцатого калибра, оно висит в гостиной, между охотничьими трофеями. У него сильно попорчен приклад, но оно отлично стреляет.

— Вы разбираетесь в оружии. А пользоваться им умеете?

— Я в юности много охотилась вместе с отцом. Но Алиса всегда стреляла лучше меня. Она могла попасть в зайца с двухсот метров.

— А Николя умеет стрелять?

— Нет, конечно. Николя ничего не умеет делать, он только хнычет.

Психиатр подходит и внимательно смотрит на нее. Он похож на золотоискателя, который вглядывается в ручей, чтобы отыскать там драгоценные крупички.

— Доротея Дехане, вы застрелили вашего отца из «суперпоз дарне» двенадцатого калибра?

Доротея резко откидывается назад. Она потрясена:

— Вы говорите мне, что...

— Что ваш отец мертв. Его убили пулей двенадцатого калибра выстрелом в грудь. Вы не в курсе?

Она трясет головой, смотрит на него невидящими глазами. Психиатр дает ей время, чтобы свыкнуться с шоком. Она не плачет, ее зрачки расширяются, напоминая пятна расплывающейся нефти. Брока дожидается подходящего момента и продолжает:

— Вы испытываете печаль?

Она не колеблясь смотрит ему прямо в глаза:

— Скорее облегчение. Наконец он оставит меня в покое. Отец ненавидел меня больше всех на свете.

Ее искренность свидетельствует об удивительной вещи: Доротее Дехане нечего скрывать. Брока пытается копнуть глубже:

— С того момента, как мы привезли сюда Николя, он очень мало нам рассказал. Водители видели, как он шел с ружьем в руке вдоль шоссе, и позвонили в полицию. Николя представляется мне очень... скрытным, он боится отвечать на наши вопросы, а стоит повысить голос, как он весь

сжимается. Вы полагаете, что ваш отец плохо с ним обращался?

— Мой отец со всеми плохо обращался, — отвечает Доротея. — Но теперь это кончилось. Вы сказали ему, что... наш отец умер?

— Конечно. Пока что он отказывается верить. Он думает, что Клод Дехане не может умереть. — Доктор откашливается: — Мы допросили также некую Мирабель Брё. Вы с ней знакомы?

— Да. Она живет за холмом.

— Услышав новость, она разрыдалась. Судя по всему, он был ей очень дорог.

Доротея сидит с отсутствующим видом:

— Да уж...

Доктор несколько секунд с серьезным видом молчит.

— А как вы думаете, она может быть каким-то образом замешана во всем этом?

— То есть?

— Могла она выстрелить в вашего отца, а потом дать ружье Николя?

Доротея убежденно мотает головой:

— Нет. Только не Мирабель. Она любила моего отца. По-настоящему.

— Иногда можно убить и того, кого очень любишь. Это называется преступлением на почве страсти. Или, может быть, она хотела за что-то отомстить?

— Нет-нет, это не она.

Доктор немного наклоняет голову, прикладывает палец к нижней губе.

— Ну, хорошо... Допустим... Вернемся к Николя. Он рассказал нам кое-что удивительное. Сказал, что в тот самый вечер в доме Люка Грэхема, а потом рядом с сараем видел человека в черной одежде и капюшоне. Этот человек якобы заставил его взять в руку нож, которым был убит ваш психиатр, и якобы именно он выстрелил из ружья в вашего отца и ранил его. Вы этого человека когда-нибудь видели?

Доротея уверенно кивает:

— Да, много раз. Я видела его из окна своей комнаты на ферме. Он приходил из леса или приезжал на грузовичке вместе с моим отцом.

— А что он делал у вас?

— Он часто запирался в коровнике.

Психиатр делает заметки. Невозможно понять, о чем он думает, верит ли он в ответы Доротеи.

— Значит, этот человек в капюшоне и ваш отец вместе запирались в коровнике... А вы видели раньше его машину?

— Нет, я вам уже сказала. Он или приезжал в грузовичке вместе с

отцом, или приходил с холма.

— Как Мирабель?

Ответа нет... Психиатр продолжает:

— А что они делали в коровнике?

— Не знаю. Вы ведь не верите, что этот человек существует, да?

— Да нет же, как раз верю. В комнате Люка Грэхема, рядом с его телом, мы нашли волокна. Волокна черной шерсти со следами слюны.

— А вы не подумали, что Грэхема мог убить этот человек?

Доктор вздыхает и откидывается на спинку кресла. Ему уже приходилось иметь дело со сложными случаями, но этот — из ряда вон выходящий. Два доказанных убийства, одно исчезновение и больная, о которой он совершенно ничего не знает, потому что одна из жертв — это ее психиатр, а история болезни, судя по всему, пропала. Более того, в его распоряжении всего шесть недель, несчастных шесть недель, чтобы разобраться в состоянии этой больной.

Он видит, что поведение его собеседницы меняется — она переходит от состояния обороны к подчинению. Это преобразование заняло менее пяти секунд.

— Я хочу пить, — говорит Алиса, прижимая пальцы к вискам.

— Я попрошу, чтобы вам принесли воды. Хотите поесть?

— Нет, спасибо. Я бы просто хотела вернуться домой.

Раздается стук в дверь. В кабинет входит какой-то мужчина. Алиса поворачивается и через несколько секунд узнает его. Это Марк Броссар, директор Исследовательского центра. Он проходит мимо нее и кладет на стол Брока желтую папку.

— Я буду в холле...

Алиса втягивает голову в плечи. Она пытается не встречаться глазами со специалистом, но, когда он слегка задевает ее, идя к выходу, она чувствует себя раздавленной немой упреком. Он не сказал ей ни одного слова.

Брока берет папку и открывает ее. Алиса молча, не шевелясь наблюдает за ним.

— Это касается вас, мадемуазель Дехане. Вы помните тест визуальной стимуляции, который вы проходили в экспериментальной лаборатории утром восьмого октября?

Алиса медленно кивает. Перед ее глазами встает большая белая комната, компьютер, датчики, прикрепленные к ее телу, и бесконечная череда картинок, одна страшнее другой.

Врач кладет папку на место, в руке у него фотография.

— Вот, судя по всему, именно с этого снимка все и началось. Все те события, которые привели к тому, что сегодня мы с вами тут сидим.

Алиса отвечает ему не сразу, но ее голос звучит ясно, спокойно. Ее лицо не выражает ни малейшего озлобления.

— Может быть, именно этот снимок позволил мне понять, каким чудовищем был мой отец. Может быть, он открыл какие-то краники в моей голове. Покажите мне его.

Психиатр кладет перед ней фотографию. Алиса подходит и склоняется над столом.

В траве лежит мужчина, блондин с перерезанным горлом. Фотография сделана крупным планом, можно разглядеть хрящи гортани и розоватую плоть в глубине разреза. Рот словно застыл в неоконченном крике. Судя по всему, снимок сделан на месте преступления.

В одно мгновение лицо Алисы искажает отвратительная гримаса, она морщит нос, челюстные мышцы напрягаются, на шее вздуваются вены.

Берди вышел из своего укрытия.

В этом новом обличье Алиса уже не тратит времени на изучение окружающего пространства. Она бросается к двери, наталкивается на охранников, впивается ногтями в щеку одного из них. Она кричит срывающимся голосом:

— Пропустите меня!

Ее валят на пол, она отбивается, тяжело дышит, словно дикий зверь. Ее сила просто поражает, охранникам с трудом удастся с ней справиться. В конце концов, обездвиженная, выдохшаяся, она успокаивается. И только тогда, сжав зубы, смотрит в упор на психиатра и говорит ему:

— Я думаю, надо спасать других! Скажите им, чтобы они меня выпустили!

— Кого — других?

— Пленников. Пленников, которых мой отец держит в туннелях.

Национальный центр научных исследований, 8 октября. Увидев фотографию изувеченного человека, Берди срывает с себя подбородник и датчики и с воплем бросается к двери лаборатории. Он бежит по коридорам, а когда Люк Грэхем пытается преградить ему путь, с силой отталкивает его и выбегает на улицу. Он знает, как выглядит машина Алисы, синий «фиат крома». Он садится за руль, и автомобиль, скрипнув шинами, скрывается из виду.

Ферма окружена многочисленными полицейскими машинами — они слетелись сюда, словно рой насекомых. На заднем сиденье одной из них рядом с доктором Брока сидит Берди. Впервые за свою карьеру психиатр чувствует себя в полном тупике — он столкнулся со случаем, наблюдать который на практике пришлось очень немногим специалистам и опыт лечения которого в мировой психиатрии крайне мал. Сидящая слева от него молодая женщина уже не является тем, кто она есть на самом деле, ее место заняла другая, взбудораженная личность, испытывающая безграничную ненависть к ее отцу. Самое невероятное, что, хотя эта личность признается в том, что ударила отца ножом, она решительно отрицает, что застрелила его. И, как и остальные личности, населяющие тело Алисы, она говорит о человеке в капюшоне, заходившем в хлев вместе с Клодом Дехане. Нечто загадочное, не поддающееся пониманию.

Проехав длинный путь от Булонь-Бийянкур, «фиат» проносится по грунтовой дороге, ведущей к ферме, и резко тормозит. Алиса уже больше не Алиса, это человек, долгие годы дожидавшийся, когда ему представится возможность выразить свои чувства, обрушить на отца всю свою злость. Берди знает обо всех страданиях, выпавших на долю Николя, о злобе отца, о садистских наказаниях, которым подвергались Алиса и Доротея. Ему известны мельчайшие детали извращенной сущности Клода Дехане. Сегодня он расскажет о них не в кошмарных снах, не в приступах тревоги, не в страхах. Сегодня он даст той, в чьем теле он затаился, силу, чтобы отомстить.

Едва выйдя из машины, Берди бежит к коровнику. Дверь открыта, полицейские сбили засовы и уже бегло осмотрели помещение, где пока что

ничего не нашли, если не считать вырезок из газетных статей, наклеенных на полу в последнем стойле. Эксперты и специалисты по криминальной психологии, пытающиеся понять суть поведения Алисы и ее взаимоотношения с родителями, изучают эти статьи. После гинекологического и медицинского освидетельствования Алисы Дехане все ознакомившиеся с ее делом уже знают, что Клод Дехане подверг свою дочь стерилизации в Перу, чтобы у нее никогда не было детей. В морозильнике на втором этаже дома были найдены пакеты с замороженной бомбейской кровью. Берди объяснил им, что Клод регулярно брал у Николя кровь на случай, если Алисе потребуется экстренное переливание.

Кроме того, в доме была найдена аккуратно сложенная одежда, в основном пижамы, и около десятка пар обуви разных размеров, а в мешках для мусора обнаружены срезанные волосы разной длины и цвета.

Собравшиеся в хлеве люди не сводят глаз с Алисы. Она входит в среднее стойло, выводит оттуда корову и заводит ее в последнее стойло. Никто ничего не понимает, терпение полицейских на исходе, но психиатр попросил их ни в коем случае не вмешиваться.

Клод Дехане сидит на крыльце перед домом. По его лбу течет пот. Он отдыхает после работы в саду. Увидев выходящую из машины дочь, он улыбается, но его улыбка быстро исчезает. Его дитя ведет себя как-то странно. Она идет прямо на него, ее губы плотно сжаты, взгляд мрачен. Они не успевают обменяться ни одним словом. Берди хватается нож и дважды ударяет отца в левую сторону груди, а потом отбрасывает свое оружие и бежит к хлеву.

Привязав корову, Берди возвращается в среднее стойло и выбрасывает из него солому. В бетонный пол вделано стальное кольцо. Берди быстро хватается веревку, свисающую с лебедки возле доильного аппарата, и несколькими узлами завязывает ее на кольцо. Потом начинает вращать рукоятку на задней стене. Ему явно трудно, мужчины пытаются помочь, но он отталкивает всех, кто к нему подходит.

— Один раз у меня уже получилось. Я справлюсь.

Понемногу бетонная плита начинает подниматься. Командующий полицейским подразделением больше не в силах ждать, он бросается к Алисе. Девушка отступает и переводит дух, а полицейский быстро крутит рукоятку. Психиатр подходит к своей пациентке:

— И что мы там найдем?

— Ужас...

Открыв люк, Берди спускается по бетонному туннелю, уходящему на восемь метров под землю. Стены вокруг него похожи на стенки старого колодца. В углублении стоит фонарь и лежит ключ. Берди хватает их и, не раздумывая, быстро идет вперед. Конечно, дорогу запомнить невозможно.

Коридоры расходятся в разные стороны. Туннелей столько, что в них легко заблудиться. Его внимание привлекают несколько слов, выцарапанных на камне чуть поодаль. «Окленд 1,3 км».

Да, Берди уже проходил здесь.

— Окленд один и три десятых километра?.. — произносит полицейский, освещая стену своим фонарем. — О господи...

Берди стоит перед ним, он ощупывает надпись кончиками пальцев и идет влево, держа в одной руке ключ, а в другой — фонарь. Лучи света шарят по стенам, за ними следуют шесть человек, в том числе — прокурор Арраса. Ошеломленный полицейский начальник объясняет своим коллегам:

— Это средневековые каменоломни, где добывали известняк. В семнадцатом году, перед битвой при Аррасе, британская армия переоборудовала их в укрытия для более чем восьмидесяти тысяч своих солдат. Я это все знаю, потому что в прошлом году, когда часть туннелей привели в порядок и открыли для посещения, нам приходилось несколько раз приезжать сюда в связи с разными правонарушениями.

— Но как же такое могло существовать здесь и никто об этом не знал? — спрашивает доктор Брока.

По стенам расползаются тени.

— Туннели тянутся на многие десятки километров под сельскими районами вблизи Арраса, до Вими, Лоретт, даже до Невилля. Значительная их часть не отражена ни на каких картах, и попасть в них можно только через колодцы-рудоподъемники, разбросанные по сельской местности и по большей части уже закрытые.

— Вроде того, через который вошли мы?

— Да, но только, судя по всему, Дехане обустроил его, чтобы облегчить спуск.

Берди идет вперед, онемев от ненависти, а полицейский продолжает объяснять своим подчиненным:

— Туннели прокладывали специалисты из Новой Зеландии — в то

время они считались лучшими, к тому же французские, английские и шотландские шахтеры уже были призваны на фронт. По проложенным рельсам могли пройти вагонетки с боеприпасами, оружием и продовольствием. В туннелях оборудовали туалеты и кухни, в некоторых местах установили крепи, чтобы предотвратить обрушения. Чтобы разобраться в этом лабиринте, саперы давали участкам траншей названия, связанные с их страной: Веллингтон, Окленд и так далее. Идея состояла в том, чтобы выйти на поверхность прямо перед расположением немецкой армии и захватить врага врасплох.

Открывающееся перед глазами зрелище пугает, каменная пещера похожа на страшный сон. Вскоре становится холодно, воздух по-прежнему невероятно сухой. Внезапно слева появляется углубление явно естественного происхождения, но вход в него перегорожен решеткой из толстых металлических прутьев. В глубине, скорчившись, лежит человек. Он неподвижен.

Берди замечает голого исхудавшего человека, запертого в камере, и его охватывает ужас. Человек оброс густой бородой, у него длинные грязные волосы. Поза, в которой он лежит, напоминает позу женщины на гинекологическом кресле. Берди быстро вставляет ключ в скважину и открывает дверь.

— Выходите! Быстрее!

Пленник не двигается, он неподвижен, словно статуя из плоти. Берди бросается в камеру и тянет человека за руку. С болезненным ворчанием он поднимает его с пола, закидывает тощие руки себе на плечи и выволакивает несчастного из камеры. Быстро, насколько ему позволяют силы, идет к выходу, пока не зная о том, что другие пленники, запертые еще глубже под землей, день за днем подвергаются чудовищным психологическим пыткам.

Командующий полицейским подразделением бросается в одну из камер. Белокурая головка слегка дергается, когда он прижимает два пальца к шее женщины.

— Она жива! Выносите ее скорее!

Люди в белых халатах торопятся оказать первую помощь. Гидратация, обогрев.

— Это Жюли Рокваль, — шепчет Берди, стоя возле решетки. — Она выживет?

Никто не оборачивается, все суетятся вокруг спасенной, которая

постепенно приходит в сознание.

Берди смотрит на психиатра:

— Не зря мы тут побывали.

— Мы — это кто?

— Я, Алиса, остальные.

— А сколько вас?

Берди не отвечает. Большинство сопровождающих ее людей видят в этой одержимой молодой женщине убийцу самого гнусного пошиба, охваченную непонятным смертоносным безумием. Пока командир отдает распоряжения и беседует с прокурором, Брока спрашивает у Алисы:

— Каким образом вы узнали о существовании этого места?

Берди идет к другим камерам, доктор, полицейский начальник и несколько его подчиненных поспешно следуют за ним, а он тем временем рассказывает:

— Несколько лет назад Алисе удалось спрятаться в коровнике, и отец ее не заметил. Она хотела понять, что он там делает днем и ночью. Он, конечно, принимал всякие меры предосторожности, но мы знали, где он прячет дубликат ключа, которым можно открыть дверь снаружи. В подлокотнике старого инвалидного кресла моей матери, которое стояло сложенное тут, на ферме. Алиса открыла хлев, положила ключ на место, тщательно закрыла дверь и спряталась за доильной машиной. Потом Клод приехал на грузовичке. Она увидела, как он перевел корову из второго стойла в третье, поднял бетонную плиту и спустился вниз с мешком на спине. Он надел капюшон...

Полицейские переглядываются, а Берди продолжает:

— Тогда Алиса прокралась следом за ним. Она прошла как раз перед той камерой, которую мы только что видели, а потом...

Берди бежит вперед и вдруг сворачивает в большую пещеру, превращенную в часовню. Распятие, лик Христа, имена солдат...

— И вот тут... вот тут, в этом углублении, я и спрятался. И увидел страшные вещи. По углам были привязаны люди, ужасно худые, все с обритыми головами и в черных комбинезонах.

Психиатр отмечает, что теперь пациентка говорит о себе в первом лице, однако ведет себя по-прежнему отстраненно. Вероятно, в прошлом именно в тот момент, когда Алиса Дехане увидела страшное зрелище, у нее произошла диссоциация сознания, и она превратилась в Берди.

Девушка прикасается к металлическим кольцам, вделанным в стену.

— Тут был подвешен человек. Потом... отец развернул мешок, и я увидел. Я увидел тело мужчины со светлыми волосами, с...

Ее глаза забежали быстрее. Впервые с начала рассказа Берди выглядит взволнованным.

— ...с перерезанным горлом. Это напоминало фотографию, которую вы мне показали.

Берди трясет головой, по его щекам текут слезы.

— И тогда... тогда я не удержался и вскрикнул. Отец услышал, он... он бросился на меня. Его лицо было совсем близко, я чувствовал его дыхание, я решил... что он меня убьет. Он зажал мне рот, чтобы я не кричал, и потом...

— Что потом? Не торопитесь, отвечайте спокойно.

Берди вот-вот сломается.

— Он привязал меня в другой камере и запер на много дней. Я не знаю, сколько времени это продолжалось, но... я заметил, как у меня отросли ногти. Иногда отец приходил с ружьем, приставлял его к моему виску и плакал. Он умолял меня уйти, дать возможность вернуться Алисе, он сказал, чтобы я больше никогда не приходил, иначе он убьет меня, как убил Доротею, когда она стала слишком часто подменять Алису. Он поклялся в этом перед Богом. Каждый раз, услышав шаги отца, я думал, что сейчас умру. Иногда отец спал вместе со мной в камере, он бил меня, чтобы заставить уйти, или, как он говорил, чтобы «прогнать зло, вселившееся в меня». Но там не было никого, никого, кроме меня, пока Алиса наконец не вернулась. Она так и не вспомнила, что ее заперли, что она спускалась сюда. Я помню все за других. Я — это то, чем должна была бы быть Алиса...

Берди удается дотащить невероятно истощенного мужчину до коровника. Несчастного сотрясают конвульсии, но он по-прежнему не двигается. Не раздумывая, Берди бежит к дому. Отца нет, судя по кровавым следам, он дотащился до ванной комнаты и закрылся там. Берди с криком пытается открыть дверь, но она заперта изнутри. Он бьется изо всех сил в деревянную дверь, маленькая задвижка поддается.

Клод Дехане сидит в глубине душевой кабины, он неподвижен, его глаза широко раскрыты.

Решив, что он умер, Берди уходит, бежит на второй этаж и достает из старого шкафа в своей комнате шерстяное одеяло. Одеяло, в которое Алиса заворачивалась после пытки душем. Он возвращается к узнику. Тот по-прежнему дрожит, но не может пошевелиться. Берди кое-как устраивает его на заднем сиденье своего «фиата крома» и накидывает ему на плечи одеяло. Машина исчезает в облаке пыли.

Клод Дехане звонит из ванной комнаты и вызывает «скорую помощь»...

Под наблюдением полицейских Берди идет по туннелю, в котором раньше никогда не бывал. Примерно через сто метров туннель становится шире, и их глазам предстает еще несколько камер. Пахнет как в конюшне. Кто-то нажимает на выключатель, установленный при входе в туннель, и помещение внезапно заливают ослепительный свет. На лицах полицейских отражается ужас. Их командир идет вперед, вытянув руки по швам, он пытается контролировать себя, но перед таким зрелищем не способен выстоять ни одно человеческое существо. И сейчас он превращается в простого человека, бессильного совладать с собой при виде этого кошмара.

Берди падает на колени.

В четырех из шести камер лежат люди в черных комбинезонах с изможденными лицами. Некоторые еще могут пошевелить руками, другие только медленно моргают.

Выехав на полной скорости на автостраду, Берди начинает паниковать. Он не может отвезти этого человека в больницу — там ему обязательно начнут задавать вопросы. Его могут арестовать за убийство отца. Он не хочет, чтобы его поймали, он не хочет заплатить жизнью за то, что сделал доброе дело. Самое главное, он хочет защитить Алису. В этом состоит смысл его существования. Он сворачивает на первом же повороте, проезжает через какую-то деревню и замечает автобусную остановку. На улице темно. «Фиат» останавливается и через пять минут отъезжает снова, но уже без пассажира.

Теперь Берди едет к Алисе. Он тихонько заходит в ее квартиру. Там он моется, снимает испачканную кровью блузку, вызывающую у него отвращение. Он бросает ее в душевую кабинку и задергивает занавеску.

Четыре пленника живы, их поспешно уносят.

Четыре человека, запертые в этих камерах бог знает сколько времени. В других помещениях находят самодельные орудия пыток: большой прозрачный цилиндр, наполненный водой, столы с зажимами для конечностей. Там же лежат бесчисленные веревки, мешки с наполнителем для туалетов, консервные банки, бутылки с водой, лампочки и электроинструменты.

По приказу командира полицейские ни к чему не прикасаются. Впрочем, ни у кого и не возникает желания дотронуться до чего бы то ни

было в этом подземелье.

Людям кажется, что ничего худшего увидеть уже невозможно, но этажом выше один из полицейских находит колодец, откуда исходит невыносимый запах. Берди качается и падает. Потом он прижимается к стене, поджав колени к груди. Этот колодец... При виде его в памяти всплывает воспоминание.

Колодец с монетками.

И к этому воспоминанию примешивается голос.

Истинный голос человека в капюшоне.

Берди открывает шкафы Алисы и достает какую-то одежду — брюки, куртку, — надевает их, а потом садится в углу и позволяет себе расслабиться. Там он спит, ест, оттуда слушает голоса людей, оставляющих сообщения на автоответчике. Потом он идет на пляж, ходит взад-вперед, бродит, теряется на улицах города. Ему нравится быть на улице. В помещении жизнь превращается в боль, в сумерки, приносит одни неприятности. Он слабеет, и на какой-то заправочной станции позволяет разуму Алисы овладеть собой.

Алиса вернулась...

Глядя на колодец, Берди хмурится и внезапно вскидывает светлые глаза.

«Сука подлая, мразь! Сука подлая, мразь! Сука подлая, мразь! Сука подлая, мразь!»

Психиатр, прижимая к носу платок, становится на колени перед девушкой.

— Что с вами?

Берди смотрит в пол. Он снова возбужден, он разговаривает сам с собой:

— Я никогда не был у него, он врет! Я никогда не был у него в Кале! Я оставался у Алисы, я там ел, спал. Все... Все было ложью!

— О ком вы говорите?

Он смотрит на психиатра уверенно, Алиса никогда не смогла бы так смотреть.

— О человеке в черном... О том, кто сказал мне «Сука подлая, мразь!» возле трупa Люка Грэхема, потому что я сорвал с него капюшон. О том, кому Алиса полностью доверяла, о том, кто ею манипулировал. О том, кто манипулировал всеми нами с самого начала. О человеке в капюшоне, который заходил в коровник и запирался в этих туннелях вместе с моим

отцом.

Берди в отчаянии трясет головой.

— Людей в капюшоне было двое. Один — это мой отец, а второй... его зовут Фредерик Дюкорне.

Три недели спустя.

Ноябрьское солнце освещает прекрасный пляж. Алиса везет инвалидное кресло Бландины по молу в Берк-сюр-Мер. Песок и камни — этот пейзаж действует на девушку успокаивающе. Ей нравится тихая осенняя погода — и здесь, и в любом другом месте.

Укутавшись в шарфы, на довольно большом расстоянии за ними следуют мужчина и женщина. Жюли Рокваль беседует с Франсисом Бапомом, физиотерапевтом Бландины Дехане. Специалист, ежедневно работающий в курортном центре, не может прийти в себя после того, что рассказала ему сотрудница социальной службы. Судя по выражению глаз, он в отчаянии.

— Одному богу известно, какие ужасы он показывал своей жене на протяжении всех этих лет, — говорит Жюли.

— Богу и ей, — уточняет Бапом, стискивая зубы. — Богу и ей...

Он погружается в мрачное молчание, потом продолжает:

— Не знаю, как я буду смотреть ей в глаза. Ведь это я отпускал ее туда, в ад. Это я разрешал ее мужу каждую неделю держать ее дома на один день больше. Как же я ничего не заметил?

— Вы прежде всего человек. Мы не готовы встретиться с подобной бесчеловечностью. Чем страннее факты, тем реже мы замечаем их. И самое ужасное, безусловно, состоит в том, что Клод Дехане действительно любил своих жену и дочь. Любил по-своему.

Они снова замолкают и просто идут вперед, погрузившись в свои мысли. В последних статьях и репортажах место, где Алиса провела всю жизнь, называют не иначе как «ферма ужасов».

На основании признаний Фредерика Дюкорне, открытий, сделанных в мрачных подземельях, рассказов измученных узников и полицейского расследования было установлено, что в период с 1996 по 2007 год были похищены и подвергались пыткам шестнадцать человек, более или менее ответственных за гибель детей или других лиц, при этом одиннадцать из них были убиты, а их тела сброшены в колодезь.

Один из мучеников, убежавший из больницы кататоник, был объявлен пропавшим без вести. Полиция еще ищет его. Александр Бюрло... Похищен в январе 2005 года, освобожден Алисой в октябре 2007-го. Почти

тысяча дней мучений, заточения, пыток, после которых его бросили на произвол судьбы в камере площадью двадцать четыре квадратных метра. Дюкорне объяснил, что в марте 2006 года Поль Бланшар, отец маленькой Амели, случайно убитой Бюрло, не нашел в себе сил, чтобы забить его бейсбольной битой в лесу, и в конце концов покончил с собой, бросившись под поезд.

Физиотерапевт кивает в сторону идущей перед ним Алисы:

— А как с ней?

Жюли сует руку в карман и достает оттуда компьютерную флешку.

— Я надеюсь. Полиция нашла в доме Люка Грэхема эту флешку, на которой записан подробный анализ состояния больной, и это поможет нам продвинуться гораздо быстрее. Эти двадцать страниц просто поражают...

Она вытирает нос платком.

— К тому же ее случаем займутся лучшие специалисты. Теперь, когда Клода Дехане больше нет, разные личности Алисы готовы привести ее к выздоровлению. Это вопрос нескольких недель. Постепенно барьеры рухнут, воспоминания уже возвращаются к ней. Вскоре она вспомнит саму себя, и смысл существования прочих ее ипостасей просто исчезнет.

Бапом с грустью смотрит на мать и дочь.

— Как Алиса приняла известие о связи Фредерика Дюкорне со всей этой мерзкой историей? Вы сказали мне по телефону, что они были очень близки.

— С трудом, вы же понимаете. Она была готова полюбить его... Думаю, что она еще очень, очень долго не сможет доверять кому бы то ни было. Ею манипулировали, что называется, от и до. После того как она заварила всю эту кашу — удары ножом, кататоник, — Дюкорне и Клод пытались понять, что именно она помнит, что знает, чего не знает и не может ли она представлять для них опасность. И они решили присматривать за ней, причем вблизи. Для этого оказалось достаточно, чтобы Дюкорне оставил ей на автоответчике сообщение о том, что она скрывалась у него во время черной дыры, и дело было сделано, Алиса попала в его ловушку. Он наконец встретился с девушкой, которую раньше только мельком видел в окне, когда приезжал на ферму «поработать». Клод Дехане так много рассказывал о ней, о ее «превращениях», что Дюкорне знал ее лучше многих других. Вначале он убедился в том, что она ничего не помнит... Он заставил ее поверить, что она встречалась с беженцем, которому передала фотографию Доротеи, но на самом деле эту фотографию он сам украл у Грэхема. Он хотел, чтобы Алиса шла дальше, хотел столкнуть ее и с отцом, и с психиатром, а потом

намеревался реализовать радикальное решение. Идеальное решение, по сути дела.

— Убрать всех, кто мешает, и свалить вину на Алису Дехане...

— Вот именно. В том, что касается искусства манипулирования людьми, он вне конкуренции. Полиция нашла в доме Дюкорне множество книг и даже документов, которые обычно не разглашаются, о технике пыток, о разрушении психики, о точке разрыва...

— Это чудовищно... Но как же сложился дьявольский дуэт Клода Дехане и Фредерика Дюкорне?

— Случайно, но часто случай играет с нами злые шутки. Дюкорне стал первой «жертвой», которую решил спасти Дехане. Он провел два года в тюрьме за педофилию, но приговор оказался ошибочным, он был невиновен... В заключении он испытал все. Изнасилования, пытки, побои... Ему и двадцати лет не было. С точки зрения Дехане — ребенок. Ребенок, сломанный обществом и ошибкой одного человека.

— Это ужасно...

— Первым опытом Клода Дехане, если можно так выразиться, стало похищение судьи, ответственного за эту судебную ошибку, Армана Мадлена. Дюкорне убил его и получил от этого огромное удовольствие. Так родилось чудовище, так появился этот кошмарный союз, с которым нам пришлось иметь дело. Дюкорне занимался в основном пытками, а Дехане разрабатывал стратегию их действий. Фредерик Дюкорне подробно рассказал нам обо всех мерзостях, которые он придумывал. И представьте себе, что он давал приют беженцам и выглядел в глазах окружающих милосердным, полным сострадания человеком...

Физиотерапевт с досадой качает головой и спрашивает:

— А как они находили своих жертв?

— В самом начале они просто использовали прессу. Они выбирали случаи врачебных и судебных ошибок, которые ломали жизнь семьям, или дорожные происшествия, в результате которых гибли дети, а виновные не получали должного наказания со стороны правосудия. Благодаря этим статьям они получали все необходимые сведения. Имена жертв, имена виновников — а если как следует поискать, то находились и адреса. Потом они выбирали людей, получивших самую сильную психологическую травму, ставших жертвами наиболее несправедливых решений суда, таких как Люк Грэхем.

Жюли умолкает. При упоминании Грэхема ей до сих пор делается не по себе.

— ...Дюкорне с улыбкой рассказывал нам, что часто выезжал «на

место» и находил людей, пребывающих в состоянии депрессии или склонных к самоубийству, не проехав и нескольких километров. Достаточно было установить, что человек слишком долго отсутствовал на работе «по медицинским соображениям», провести тактичное расследование в клинике — и дело было сделано. Развитие интернета и коммуникационных систем только облегчило реализацию этого порочного проекта.

Алиса поворачивается в их сторону, и Жюли по-дружески машет ей рукой, потом все идут дальше.

— Система работала безотказно. Они похищали виновника спустя много времени после происшествия, лишали его свободы, подвергали пыткам. Связывались с жертвами через месяцы, если не через годы после трагедии, убеждали их в том, что могут им помочь, посылали им фотографии предмета их ненависти — заточенного, униженного. Предлагали им лишиться жизни того или ту, кто разбил их собственную жизнь, и сделать это без всякого риска... Большинство из этих людей, в том числе Грэхем, погрузились в глубочайшую депрессию или пытались покончить с собой. Самоубийство — это злость, направленная на себя самого, против себя самого. У тех, кому не удалось свести счеты с жизнью, обязательно сохраняется стремление к разрушению, и фотографии, которые получали жертвы, являлись средством сфокусировать злость, даже усилить ее. Этот процесс психологической дестабилизации занимал несколько недель. Дехане и Дюкорне раскрывали свой план постепенно, когда чувствовали, что обстоятельства благоприятствуют им, и после того, как убеждались, что их не выдадут. Насколько нам известно на сегодняшний день, никто не устоял перед искушением отомстить. За исключением, может быть, Поля Бланшара, который не довел дела до конца и в итоге предпочел покончить с собой. Но во всех случаях те, кто убивал, сами так от этого и не оправились.

— А какую роль в этом сыграл Грэхем?

— Это тоже выходит за рамки понимания. В две тысячи третьем году семья Грэхема погибла в результате дорожной аварии. Люк Грэхем лишился жены и двух детей. Эта трагедия широко освещалась в прессе, в связи с ней в очередной раз был поднят вопрос о недопустимости использования мобильных телефонов за рулем. Через несколько недель психиатр совершил попытку самоубийства. Этот сломанный, разрушенный человек отдавал себе отчет в том, что виновница аварии, Жюстина Дюмец, сумела проскочить сквозь сито правосудия.

— То есть?

— Она не понесла никакого наказания, вообще никакого, а ведь она убила трех человек и сломала жизнь четвертому. Не забудьте и историю с громкой связью. По словам Дюкорне, в заточении она призналась, что говорила по телефону, не включая эту связь. На суде она упорно лгала.

— Или же сказала правду. Под пыткой люди могут признаться в чем угодно.

— Этого мы никогда не узнаем. Короче, Клод Дехане увидел в этой молодой женщине душу, подлежащую наказанию, а его сообщник — тело, которое можно пытать. Она пропала только через год, когда Грэхем дошел до грани. Никому не пришло в голову связать ее исчезновение с той аварией. Грэхем, погрязший в своем отчаянии, не смог противостоять инстинкту мщения. Он перерезал горло Дюмец охотничьим ножом. Тем самым, который нашли в его доме.

— Он, как и остальные, думал, что после этого сможет обрести покой.

— Он так и не оправился после того, что сделал. И можно себе представить, до какой степени извращенным человеком был Клод Дехане, если через несколько лет, когда его дочь потребовала, чтобы ее показали психиатру... угадайте, к кому он ее направил?

— К Грэхему...

— Да, причем по двум причинам. Он считал Грэхема конченным психиатром, неспособным вылечить кого бы то ни было. Работа в психиатрической клинике была для него просто способом выживания. Но самое главное, Дехане и Дюкорне держали его в руках. Если бы Грэхему удалось помочь Алисе, в их распоряжении имелось чудовищное средство давления на него, чтобы он прекратил лечение.

— Судя по всему, они его недооценили.

— Да. Работа Грэхема с этой больной шла настолько незаметно, чуть ли не подпольно, что они попали впросак.

Жюли дышит себе на руки.

— Вызвав к жизни Берди, Грэхем, сам того не зная, оказался в опасности. Освобождение Бюрло и то, что он попал в клинику, представляли для него настоящую проблему, потому что Бюрло мог заговорить, может быть, даже объяснить, где и почему его удерживали. Нельзя было исключить, что его историю начнут сопоставлять с историями других пропавших без вести. Вся правда могла бы выйти на свет. Судя по последним данным расследования, которые мне известны, есть основания полагать, что удравший из клиники Бюрло расправился с Лоранс Бланшар, а потом Грэхем догнал и убил его. Это всего лишь гипотезы, но в багажнике машины Грэхема нашли следы крови, принадлежащей Бюрло.

— Но кое-чего я пока не понимаю. Почему кататоник Бюрло убил мать девочки, которую сбил?

— Бюрло не имел ничего против этой женщины, но он был зол на ее мужа. В тот вечер в лесу он видел лицо Поля Бланшара. Бланшару не хватило мужества, чтобы убить его, и это стоило Бюрло долгих дополнительных месяцев агонии в подземелье. Когда Бюрло вывели из кататонического состояния, у него в голове засела только одна мысль: убить того, кто стал причиной его страданий, то есть Поля Бланшара. И устранить всех, кто встанет на его пути... Не забывайте, что после всех пыток, после нескольких лет заключения Бюрло был не вполне нормальным. Он уже больше не был... человеком.

Франсис Бапом потрясен. Услышанное не укладывается у него в голове.

— И подумать только, что все это происходило на ферме, на глазах у Алисы. А ее отца никогда не привлекали к ответственности.

— Полиция не могла связать между собой все эти исчезновения, все они были слишком разбросаны во времени и пространстве. Похищение, момент, когда похитители связывались с жертвой, переход к действию. К тому же тела так и не находили. Нет тела, нет мотива...

— А Алиса в курсе всей этой истории? — спрашивает Бапом.

— Еще нет, каждый раз, когда врачи пытаются заговорить с ней на эту тему, она становится Доротеей. Однако ее другие «я» появляются все реже и реже. Безусловно, благодаря смерти Клода Дехане — она их в каком-то смысле освободила. Проблема с Доротеей состоит в том, что она любит свою жизнь «снаружи».

— А этот Берди?

— Он прячется в глубине ее самой. Берди — это всего лишь то, чем должна была стать Алиса. Он составляет ядро ее кошмаров, она испытывает абсолютный ужас перед ним, но она поправится только тогда, когда перестанет его бояться. Его и своего собственного прошлого.

Жюли вздыхает.

— Алиса жила в окружении всех видов безумия. Безумия отца, порожденного травмой. Безумия от отчаяния — Люка Грэхема. Безумия Дюкорне, бесспорно самого извращенного... И своего собственного... проистекающего непосредственно из ее сломанного детства.

Алиса останавливается на середине мола и поворачивает кресло матери к морю. Поверхность воды мерцает, словно разбиваясь на тысячи кусочков, тогда как на самом деле она неделима. Алиса прищуривается, размышляя о неосязаемой сложности этого явления. Ей объяснили, что то

же самое происходит в ее голове, где сверкают отдельные, независимые друг от друга звездочки, но скоро они сольются воедино и образуют одно большое солнце. Это, конечно, значит, что еще не все потеряно, что ее жизнь, даже если и не станет прекрасной, может стать нормальной.

И это уже много значит. И этого ей достаточно...

Эпилог

Сидя в одиночестве с бокалом мартини, Жюли вставляет в свой ноутбук флешку и, уже в который раз, открывает документ, составленный доктором Грэхемом. На улице темно и холодно. Снежные хлопья бьются о стекло. Каждый раз при мысли о психиатре Жюли пробирает дрожь. Несмотря на все, что он натворил, на все ужасы, приведшие к его смерти, она по-прежнему уверена в одном: Люк Грэхем был хорошим психиатром. И если сегодня Алиса почти здорова, то только благодаря ему и его обобщающему анализу...

Доктор Люк Грэхем.
Предварительный обобщающий анализ.
Больная Алиса Дехане.

Комедия дель арте. Ее персонажи, хорошо известные нам Пьеро, Арлекин, Полишинель, Капитан. Пестрая галерея характеров, поведения, реакций друг на друга, создающая живой и сложный театр. Недавно мне снова довелось побывать в нем, причем по меньшей мере неожиданным образом.

Следует помнить о том, что наши познания о диссоциативном расстройстве личности весьма ограничены. Однако в свете работ, которые я смог проанализировать, а также на основании поразительного опыта общения с моей больной я совершенно убежден в том, что в случае Алисы Дехане следует говорить не о множестве состояний, а о множестве населяющих ее персонажей.

Таким образом, в этом отчете я позволю себе выйти за строгие рамки, определенные 4-й редакцией рекомендаций по описанию психических заболеваний, и сосредоточусь на описании психического расстройства, которое к настоящему времени очень плохо изучено.

Прежде всего, кто такая Алиса Дехане? Молодая женщина, которой к моменту начала терапии исполнилось 24 года. Впервые она пришла ко мне с жалобами на нарушения памяти, на «провалы». Она страдает страхами, достигающими до уровня фобий, и повторяющимися кошмарами. Она боится велосипедов,

шума воды, бьющей по эмали или по любой другой металлической поверхности, высоты, крови, теней, а также чудовища по имени Берди.

Первые диссоциативные нарушения, которые я смог наблюдать, привели лишь к усложнению и без того трудной работы, потому что, как только я затрагивал чувствительные точки или задавал ей достаточно конкретные вопросы о ее детстве, Алиса — я говорю об Алисе, но на самом деле речь шла об одном из ее нескольких «я» — резко вставала и выходила из моего кабинета. Кроме того, она часто пропускала сеансы. Она приходила через неделю, потом снова исчезала, потом возвращалась через месяц. Одним из условий успешной психотерапии является регулярное посещение сеансов, но нам этого никак не удавалось добиться. И поскольку я не знал точно, чем именно она больна, я отказывался назначать ей какое-то лечение.

[...] Алиса согласилась показать мне свои детские рисунки, но упорно отказывалась раскрыть рот. К счастью, о жизни Алисы мне рассказала не она сама, поскольку она и не могла этого сделать, а населявшие ее персонажи.

Потребовался случай в виде очень короткой, но сильной грозы в октябре 2006 года, чтобы я своими глазами увидел одно из ее превращений.

Жюли перелистывает страницы, которые уже знает почти наизусть. Люк Грэхем рассказывает о своей первой встрече с Николя. Этот напуганный персонаж появился под стук дождя... Маленький мальчик, боящийся наказания... Возвращение Алисы после грозы, полное отсутствие воспоминаний о произошедшем... Жюли закрывает глаза, в ее голове по-прежнему звучит серьезный голос Люка.

[...] Позже я узнал из уст все того же Николя, что отец в порядке наказания ставил его одетым под душ и предлагал на выбор очень горячую или ледяную воду. В психологии это называют двойным посланием или двойной связью — речь идет о сложной дилемме, когда, независимо от того, что именно будет выбрано, этот выбор будет неправильным. Этот прием только усиливал степень диссоциации и расстройств личности Алисы. Клод Дехане отлично владел техникой двойного послания, а

также и другими методиками манипуляции, в частности системами страха-облегчения или угрозы-вознаграждения. Все эти последовательные психические потрясения (наказания, несчастные случаи, прекращение обучения...) и сломали психику Алисы.

Разумеется, я не мог говорить с Алисой о своей первой встрече с Николя. Вынужденное столкновение с тем, что ее мозг заботливо перенес в отдельную зону сознания, непременно разрушило бы установившееся между нами хрупкое доверие и только усилило бы ее сопротивление.

Люк рассказывает о своих сомнениях и тревогах. О затруднениях с определением болезни: фобический невроз? Психоз? Истерия? Или... диссоциативное расстройство личности? Все сомнения исчезают после того, как через три дня после появления Николя в его кабинет явилась Доротея.

[...] Доротея представилась как сестра-близнец Алисы. Она заявила, что терапия причиняет ее сестре вред и вызывает у нее сильный стресс. Она не хотела, чтобы я продолжал заниматься Алисой. Я был в шоке. Как человек может до такой степени изменить свое поведение, стиль, манеры? Как она могла обходиться без очков? Я провел опыт: попросил Алису снять очки и сделал несколько тестов. Она действительно страдала дальностью зрения. Я попробовал надеть ее очки. Человек с нормальным зрением не мог бы выдержать в них дольше пяти минут.

На следующей неделе я отвел Алису к офтальмологу, мне требовалось научное подтверждение ее дальности зрения. Ведь если дальность зрения существовала в действительности, чем можно было объяснить, что Доротея ходила без очков?

В кабинете офтальмолога терапия приняла совершенно другой аспект, и я понял, что имею дело со случаем, с которым сталкивались очень немногие психиатры.

С чисто соматической точки зрения офтальмологический осмотр не выявил никакой особой патологии. У Алисы должно было быть отличное зрение. Однако ее реакция на рефрактор (чисто субъективная) и на тесты Монуайе и Парино (также субъективная) явно свидетельствовала о наличии сильной

дальнозоркости и о необходимости ношения корректирующих линз. С объективной и научной точек зрения больная не была дальнозоркой, но по субъективным показателям — была. Личности Алисы и Николя страдали истерической дальнозоркостью аналогично тому, как у некоторых больных может развиваться истерическая слепота, глухота или другие физические недостатки. Так, у Евы Блек, одной из личностей знаменитой Кристины Костнер-Сайзмор, отмечалось преходящее микрокосоглазие, не наблюдавшееся ни у одной из прочих ее личностей.

У Доротеи не было ни истерической дальнозоркости, ни других характерных черт Алисы, например неуверенности или тревожности. Интересное наблюдение, показывающее, что диссоциация представляет собой механизм невероятной силы, способный разделить психику на зоны, полностью отделенные друг от друга.

[...] Углубившись в литературу, я наткнулся на описание случая, который, вероятно, наиболее сопоставим со случаем моей пациентки. Речь идет о хорошо известной Анне О., она же Берта Паппенгейм, одна из личностей которой говорила только по-английски и страдала параличом правой руки, тогда как другая ее личность не имела никаких физических отклонений и говорила по-немецки (то есть на родном языке), по-французски и по-итальянски.

Ангорская кошка, которую Жюли подобрала на прошлой неделе, трется о ее ноги. Она задумчиво и нежно гладит животное. В своем анализе Люк пока еще только задает вопросы. Знакомы ли Доротея и Николя? Взрослеет ли Доротея в том же темпе, что и ее сестра? Появляется ли она по собственному желанию? Как и почему появились на свет эти персонажи? И главное, сколько разных «я» прячется внутри Алисы? Два, три, четыре? Десять?

[...] Меня радовало и ободряло, что ни одно из воспоминаний Алисы не было утрачено. Эти воспоминания просто разошлись по разным участкам ее мозга, и каждое соответствовало одной из личностей. Таким образом, чтобы найти эти воспоминания и добраться до истоков травм,

испытанных Алисой, мне следовало опросить других персонажей. Добиться, чтобы они появились, завоевать их доверие и заставить их говорить.

Постепенно мне удалось прийти к соглашению с Доротеей. Если она не хотела, чтобы я говорил с сестрой о ее «воскрешении», она должна была помогать мне и отвечать на мои вопросы. Она согласилась сотрудничать при условии, что я никогда, никогда не расскажу об этом ни Алисе, ни ее отцу.

Прежде чем погрузиться в прошлое Алисы, Доротеи и Николя, я должен представить один из известных на данной стадии персонажей: Мирабель.

Жюли вздыхает. Мирабель... Она появилась через пять месяцев после начала терапии во время затянувшегося до вечера сеанса. Социальная работница прекрасно представляет себе реакцию Грэхема: удивление и восторг открытия.

[...] Она стояла, держа перед собой сумочку, и все время откидывала голову назад, словно хотела отбросить длинные волосы. Я достаточно хорошо изучил мимику Доротеи и Николя и понимал, что имею дело не с ними. Я был совершенно растерян: неужели передо мной предстал новый персонаж?

Она хотела уйти, у нее было назначено свидание с «другом», как она его называла, но мне удалось немного задержать ее. Позже я узнал, что этим «другом» был не кто иной, как отец Алисы.

Мирабель разговаривала быстро, иногда она немного шепелявила...

«...Это из-за передних зубов, они у меня кривоваты», — с улыбкой вспоминает Жюли слова, услышанные от Мирабель несколько недель назад. Вежливая, послушная, заботливая девушка, с которой Жюли довелось побеседовать в кабинете доктора Брока.

[...] Ниже, в таблице, представлены результаты четырех электрокардиограмм и электроэнцефалограмм, снятых у разных личностей Алисы в ходе различных медицинских обследований. Наиболее характерными представляются такие показатели, как частота движений глаза в минуту и частота сокращений сердца в

состоянии покоя.

	Алиса	Доротея	Мирабель	Николя	Берди
Частота движений глаза в минуту	5,2	14	4	20	?
Сердечный ритм (систола). Количество сокращений в минуту в состоянии покоя	65	58	70	67	?

Заметные колебания частоты сокращений сердца (больная лежит на спине в состоянии полного покоя) свидетельствуют о степени тревоги, характерной для каждого персонажа. Николя живет в постоянном страхе и волнении. Доротея часто злится, а злость или воспоминание о приступе злости, как известно, снижает эффективность насосной функции сердца (Chesney, 1986; MacDougall, Dembroski & Hackett, 1985).

Четыре основных персонажа — Алиса, Доротея, Мирабель и Николя — позволили мне в течение года воссоздать значительную часть истории Алисы Дехане. Здесь я ограничусь ее кратким изложением. Остается темная область, воплощенная в личности Берди, персонажа, о чьем существовании я догадывался и который появился во время теста визуальной стимуляции. Какая травма, связанная с образом человека с перерезанным горлом (база данных Международной аффективной системы изображений), заставила появиться Берди?

Жюли снова пролистывает страницы. Люк Грэхем объясняет, что стало причиной «рождения» Мирабель — она появилась как ответ на детские страхи пятилетней Алисы. При мысли о страданиях девочки и о той заинтересованности, которую проявил в этом случае Люк Грэхем, Жюли испытывает глубокое волнение. Она допивает свой мартини и ставит бокал на стол.

[...] Даже будучи совершенно обособленным персонажем, Мирабель полностью осознает, что по отношению к Алисе она играет роль защитницы. Она сразу стала воспринимать себя как «добрую соседку, живущую на ферме неподалеку» и взяла Алису под свое крыло.

После долгих сеансов, в ходе которых Мирабель не произносила ни слова, она наконец доверилась мне. В глубине души я думаю, что эти разные персонажи только и ждали момента, чтобы высказаться, и что они, точно так же как и Алиса, с самого начала относились к терапии всерьез и очень добросовестно. Кроме того, все они прекрасно понимали, какая опасность им угрожает: Клод Дехане ни в коем случае не должен был знать, что они посещают психиатра.

Когда Мирабель исчезала, Алиса становилась прежней Алисой — застенчивой и растерянной маленькой девочкой. Я представляю себе ее в начальной школе, она освобождена от занятий спортом и от участия в рискованных мероприятиях. Алиса не понимает, почему отец ничего не позволяет ей, тогда как ее сестра Доротея совершенно свободна в поступках. Именно в это время, услышав, как девочка открыто говорит о несуществующем персонаже, родители должны были бы забить тревогу. Почему они не реагировали?

Несмотря на частые болезни, на присутствие Мирабель по вечерам и Доротеи — время от времени, Алиса вначале училась более или менее нормально. Она неплохо успевала, особенно ее интересовали литература, естественные науки и рисование. В школе, среди других детей, она чувствовала себя вполне комфортно. Однако, возвращаясь на ферму, она сразу начинала испытывать какое-то гнетущее чувство. Алиса до сих пор не знает, откуда оно появлялось. Но другие персонажи знают.

[...] В этот период, чрезвычайно важный для развития ребенка (социализация, необходимость общения с другими

людьми и так далее), ситуация стала ухудшаться. Во время сеансов Алиса рассказывала мне о черных дырах, в которые проваливалась начиная с восьми лет, причем иногда — среди бела дня. Это случалось с ней главным образом на ферме. И причину я понял благодаря Николя.

Жюли морщится. Тяжело читать, как Люк описывает наказания. Николя, настоящий мученик, принимал на себя боль Алисы... Психиатр рассказывает о горячих душах, об эпизоде с собакой в сарае, а также о заборах крови.

[...] Николя рассказал мне, что его отец придумал каждые три месяца брать у него кровь. Эту кровь он хранил в морозильнике, чтобы в случае какой-то «беда» можно было сделать переливание. Именно тогда у Алисы развился страх перед иглами и кровью (фобия подтипа «кровь-укол-несчастный случай»).

[...] По-своему Клод Дехане хотел защитить свою дочь, и, как мне кажется, он, несмотря на всю свою испорченность, всегда любил ее. Разрушительной любовью. Само собой разумеется, неоднократное взятие крови оказывало катастрофическое влияние на здоровье и без того очень слабенькой девочки. Ведь известно, что в норме кровь можно брать только у здоровых людей, весящих не менее 50 килограммов...

Если бы Алиса росла без помощи Николя, она, наверное, стала бы жертвой какого-то механизма саморазрушения, а это открыло бы путь для развития шизофрении или психопатии или же могло привести к самоубийству в подростковом возрасте.

[...] Алисе исполнилось десять лет и, как ни странно, несчастный случай, произошедший с ее матерью (падение с лестницы, приведшее к развитию синдрома «запертого внутри»), не сильно взволновал ее. Алиса может спокойно рассказывать об этом эпизоде. Он мало что значит для девочки, которая воспринимала мать как отстраненное и постоянно отсутствующее существо, никогда не уделявшее ей особого внимания. Важнее всего для Алисы то, что она может оставаться с отцом и заниматься своей собакой.

[...] В первых классах средней школы приступы диссоциативного расстройства стали развиваться у Алисы прямо на занятиях. Она не говорила об этом никому, так как очень стеснялась и боялась реакции одноклассников, которые стали бы называть ее ненормальной и «дебилкой». Страх оказаться непохожей на других, страх перед стыдом, безусловно, способствовал тому, что Алиса впервые решилась обратиться к психиатру только в двадцать четыре года.

Вернемся в класс. Если два персонажа в общем редко заявляли о себе, поскольку появлялись главным образом на ферме, третий персонаж, куда более сильный и волнующий, полностью занял мысли Алисы. Придуманная Доротея, существовавшая в сознании Алисы, постепенно превратилась в совершенно отдельную личность. Доротея, настоящая Доротея, выросла в мозгу Алисы, приобрела объем и постепенно «втянула в себя» воображаемый персонаж. Думаю, что это слияние произошло постепенно в период между январем 1995 года (первая запись в дневнике Доротеи) и концом сентября 1997 года, когда воображаемый персонаж совершенно исчез после того, как отец «виртуально похоронил» Доротею...

Поговорим об этом «виртуальном захоронении». Алиса переживала период длительной диссоциации, начавшийся в середине августа 1997 года и закончившийся, по-видимому, в октябре 1997 года. Примерно два месяца черной дыры, два месяца, в течение которых Доротея взяла в свои руки рычаги управления и прочно обосновалась в голове Алисы. И Клод Дехане столкнулся с уверенным в себе, психологически сильным человеком, оказывающим ему сопротивление, который выдерживает его злость и не повинуется ему. Он уже привык к этому, потому что Доротея и прежде иногда занимала место Алисы, но всего на несколько часов, иногда на один день. Однако теперь дни идут, а Доротея никуда не уходит. Клод Дехане начинает паниковать. Он не любит Доротею, он будет стараться избавиться от нее, подавить ее психологически, возложить на нее ответственность за «исчезновение» Алисы, будет притеснять ее. Увидев, что она никак не уходит, он обращается за помощью к доктору Данби и получает от него совет символически убить ее, не обращать на нее внимания. Клод поймет этот совет буквально,

выроет могилу в глубине сада и дойдет до того, что подделает документы, чтобы придать захоронению официальный вид.

Данби — худший врач из всех, с кем мне довелось встречаться, но факты свидетельствуют о том, что это «виртуальное захоронение» произвело ожидаемый эффект. Через два дня Алиса возвращается. Разумеется, поскольку ее виртуальная Доротея больше не существует, Алиса поверит, что она действительно умерла.

[...] Доротея убеждена, что она появилась на свет одновременно с сестрой и что обе девочки росли вместе. Будучи персонажем, родившимся в результате диссоциации, Доротея унаследовала привычки и воспоминания, принадлежавшие Доротее виртуальной. Здесь мы имеем дело с удивительным механизмом внутренней передачи.

«Да, но несвоевременные появления Доротеи в значительной мере привели к тому, что Алиса так и не закончила школу», — думает Жюли. Именно Доротея чаще всего сидит на уроках математики и физики. Характерно, что она не дает себя обмануть и уже не боится появляться, когда на перемене Алису обижают одноклассники. Начинаются ссоры и оскорбления, Алису называют «чокнутой». Учителя все чаще призывают родителей принять меры, отец все чаще наказывает ее, а это приводит ко все более частым появлениям Николя и все новым и новым черным дырам. Дьявольский замкнутый круг.

[...] Совершенно понятно, в какой порочный круг попала Алиса, которая уже утратила способность отрешаться от своих персонажей. Она превратилась всего лишь в телесную оболочку, которую делят между собой четыре разные личности (если не считать Берди). Иными словами, Алиса как таковая проживает лишь четверть своей жизни.

Поняв, как работает психика дочери, Клод Дехане становится теперь дирижером того, что он сам уже давно называл «внутренним мирком Алисы». На своей уединенной ферме он возглавляет настоящую семью, где у него есть любимцы — Мирабель и Алиса и ненавистные изгои — Николя и Доротея.

Жюли с омерзением качает головой. Подумать только, все это

происходило во Франции, в две тысячи седьмом году! Не нанося ни одного удара, не оставляя никаких следов, Клод Дехане методично уничтожал свою дочь. Уничтожал ее морально. Внешне все казалось нормальным, он не давал учителям времени отреагировать, часто переводя Алису из одной школы в другую, вполне адекватно отвечал на вопросы преподавателей. Кроме того, хорошую услугу ему оказывала наивность самой Алисы, неизменно подтверждавшей, что ее жизнь на ферме протекает совершенно «нормально». А Доротея молчала, чтобы защитить сестру. Позже Клод вообще забрал дочку из школы и тем самым оказался в полной безопасности.

[...] Время идет, Алиса превращается в красивую молодую женщину. Персонажи, на чью помощь она всегда опиралась, по-прежнему пытаются поддержать ее, но она плохо себя чувствует и переживает, причем на этот раз в одиночку, мрачные периоды. Ее все чаще посещают мысли о самоубийстве, негативные фазы становятся все чаще. Пытаясь успокоить дочь и развеять ее мрачные мысли, Клод разрешает ей получить водительские права. В этот период Алиса чувствует себя чуть более свободной. Она занимается матерью, ведет домашнее хозяйство. Отец меньше интересуется ею, и это ее полностью устраивает. Но вскоре тревоги и кошмары возвращаются. Тогда Алиса заявляет, что хочет уйти с фермы и попробовать обратиться к врачу. Разумеется, отец пытается удержать ее — год, два года, но, увидев, что она близка к самоубийству, и не в силах найти решение, он соглашается отпустить ее, однако перед этим строго-настрого, под угрозой наказания приказывает каждой личности никогда и никому не рассказывать о внутреннем мире Алисы.

Он просчитался, его «подопечные» в конце концов вышли из повиновения.

Именно в это время Алиса впервые пришла ко мне на прием.

[...] Теперь я хочу вернуться к одному эпизоду, значение которого понял лишь недавно и который, как мне кажется, может сыграть огромную роль с точки зрения излечения Алисы. Речь идет о черной дыре, которая продолжалась более тридцати дней в 2005 году. Впервые она затронула всех: Алису, Доротею, Мирабель и Николая. Это навело меня на мысль о существовании новой личности, и ответы Алисы на мои вопросы позволили мне

установить связь с Берди, чудовищем из ее детства.

Поняв, что появление этой личности должно было быть следствием новой травмы, еще более сильной, чем все предыдущие (которые принимали на себя Николая и Мирабель), я решил отвести Алису в лабораторию экспериментальной психологии, чтобы предъявить ей шокирующие изображения из имеющейся там базы данных. Тем самым я надеялся установить фобию, лежащую в основе появления Берди. Если бы мне удалось встретиться с этим персонажем, убедить его побеседовать со мной, я смог бы попытаться объединить различные личности Алисы, и это стало бы важным шагом на пути к ее выздоровлению.

Ибо сегодня я уверен, что Алиса уже готова выслушать свою собственную историю, готова встретиться лицом к лицу с потемками своего сознания и впервые в жизни понять, кто такие на самом деле Доротея, Николай и Мирабель.

Конечно, этот процесс не будет мгновенным. Пройдет, вероятно, еще много недель, прежде чем Алиса поймет свое состояние и откроет двери своего сознания перед этими параллельными персонажами. Когда она примет их в себе, это будет означать, что она берет на себя их страдания, их страхи, их достоинства и их недостатки... А также и то, что она смирится с воспоминаниями о каждодневном аде, который переживала на ферме.

По возвращении из Исследовательского центра (временные заметки, следует обработать).

Успех. Просмотр жестокого изображения человека с перерезанным горлом дал толчок к появлению крайне агрессивного персонажа, Берди. Однако он тут же убежал, и с тех пор я ничего не слышал о своей пациентке. Я с тревогой жду, когда она выйдет со мной на связь, я боюсь того, что она могла сделать.

Жюли молча выключает свой ноутбук. Вся эта работа была проделана на фоне тяжелейших нагрузок в клинике человеком, носившим в себе тайну чудовищного поступка... Она медленно вынимает флешку, убирает ее глубже в ящик и дает себе слово, что больше никогда не прикоснется к ней.

Однако голос Люка Грэхема еще долго звучит в ее мозгу. И Жюли знает, что этот голос уже никогда не покинет ее.

Благодарности

Алиса Дехане — имя вымышленное, она стала всего лишь зеркалом, самостоятельным литературным двойником, которому удалось проложить себе путь в это повествование. Иными словами, вся эта история — чистый вымысел. Ибо если в мире Алисы действительно существовали Мирабель, Доротея, Николя и Берди, со всеми другими персонажами дело обстоит совершенно иначе. В частности, доктор Люк Грэхем имеет очень мало общего с доктором Бернаром Гремманом, которого я хотел бы горячо поблагодарить за его терпеливые, ясные и поучительные объяснения, касающиеся психического расстройства Алисы. Это увлеченный человек, преданный своему делу и своим больным, и недели, проведенные в его обществе, произвели на меня сильнейшее впечатление.

Я благодарен также и доктору Кристофу Дебьену, который согласился руководить моей работой и посвятил мне много времени как в отделении неотложной психиатрической помощи, так и в своем кабинете в клинике Фонтан. Спасибо гениальному психиатру Максиму Бубровски, дававшему мне бесценные советы, и доктору Каролине Бонфис, заведующей отделением неотложной травматологии, за оказанный мне доброжелательный прием.

Я благодарен добровольным сотрудникам ассоциаций помощи беженцам, с которыми мне повезло встречаться, за их неоценимую помощь и добрые сердца. Они узнают себя на страницах этого романа.

Я хотел бы еще раз поблагодарить издательство «Ле Пассаж» за постоянную поддержку.

И конечно, я невероятно благодарен Алисе. Наши встречи навсегда останутся в моей памяти.

Информацию, касающуюся диссоциативного расстройства личности и полученную в основном из американских источников, можно охарактеризовать одновременно как обильную и редкую, точную и неопределенную. При работе над романом я черпал помощь в нескольких источниках, в частности в «Journal of Abnormal Psychology», «Archives of General Psychiatry» и «American Journal of Psychiatry». Кроме того, я хотел бы упомянуть прекрасный биографический роман Флоры Реты Шрейбер об исключительном случае женщины с шестнадцатью личностями Сибил Дорсет, а также учебник по психопатологии В. Марка Дюрана и Дэвида Г. Барлоу. Я посоветовал бы ознакомиться с ним всем тем, кто хотел бы

получить простое и ясное толкование этих проблем.

В заключение моего удивительного опыта приглашаю вас в блог Алисы: <http://alicedehaene.canalblog.com>.

И не забывайте, что история не заканчивается даже после того, как вы перевернете последнюю страницу романа...

Об авторе

Восхождение Франка Тилье к славе началось с «Комнаты мертвых» (2005). Роман мгновенно стал бестселлером, завоевал читательскую премию «Набережная детектива» (2006), премию за лучший французский детектив компании «Французские железные дороги» (2007), по нему снят фильм с Мелани Лоран, Эриком Каравака, Жилем Лелушем и Жонатаном Заккай в главных ролях. Триллеры Тилье переведены на десяток языков, за шестизначную сумму куплены американским издательством «Пингвин», ведутся переговоры об их экранизации в Голливуде.

О романе

Франк Тилье не ищет легких путей. В «Переломах» он погружает читателя в пугающий и завораживающий мир безумия. Добро пожаловать в страну иррационального.

Lire

Страсть к криминалистике и экспертизе — неотъемлемая особенность триллеров Тилье — придает им достоверность и добавляет саспенса головокружительной интриге. Но первое место автор неизменно отводит человеческим страстям и судьбам.

Le Monde des Livres

---

notes

Примечания

БАПОР — Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ.

МАСИ — Международная аффективная система изображений.

«Мальчики не плачут» (*англ.*).

«Руль на запад» (*англ.*).

Аббат Пьер — французский католический священник, основавший международную благотворительную организацию «Эммаус».

ГАМК — гамма-аминомасляная кислота.

В 2004 г. на севере Франции состоялся процесс по обвинению 17 человек из деревни Утро в развратных действиях по отношению к детям. В ходе процесса выяснилось, что большинство обвиняемых невиновны.

Ольм Франсис — серийный убийца, бродяга, совершавший преступления во время своих скитаний по Франции. Убивал своих жертв без определенного мотива, приговорен к пожизненному заключению.

Великая война — война 1914–1918 гг., Первая мировая война.

Скоро увидимся (*англ.*).

ДРЛ — диссоциативное расстройство личности.